

Е. П. САВЕЛЬЕВ

КАЗАКИ

ИСТОРИЯ

Часть II.

Розысканіе о началѣ русскаго казачества.

Глава I.

Казакн запорожскіе, сѣверскіе, рязанскіе и др.

Въ этой главѣ намъ предстоитъ разрѣшить одинъ весьма важный историческій вопросъ, который наши историки почему-то замалчивали, избѣгали и даже нарочно обходили, какъ несуществующій, а вопросъ этотъ, какъ это видно изъ приведенныхъ въ I части настоящаго изслѣдованія данныхъ, въ особенности въ XI главѣ, является въ исторіи казачества краеугольнымъ. Вопросъ этотъ: куда дѣвались изъ Золотой Орды *бродники* русскіихъ лѣтописей, этотъ, по выраженію Рубруквиса, народъ *особенный*, многочисленный, жившій по среднему теченію Дона и имѣвшій главнымъ образомъ прибой у Переволоки, для котораго въ 1261 г. учреждена была особая епархія, именовавшаяся Сареконъ и Подонской,—куда дѣвался онъ съ принятіемъ татарами магометанства и возникшимъ вслѣдствіе этого гоненіемъ на христіанъ? А также, куда дѣлись Геты-Руссы и Чиги византійскихъ историковъ, жившіе въ Приазовьѣ и вошедшіе также въ составъ новаго татарскаго царства.¹³⁸

Изъ записокъ діакона Игнатія, плывашаго вмѣстѣ съ митрополитомъ Пименомъ рѣкою Дономъ весной 1389 г. въ Царь-Градъ, черезъ 9 лѣтъ послѣ Куликовской битвы, мы видимъ, что на Дону въ то время „была пустыня зѣло, не было тамо ни града, ни села, только звѣрей велие множество“. То же говоритъ и посоль Иванъ Ш Маркъ Руфъ, ѣхавшій изъ Азова сухимъ путемъ до Рязани.

¹³⁸) Пикфоръ Григоръ. Т. I, 20 и 21. Георг. Пахимертъ. Т. I, 235 и 236.

Куда дѣвались *Асы* съ береговъ Дона и Азовскаго моря, этотъ сильный и гордый народъ, потомки древнихъ Асуровъ Ригъ-Веды и Синдовъ или Индовъ Геродота (IV, 28) и Страбона (XI, 2. 1)¹³⁹).

Изъ данныхъ, приведенныхъ въ X главѣ, части I, настоящаго изслѣдованія (стр. 148—153), мы знаемъ, что часть народа *Асъ* подъ именемъ *Ас-аровъ* или *хазаръ*, *Черкасовъ* и *Касаковъ* или *Казаконъ* изъ Приазовья переселилась въ X—XII в.в. на Днѣпръ, въ Кіевскую Русь, но большинство осталось ихъ на Дону, восточныхъ берегахъ Азовскаго моря и въ низовьяхъ Кубани (Тмутараканская Русь) подъ тѣми же именами, а также подъ именемъ бродниковъ (свободныхъ), *Аланъ*, *Чиговъ*, *Гетовъ*, *Касоговъ* или *Касаговъ* и др.

Вопросъ этотъ рѣшается очень просто.

Съ принятіемъ татарами магометанства население Приазовья и Дона, оставшееся на своихъ старыхъ мѣстахъ, терпѣло большія

¹³⁹) Въ гимнахъ Ригъ-Веды очень часто встрѣчается терминъ „Асуръ, Асуры“, связанный всегда съ орошеніемъ страны арийцевъ—Арии. Этими именемъ называли какихъ то полубоговъ, то благодѣтельныхъ, которымъ поклонялись, то вредоносныхъ, которыхъ страшались, то какихъ то титановъ, съ которыми нерѣдко боролось высшее божество. Ни одинъ изъ комментаторовъ Ригъ-Веды не опредѣлялъ ясно, какую роль играли Асуры въ Арии. Послѣ постигшихъ страну бѣдствій (см. стр. 160), ариицы выселились въ Индію и на западъ, въ переднюю и Малую Азію, подъ именемъ Асуровъ или народа *Асъ* и *Индовъ*, т. е. порѣчанъ. Напримѣръ: Индукушъ или Индукохъ—дающій рѣки; 15-й выселокъ изъ Арианы по Авестѣ (фарг. I, § 75) занялъ Хепта-Хенду, а по Ригъ-Ведѣ Сента-Синду, т. е. семь рѣкъ; Асуръ или Асы, пришедшіе съ востока, построили Нишевию (кн. Бытія, гл. 10, ст. 11 и гл. XI, ст. 2). Ариицы, переселившіеся изъ Арианы въ Европу, заняли восточные берега Чернаго моря, собственно дельту Гипаниса или Куданиса—Кубани, и стали извѣстны у древнихъ историковъ подъ именемъ Синдовъ или Индовъ, т. е. порѣчанъ, и Асовъ, Сер-асовъ или Черкасовъ, Ас-саковъ или Кас-саковъ—Казаконъ. О высокой цивилизаціи этого народа свидѣлствуютъ Геродотъ, Страбонъ и другіе древніе историки и географы. Страбонъ въ VII книгѣ своей географіи говоритъ намъ объ Асургахъ (Ас и пургосъ—башня по-гречески, т. е. объ Асахъ, имѣющихъ укрѣпленные города), какъ о сильномъ и храбромъ народѣ, принадлежавшемъ къ сарматскому роду, покорившемъ Босфорское царство, т. е. все Приазовье до самаго Кавказа, около начала нашей эры, и, такимъ образомъ, положившемъ начало новой сарматской династіи босфорскихъ царей. Владычество этой династіи длилось до 337 г. по Р. Х., т. е. до образованія Гуптской монархіи. Изъ царей этой династіи извѣстны, судя по найденнымъ при раскопкахъ монетамъ: нѣсколько Савроматовъ и Рескупорисовъ (6 или 7) (Ресъ, Расъ, Росъ), Чигъ и др.

униженія и притѣшенія отъ враговъ своей вѣры и часть его подъ усиленнымъ давленіемъ магометанства окончательно смѣшалась съ ними, положивъ основаніе особому военному сословію, извѣстному впоследствии подъ именемъ казаковъ *ордынскихъ*, а въ настоящее время киргизъ-кхасаковъ или кайсаковъ¹⁴⁰). Потомки этихъ ома-сульманенныхъ казаковъ извѣстны также подъ именемъ *казаховъ*, Казахскаго уѣзда, Елизаветпольской губ., въ Закавказьѣ, которыхъ соседніе жители просто называютъ казаками. Все же остальное свободолюбивое и сильное духомъ казачество, оставшееся вѣрнымъ религіи и завѣтамъ предковъ, переселилось на Днѣпръ и въ русскіе украинные города, подъ защиту литовскихъ и московскихъ

10-й выселокъ изъ Аріаны (Авеста, Вендидахъ, фаргардъ I) основалъ городъ Хара-Канги, по другимъ комментаторамъ—Герехеть или Керекеть, (Сер-Геть), полный чистоты, похожий на станъ, окруженный полями, но тамъ злой духъ ввелъ сожженіе труновъ. (Сожигать трупы въ Аріанѣ считалось великимъ грѣхомъ, между тѣмъ какъ обычай этотъ былъ принятъ у славянъ). Страбонъ (XI, 2. 1) говоритъ о Керекетахъ (Сер-Гетахъ), жившихъ на восточныхъ берегахъ Понта въ соедствѣ съ Чигами. 13-й выселокъ основалъ городъ Чехру сиздиукъ или Чигъ-Ару, но тамъ люди также ввели сожженіе труновъ. Другіе переводчики говорятъ объ основаніи Шакры или Сакры и Сакъ-ары. Извѣстный издатель Авесты де-Гарло говоритъ, что Сакъ-ары раньше занимали Парфію и Хоросанъ, гдѣ нынѣ Шарукъ, а потомъ подвинулись дальше на западъ и, какъ мы видѣли выше, часть ихъ осѣла въ Приазовьѣ подъ общимъ именемъ Сарматовъ, съ подраздѣленіемъ на Асовъ, Чиговъ, Гетовъ и др.

Авеста говоритъ (Вендидахъ, фаргардъ I, § 60—62), что центръ Ариі, Раю, населяли три племени Расовъ. Эти три племени вошли ясно указываютъ на выселеніе изъ Аріаны трехплеменной группы русскихъ славянъ: новгородской, киевской и азовской. О трехплеменной Руси говорятъ и арабскіе историки X в. Ибнъ-Халканъ и Хаукаль: Куявъ (Кіевъ), Славин (Новгородъ) и Артанін (Ар-Тана), т. е. Русь Азовской и Тмутораканской, жившей, по словамъ арабскихъ же историковъ Ибнъ-Дада и Мукедеси, на дѣлпетомъ и болотистомъ островѣ, подъ которымъ надо разумѣть устье Кубани.

Связь славянскаго міра съ Аріей, для которой написана была Авеста, видна еще и въ томъ, что въ славянскомъ быту крѣпко держатся и высоко цѣнятся такія моральныя качества личныя и общественныя отношенія людей между собою, которыя уже давнымъ давно прямо узаконены въ Авестѣ и по пресметливости традиціи соблюдаютъ въ рускомъ мірѣ до сихъ поръ, это *объщаніе*, вѣрность данному слову (по Авестѣ *ораль*) и еще болѣе *рукобитіе*, т. е. поданная въ обезпеченіе общанія рука. Другіе виды общанія или сдѣлокъ обезличивались мелкимъ и крупнымъ скотомъ и землей. Личная совѣсть, скотъ и земля— вотъ факторы сдѣлокъ. Условныхъ цѣнностей не было. Во всемъ этомъ видѣли нашъ древне-славянскій міръ.

¹⁴⁰) Смотри. выноску № 4.

великих князей, и объявило всему масульманству непримиримую войну, войну страшную и многовѣковую, и въ концѣ концовъ вышло изъ этой кровавой борьбы побѣдителемъ. Объ этой борьбѣ мы теперь и будемъ говорить; но прежде кинемъ бѣглый взглядъ на состояніе Золотой Орды въ XIII и XIV вв.

Долго надѣялись европейскіе союзники папы, что орда Чингисъ-хана приметъ христіанскую вѣру. Были даже пущены слухи, выражавшіе эту надежду, что въ Азіи есть уже ханы и епископы римско-католическаго исповѣданія. Но хитрые азіатскіе деспоты скоро поняли безсиліе, ненадежность и вѣчную лицемерную лживость западно-европейской дипломатіи. Поэтому каракарумскіе „великіе ханы“ предпочли принять вѣру Будды, зансенную изъ Индіи. Ханы же Золотой Орды предпочли перейти на сторону масульманъ, такъ какъ въ то время, въ первой половинѣ XIV в., сильное арабское войско стояло уже на сѣверномъ Кавказѣ, у Дербента, и въ Туркестанѣ, и слава масульманъ гремѣла по всей Азіи. Это торжество арабовъ-масульманъ и буддистовъ сконфузило и охладило любовь папистовъ къ своимъ турецко-монгольскимъ союзникамъ. Посольство Генриха III Кастильскаго къ Тамерлану во главѣ съ Рюи Гонзалесомъ де-Клавихо, въ Самаркандѣ, въ 1403—1406 г.г., было, кажется, послѣдней попыткой папъ возстановить свое прежнее вліяніе въ татарской монархіи, но она, какъ это извѣстно, потерпѣла полную неудачу. (И. Мушкетовъ. Туркестанъ). Волею или неволею паписты стали покидать мѣста и должности при золотоордынскомъ и каракарумскомъ дворахъ. Монголы стали постепенно превращаться въ свое прежнее полудикое, первобытное состояніе азіатскихъ кочевниковъ и кавалеристовъ, годныхъ только для грабежей и внезапныхъ набѣговъ на мирныхъ жителей. Не оказалось у нихъ ни высшихъ техническихъ и военныхъ знаній, ни умѣнья управлять стомилліоннымъ государствомъ.

Вмѣстѣ съ масульманствомъ татары приняли и арабскую азбуку и вообще письменность; раньше усвоенныя ими письма уйгуровъ и баковъ, такъ называемыя „джагатайскія“, (Джи-Гетовъ Средней Азіи) или древне-скиѣскія, ими были скоро позабыты. Лишь множество надписей на камняхъ въ окрестностяхъ Каракарума свидѣтельствуютъ, что письма эти были въ большомъ употребленіи у монголовъ. Буквы квадратной и прямолинейной формы.

Джагатайское нарѣчіе существовало тамъ и въ послѣдующіе вѣка и на немъ хивинскій ханъ Абуль-Гази въ первой половинѣ XVII в. написалъ генеалогію татарскихъ хановъ.

Съ уходомъ европейскихъ помощниковъ Чингизы пали. Однако до этого ухода азіаты успѣли, въ теченіе 240 лѣтъ, переселить, отуречить и монголизовать до 50 мил. русскихъ, финскихъ и другихъ народовъ восточной Европы. Гарнизоны въ Пекинѣ, Багдадѣ, Каирѣ и Туркестанѣ очень часто состояли изъ русскихъ воиновъ и плѣнниковъ. Всѣ войны въ Азін и Европѣ монголы вели, расходя на это русскихъ рекрутъ, а потому и презирали эти войска за рабское ихъ происхожденіе.

Во многихъ мѣстахъ Азін и до сихъ поръ уцѣлѣли сѣроглазые и бѣлокурые люди, несомнѣнные потомки русскихъ, отличающіеся наружностью отъ коренныхъ жителей Азін.

Въ лѣтописяхъ сохранилось нѣсколько изъ тысячей такихъ случаевъ переселенія и отуречиванія русскихъ. Такъ, напримѣръ, одинъ ревностный масульманинъ, золотоордынскій ханъ, подарилъ своему азіатскому падишаху и калифу сразу около 30 тыс. русскихъ воиновъ. Ихъ завели въ глушь Малой Азін и на пути къ Багдаду окружили своими воѣсками и силою заставили принять масульманство, совершить обрѣзаніе, переодѣться въ азіатское военное платьѣ и въ такомъ видѣ предстать предъ грозныя очи калифа. Непокорныхъ же мучили и избивали. И вѣсть при такихъ-то условіяхъ пришлось жить многочисленному русскому и аланско-казацкому населенію въ Золотой Ордѣ съ принятіемъ татарами масульманства въ XIV в. Съ этого времени и начинается массовое переселеніе этого народа въ русскіе украинные городки и на Днѣпръ, подъ защиту и на помощь русскимъ и литовскимъ великимъ князьямъ, для борьбы съ ихъ общимъ врагомъ.

На Днѣпрѣ въ то время уже жили Черкасы-касаки, переселившіеся туда въ X и послѣдующихъ вѣкахъ и извѣстные по русскимъ лѣтописямъ подъ именемъ „Черныхъ клобуковъ“. Главнѣйшее мѣстопробываніе этого народа было на правой сторонѣ Днѣпра, по р. Роси. Земля эта въ то время называлась Поросьемъ¹⁴¹⁾. Черные клобуки или Черкасы, какъ они называются въ лѣтописи, любили жизнь подвижную, но семьи свои берегли въ укрѣпленныхъ

¹⁴¹⁾ Пиатлевская лѣтопись подъ 1117 г.

станахъ или городкахъ¹⁴²). Всѣ Черкасы служили въ составѣ княжескихъ войскъ; ихъ причисляли къ „молодшей“ дружинѣ. Они участвовали во всѣхъ междоусобицахъ удѣльныхъ князей и въ битвахъ съ половцами въ продолженіи болѣе 150 лѣтъ, до самаго нашествія татаръ¹⁴³). Черкасы-касахи составляли въ княжескихъ дружинахъ легкихъ конныхъ стрѣлковъ и передовыхъ соглядатаевъ, грозныхъ своимъ казацкимъ вооруженіемъ, *копьями и саблями*¹⁴⁴). Они могли выставять до 30 тыс. человекъ. Вообще Черкасы въ Кіевскій періодъ явились весьма важнымъ сословіемъ: они участвовали въ народныхъ совѣтахъ и торжествахъ Кіева, сочувствовали его бѣдствіямъ, отличались глубокою преданностью князьямъ, но въ то же время твердо отстаивали свои права и вольности¹⁴⁵). Во время нашествія татаръ часть Черкасовъ отстояла свою независимость, укрывшись на Днѣпровскихъ островахъ; оттуда они стали нападать на татарскія владѣнія и предпринимать рѣчные и морскіе походы на турокъ и татаръ. Въ концѣ XIV в. они приобрѣли себѣ громкую извѣстность, какъ страшные морскіе пираты, грозные для всего маульманскаго міра. Историкъ Костомаровъ въ „Иванѣ Свирговскомъ“ прекрасно изобразилъ эту многовѣковую идейную борьбу христіанскаго казачества съ ненавистнымъ ему маульманствомъ.

Укрывшіеся на островахъ Черкасы первоначально назывались „Касаками островными“, а потомъ казаками Запорожскими. Къ нимъ во второй половинѣ XIV вѣка прикошевали новые Черкасы, пришедшіе съ Кубани въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ семей. Они основали на правой сторонѣ Днѣпра, ниже нынѣшняго Канева, станъ, назвавъ его Черкасы¹⁴⁶).

Въ исторіи Рязанскаго княжества казаки впервые упоминаются въ 1444 г. Въ то время въ Переяславлѣ Рязанскомъ зимовалъ съ своимъ войскомъ татарскій царевичъ Мустафа. Узнавъ объ этомъ, московскій великій князь Василій Темный послалъ на него пѣхоту, вооруженную ослопами, топорами и рогатинами. Туда же пришла мордва и прибрѣжали на лыжахъ „Рязанскіе казаки“ съ *копьями*

¹⁴² Тамъ же, годъ 1146 г.

¹⁴³ Тамъ же, годъ 1149, 1150 и 1160 г.г.

¹⁴⁴ Лаврент. лѣтн. годъ 1169 г. и Пискаревская годъ 1162 г.

¹⁴⁵ Лаврент. лѣт. годъ 1138 г. и Писар. годъ 1154 г.

¹⁴⁶ Татищевъ — Россійскія Исторіи. Рязьдманъ — Лѣтописное сказаніе о Малой Россіи. Стр. 10. Маркевичъ — Исторія Малороссіи, т. I, стр. 7 и 8 Синописъ Россійскій.

и саблями. Зима была холодная и снѣгъ глубокой. Мустафа укрѣпился на берегу р. Листанц, верстахъ въ десяти отъ города. Сѣча была жестокая. Всѣ татары были перебиты; палъ и ихъ царевичъ¹⁴⁷⁾. Рязанцы въ этой битвѣ не участвовали: они старались дружить съ татарами, какъ пограничными своими владѣльцами. Подъ 1492 и 1493 г.г. лѣтопись говоритъ намъ о „казакахъ ордынскихъ“, нечаянно пришедшихъ въ Рязанскую землю и взявшихъ три села. Эти „ордынскіе казаки“ въ лѣтописи названы татарами. Въ послѣдующихъ вѣкахъ они наводили страхъ на купеческіе и посольскіе караваны по Дону близъ Переволоки и по нижней Волгѣ.

Рязанскіе казаки въ Исторіи Россіи играли весьма видную роль, дѣлая разбѣзды внизъ по Дону и шагъ за шагомъ отетанвая у татаръ каждую пядь родной имъ земли. При покореніи Казани Іоанномъ IV ихъ участвовало до 7 тыс.

Съ 1468 г. стали упоминаться въ нашихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ казаки московскіе¹⁴⁸⁾.

Въ предѣлахъ древняго княжества Сѣверскаго, во всѣхъ главныхъ и пограничныхъ городахъ, какъ-то: Черниговѣ, Новгородѣ-Сѣверскомъ, Стародубѣ, Путивлѣ, Рыльскѣ и другихъ, появились свои казаки подъ наименованіемъ украинскихъ, сѣверскихъ или севрюковъ¹⁴⁹⁾.

Съ 1491 г. упоминаются казаки мещерскіе или городецкіе. Съ 1474 г. въ Крымской ордѣ¹⁵⁰⁾, съ 1491 г. въ царствѣ Казанскомъ, съ 1502 г.—Астраханскомъ, до 1471 г.—въ Азовѣ¹⁵¹⁾. Съ 1515 г. появляются на сцену казаки Бѣлгородскіе, станъ которыхъ располагался близъ Аккермана, у Днѣстровскаго лимана, въ нынѣшней Бессарабской губ.¹⁵²⁾, потомъ въ Очаковѣ, у чувашъ, черемисъ, мордвы, въ Соловкахъ при архимандритѣ Филиппѣ, впоследствии митрополитѣ московскомъ, и въ другихъ мѣстахъ. Въ крымскихъ генуэзскихъ колоніяхъ, Каффѣ и др. и въ ихъ окрестностяхъ, также были казаки, выходившіе на добычу въ Поле и нападавшіе на татарскіе улусы. Казаки эти, однако, не при-

¹⁴⁷⁾ Исторія Рязанскаго княжества, стр. 151. Д. Пловайскій. Москва. 1884 г.

¹⁴⁸⁾ Царская лѣт. Стр. 385.

¹⁴⁹⁾ Русск. лѣт. по Никонов. списку, VIII. Дѣла погайск., связка № 3.

¹⁵⁰⁾ Карамзинъ, г. VI, прил. 124.

¹⁵¹⁾ Дѣла Крымскія, кн. 1-я.

¹⁵²⁾ Дѣла турецкія, кн. 1-я, листъ 68.

надлежали къ итальянскимъ гарнизонамъ и вообще не входили въ составъ этихъ общинъ. Такъ, на примѣръ, въ Запискахъ Одес. Общ. исторіи и древностей (т. V стр. 613) приводится замѣтка, поставленная на поляхъ древне-греческаго синоксаря г. Судгеи (Судака) и относящаяся къ 1307—8 году, объ убійствѣ казаками молодого чловека (быль заколотъ) Альмальчи, сына Самака, вѣроятно магометанина.

Въ Уставѣ для генуэзскихъ колоній на Черномъ морѣ, изданномъ въ Генуѣ въ 1449 г., также говорится о казакахъ, нападавшихъ на татаръ и угонявшихъ у нихъ скотъ¹⁵³⁾.

Такимъ образомъ съ принятіемъ татарами магометанства казачьи общины изъ Приазовья и придонскихъ степей разбросались по всемъ украинамъ великой Русской земли, до Новгорода и Соловецкихъ острововъ. Но главныя силы ихъ сосредоточились по пограничнымъ съ татарами мѣстностямъ, въ княжествахъ Рязанскомъ, по верховьямъ Дона, Сѣверскомъ, по верховьямъ Донца, и по Днѣпру. Отсюда они стали вести наступательную войну съ магометанами, отстаивая каждый шагъ дорогой имъ родины.

Это расселеніе и видѣреніе въ Русь казачества дало поводъ нашему историку С. М. Соловьеву высказать свое положеніе, что казачество составляло слой русскаго общества, нѣкогда распространенный по всей Россіи; что еще въ XVI в. казаками звали наемныхъ рабочихъ, батрачившихъ по крестьянскимъ дворамъ, людей безъ опредѣленныхъ занятій и постояннаго мѣстожительства. Историкъ Ключевскій пошелъ дальше и высказалъ предположеніе, что пограничное казачество сложилось изъ класса людей, съ оружіемъ въ рукахъ уходившихъ въ степь для рыбнаго и звѣринаго промысла; что этимъ людямъ, при постоянныхъ столкновеніяхъ съ такими же добычниками татарами, усвоено было татарское названіе „казаковъ“, вольныхъ бездомныхъ батраковъ; что первоначальной родиной русскаго казачества можно признать линію пограничныхъ со степью русскихъ городовъ, шедшихъ отъ средней Волги на Рязань и Тулу, потомъ переламывавшуюся хруто на югъ и упиравшуюся въ Днѣпръ по чертѣ Путивля и Переяслава; что вскорѣ казачество сдѣлало еще шагъ въ своемъ наступленіи на степь,—то было время ослабленія татаръ, раздѣленіе Орды. Горо-

¹⁵³⁾ Зап. Одес. О-ва ист. и древ., т. V, стр. 620—837.

довые казаки и прежде всего рязанскіе стали осѣдять военно-промысловыми артелями въ открытой степи, въ области верхняго Дона. Донскихъ казаковъ, говорить далѣе Ключевскій, едва-ли не слѣдуетъ считать первообразомъ степного казачества. По крайней мѣрѣ, во второй половинѣ XVI в., когда казачество западное только еще начинало устроиться въ военное общество, донское является уже устроеннымъ. Въ составъ его входили и крещенные татары¹⁵⁴).

Такимъ образомъ по Ключевскому выходитъ, что грозное казачество возникло какъ-то такъ, само собою, изъ рыболововъ и звѣролововъ, сгруппировавшихся въ военно-промысловыя артели и ставшихъ наступательно дѣйствовать на татаръ. Эти историкъ забываетъ, что народы и притомъ „особенные“, какъ выразился еще Рубруквисъ въ половинѣ XIII в., не падаютъ съ неба и не создаются искусственно. Всякое проявленіе жизни народной имѣетъ преемственную связь съ минувшими историческими событіями. И шагъ за шагомъ, звено за звеномъ, событія эти тянутся закономерно, безъ скачковъ, одно за другимъ на протяженіи всей исторіи народовъ. Чтобы объяснить какое либо историческое явленіе, нужно найти его причину и первопричину, иначе говоря, изучить жизнь предшествовавшихъ народовъ во всѣхъ ея проявленіяхъ и найти между предыдущими и послѣдующими событіями естественную, но не искусственную связь.

Отрядъ Рязанскихъ казаковъ въ 1444 г. по глубокому снѣгу прилетѣлъ на лыжахъ, вооруженный саблями и копьями, и напалъ вмѣстѣ съ московскими ратниками на зимовавшихъ тамъ татаръ. Откуда взялся этотъ отрядъ, кто его сформировалъ,—исторія намъ не объясняетъ. Но всѣ знаютъ, что копье и сабля—орудія не рыболововъ и не звѣролововъ.—это оружіе войны, извѣстное еще въ древности у южныхъ казацкихъ народовъ, Гетовъ, аланъ и роксоланъ, а потомъ у казаховъ-Черкасовъ на Днѣпрѣ.

Битва на берегу Листани, близъ Переяславля Рязанскаго, была жаркая. Сопротивленіе, оказанное татарами, говоритъ историкъ Иловайскій, достойно было лучшихъ временъ ихъ славы. Они не сдавались въ плѣнъ и были всѣ перебиты. Наивныя разсужденія объ охотникахъ, рыболовахъ и звѣроловахъ, тутъ не у мѣста. Ка-

¹⁵⁴) В. О. Ключевскій. Курсъ лекцій по Русской Исторіи. Часть III, стр. 131—134.

зація общины могли пополняться подобными промышленниками и вообще людьми, жаждавшими свободы и славы,—это такъ. Казачество никому не запрещало вступать въ его среду и идти въ степь на борьбу съ врагомъ христіанства. Существованіе коренного самобытнаго казачества въ придонскихъ и приазовскихъ степяхъ для всѣхъ очевидно. Къ этому выводу пришелъ и извѣстный русскій историкъ И. Е. Забѣлинъ¹⁵⁵⁾. Эту же мысль провелъ ученый археологъ А. А. Спицынъ въ своихъ „Историко-археологическихъ изысканіяхъ“, относящихся къ Донскому краю и проливающихъ свѣтъ на его прошлое. Принимая въ соображеніе существованіе русской Тмутаракани въ XI и XII в. в. и наличность города Россіи въ низовьяхъ Дона, а также указаніе Рубруквиса на многочисленность славяно-аланскаго населенія по среднему и нижнему теченію Дона въ 1253 г., Спицынъ пришелъ къ выводу, что это именно русскіе элементы и послужили ядромъ для созданія донскаго казачества. Городки съ христіанскимъ населеніемъ въ XIV в. были и по верхнему Дону, по р.р. Воронѣ и Хопру. Развалины этихъ городковъ видѣлъ митрополитъ Пименъ, плывшій р. Дономъ весною въ 1389 г. въ Азовъ. Къ этимъ то христіанамъ и были посланы московскими митрополитами Θεогностомъ между 1334 и 1353 г.г. и Алексѣемъ около 1360 г. грамоты для укрѣпленія ихъ въ вѣрѣ. Грамота Θεогноста адресована „Къ баскакомъ, и къ сотникомъ, и къ игуменомъ, и къ попомъ, и ко всѣмъ христіаномъ Червленаго Яру и ко всѣмъ городомъ, по Великую Ворону“. Грамота Алексѣя начинается такъ: „Благословеніе Алексѣя, Митрополита всея Руси, ко всѣмъ христіаномъ, обрѣтающимся въ предѣлѣ Червленого Яру и по карауломъ возлѣ Хопоръ по Дону, попомъ и діакономъ, и къ баскакомъ, и къ сотникомъ, и къ бояромъ“¹⁵⁶⁾. Въ 1354 г. при митр. Алексѣе часть придонской области отъ Червленаго Яру по р.р. Хопру и Дону, т. е. вся лѣвая сторона теченія р. Дона, отошла въ составъ Рязанской епархіи, а правая осталась въ вѣдѣніи епископа Сарскаго и Подонскаго, называвшагося впоследствии Крутицкимъ. Епархія эта простиралась отъ Нижней Волги до Днѣпра. Въ Саратовской духовной консисто-

¹⁵⁵⁾ Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Часть 1-я. Москва. 1876 г., стр. 417 и 420.

¹⁵⁶⁾ Исторія русской церкви. Митр. Платона.

рін хранится нѣсколько антиминсовъ изъ этихъ церквей, а также церквей, бывшихъ въ городкахъ по р. Медвѣдицѣ¹⁵⁷⁾.

Оставшимся на Дону казацкимъ общинамъ пришлось терпѣть отъ магометанъ разныя обиды и угѣсненія.

Когда татары были еще полуязычники и полумагометане, церковныя имущества христіанъ Золотой Орды не подвергались разграбленію и даже освобождались отъ сборовъ въ пользу хановъ. Такъ, напримѣръ, въ 1342 г. митрополитъ Теононость выхлопоталъ у хана новый ярлыкъ, въ подтвержденіе прежнихъ, объ освобожденіи русской церкви на Дону отъ всякой дани. Въ числѣ церковныхъ имуществъ упоминаются и „виноградники“, росііе, надо полагать, не сѣвернѣ средняго теченія Дона¹⁵⁸⁾.

Къ концу XIV в., съ воцареніемъ хана Мамая, притѣсненія христіанъ усилились до того, что казакамъ, оставшимся въ Золотой Ордѣ, не оставалось иного исхода, какъ покинуть свою родину и переселиться къ русскимъ украинамъ. Услышавъ, что московскій великій князь Дмитрій Ивановичъ собираетъ войска на рѣшительную борьбу съ татарами, донскіе казаки изъ городковъ Сиротина и Гребни поспѣшили къ нему на помощь и поднесли накануне Куликовской битвы, бывшей 8 сентября 1380 г., икону-хоругвь Донской Богородицы и образъ Богородицы Гребневской¹⁵⁹⁾.

Рязанскій митрополитъ Стефанъ въ сказаніи о Гребневской иконѣ Божіей Матери подъ 1712 г. говоритъ, что икону эту поднесли великому кн. Дмитрію казаки „городка Гребни, иже на усть рѣки Чира глаголема“. Икона эта находится въ Москвѣ, на Лубянкѣ. Городокъ Сиротинъ могъ быть близъ того мѣста, гдѣ нынѣ Сиротинская станица, на островѣ р. Дона. Еще въ половинѣ прошлаго вѣка тамъ были замѣтны древніе валы, ямы и вообще остатки укрѣпленій. Сиротинская станица—старое насѣженное мѣсто казаковъ. Въ окрестныхъ оврагахъ и балкахъ и теперь находятъ

¹⁵⁷⁾ Подъ Червленымъ Ярѣмъ разумѣлось все степное пространство между р.р. Воронежскъ, Дономъ, Хопромъ и Великою Вороной. Баскаки или баски, пришедшіе съ татарами изъ древней Бактріаны, какъ видно изъ грамотъ митрополитовъ Теононости и Алексѣя, исповѣдывали христіанскую вѣру.

¹⁵⁸⁾ Грамота хана Дженебека митрополиту Теононосту, выданная по ходатайству ханши Тайдулы въ 1342 г. „Житія святыхъ, чтимыхъ правосл. церковью“. Мартъ, число 14. Преем. Филарета (Гумилевскаго).

¹⁵⁹⁾ Историческое описаніе Московскаго Ставропигиальнаго Донскаго монастыря. П. Е. Забѣлячъ. Изд. 2-е, 1893 г. Лѣтопис. архидиакрита Донскаго монастыря Антонія, 1592 г., въ предисловіи къ „Вкладной книгѣ“ монастыря.

старое казацкое оружіе, подземные въ горахъ ходы, гроты съ потайными выходами, въ которыхъ остатки казачества укрывались отъ преслѣдованія татаръ.

Станица Кременская и Качалинская, расположенныя въ той же мѣстности, близъ Переволоки, относятся также къ старымъ городкамъ казачества. Въ десяти верстахъ отъ станицы Трехъ-Островянской и въ четырехъ верстахъ отъ развалинъ древняго городища, называемаго Качалинскимъ, возвышается большой бугоръ-гора, подъ названіемъ Иловлинскій Маякъ, съ котораго открывается обширный видъ на степи верстъ на 100 и откуда казаки прежнихъ вѣковъ наблюдали за движеніями татарскихъ полчищъ. Не въ далекомъ разстояніи отъ этого Маяка находятся такія же возвышенности: Суханова-Дуброва, Варламовъ-Мысь, Анохинъ-Мысь и др. Всѣ эти возвышенности въ народѣ зовутся „Вѣнцы“. У подошвы этихъ горъ, на берегу стараго русла Дона, имѣются два старыя городища и на одномъ изъ нихъ развалины когда-то существовавшего металлургическаго завода. Въ ближайшихъ горахъ находятъ залежи желѣзной руды, колчедана и камней съ золотистымъ блескомъ. Въ этихъ же мѣстахъ былъ прежде старый казачій городокъ Рига, а потомъ Паншинскій. По запискамъ Рубруквиса мѣстность близъ Переволоки, т. е. отъ нынѣшнихъ Сиротинской и Пятизбязьской станицъ до Волги, была густо населена бродниками, имѣвшими тамъ свои укрѣпленные станы.

Послѣ мамаевскаго погрома казаки покинули свои старыя жилища. О названныхъ городкахъ въ сказаніяхъ послѣдующихъ вѣковъ не сохранилось никакихъ извѣстій. Діаконъ Игнатій, спутникъ митрополита Пимена, ѣхавшаго въ 1389 г. рѣкою Дономъ отъ самаго его верховья до Азова, въ запискахъ своихъ говоритъ, что на своемъ пути они видѣли только развалины городковъ и то большею частью въ верховьяхъ Дона; все же остальное пространство „была пустыня зѣло“. И дѣйствительно, послѣ многихъ набѣговъ татаръ на Рязанское и Московское княжества, южныя окраины ихъ представляли сплошную пустыню, покрытую могилами удалыхъ ея рыцарей.

Въ 1365 г. въ Рязанскомъ княжествѣ произвелъ погромъ ханъ Тагай, налетѣвшій съ востока. Въ 1373 г. отрядъ, посланный ханомъ Мамаемъ, разгромилъ то же княжество и съ большимъ поло-

номъ возвратился на югъ¹⁶⁰). Въ 1377 г. царевичъ Арапша вновь громилъ рязанскія поселенія. Въ слѣдующемъ году татары вновь явились въ рязанскую землю, но на р. Вожѣ были разбиты Вел. Кн. Дмитріемъ Ивановичемъ. Въ отмѣтку за это поражение татары въ томъ же году вновь разорили русскія украинны, а въ 1380 г., подъ предводительствомъ самого Мамаю, двинулись на Русь съ цѣлью окончательнаго ея разоренія и порабощенія. „Казнимъ рабовъ строптивыхъ! говорилъ онъ въ гнѣвъ:—да будутъ пепломъ грады ихъ, веси и церкви христіанскія! Обогатимся русскимъ золотомъ!“.

Войско его, болѣе 150 тыс. чел., состояло изъ татаръ, остатковъ половцевъ, турокъ, армянъ, наемныхъ кавказскихъ горцевъ и генуезцевъ изъ Кафы и другихъ черноморскихъ колоній. Всѣ эти хищники, прельщенные обѣщаніями Мамаю, съ охотой шли въ его полки, желая поживиться богатствами Москвы и другихъ русскихъ городовъ. Это были послѣднія усилія политики папъ и ихъ союзниковъ—татаръ. На помощь къ нимъ спѣшилъ ревностный католикъ, литовско-польскій король Ягайло, недавно обращенный въ христіанство и получившій благословеніе папы на столь славный подвигъ. Мамаю шелъ не спѣша, дожидая Ягайла и уничтожая все на своемъ пути. „Яко левъ ревый и яко медвѣдь пыхая и аки демонъ гордяся“... говоритъ про это движеніе Мамаю лѣтопись. Онъ перешелъ Волгу и съ большими силами остановился кочевать по р. Воронежу¹⁶¹). Все восточное Подонье имъ было разорено. Послѣ пораженія Мамаю на Куликовскомъ полѣ, вслѣдъ за нимъ явился новый грабитель Тахтамышъ, а за нимъ гроза всего востока—страшный Желѣзный Хромецъ—Тамерланъ. Онъ прошелъ весь югъ современной Россіи и стеръ съ лица земли все тамъ живущее. Даже богатый и многолюдный Азовъ подвергся той же участи (1395 г.). Многочисленное посольство, состоявшее изъ купцовъ венеціанскихъ, генуезскихъ, каталонскихъ, бискайскихъ и египетскихъ, встрѣтило этого завоевателя на берегу р. Дона съ богатыми дарами и ласками. Тамерланъ успокоилъ ихъ на словахъ, но въ то же время велѣлъ одному изъ эмировъ занять городъ. Всѣ дома и лавки были ограблены и жители перебиты. Спаслись лишь

¹⁶⁰) Исторія Рязанскаго княжества. Пловайскій. Стр. 102.

¹⁶¹) Полное собраніе Русскихъ лѣт., т. XI, 47. Карамзинъ—Исторія государства Россійскаго, т. V, гл. II-я.

тѣ, которые успѣли укрыться на судахъ и уйти въ море. Такимъ образомъ Азовъ и богатства его исчезли¹⁶²).

Посоль Иванъ III Маркъ Руфъ, онъ же Марко Толмачъ, ѣхавшій р. Дономъ въ Азовъ и обратно сухимъ путемъ до Рязани, писалъ, что „на Дону, кромѣ земли да неба, они ничего не видѣли“. До такого состоянія въ концѣ XIV и началѣ XV в. была доведена татарами когда-то густо населенная и богатая естественными произведеніями Донская страна, именуемая въ нашихъ лѣтописяхъ „Полемя“, полемя кровавыхъ битвъ, рыцарской отваги и молодечества.

Съ распаденіемъ и ослабленіемъ Золотой Орды Поле дѣлается ареной страшной идейной борьбы христіанскаго казачества съ народами басурманскими: турками, крымцами, казанцами и астраханцами. Въ началѣ XVI стол. казацкія товарищества уже сновали по всемъ направленіямъ, отъ Волги до Днѣпра, высматривая непріятеля и слѣдя за его движеніями. „Отъ казака страхъ на Полѣ“, писалъ Іоаннъ III крымскому хану Менгли-Гирею въ 1505 г. И дѣйствительно, казачество мстило своимъ притѣснителямъ, не считаясь въ своихъ дѣйствіяхъ съ политикой Москвы. Къ концу XIV в. относится и переселеніе казаковъ съ Дона на р. Яикъ или Уралъ. Преданіе, переданное въ 1748 г. яицкимъ атаманомъ Меркульевымъ о началѣ казачества, Рычковъ напечаталъ въ журналѣ „Сочиненія и переводы ежемѣсячныя“ въ 1762 г. Пушкинъ преданіе это помѣстилъ въ I-мъ примѣчаніи къ „Исторіи Пугачевского бунта“. По этому преданію начало Яицкаго казачества таково. Отецъ Меркульева, жившій сто лѣтъ и умершій въ 1741 г., слышалъ въ молодости отъ своей столѣтней бабки, что она, будучи двадцати лѣтъ, знала одну очень старую татарку по имени „Гугниху“, которая рассказала ей, что во время нашествія Тамерлана на Россію (1395 г.) донской казакъ Василій Гугня ушелъ съ Дона съ 30 казаками-товарищами и поселился на р. Яикѣ, въ то время необитаемомъ, и, такимъ образомъ, положилъ основаніе Яицкому войску. Гугниха была женой этого казака. Уральскіе казаки и до сихъ поръ чтутъ память „бабушки Гугнихи“ и на пиряхъ пьютъ, по старой привычкѣ, за ея здоровье¹⁶³).

¹⁶²) Карамзинъ—Исторія Госуд. Росс. т. V, гл. II-я.

¹⁶³) На Дону до послѣдняго времени существовала станица Гугнинская, упоминаемая въ актахъ еще въ XVII в. Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія эта станица переименована въ Бакалановскую.

Къ этому же времени начинается усиливаться движеніе новгородскихъ „повольниковъ“ или „ушкуйниковъ“ въ сѣверные и восточныя страны. Еще съ XI в. они стали появляться на р. Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ и Сѣверной Двинѣ, въ странахъ, дотолѣ мало извѣстныхъ и населенныхъ полудикими финскими племенами; основывали по берегамъ этихъ рѣкъ новыя городки и заводили торговыя сношенія съ мѣстными жителями. Подъ предводительствомъ своихъ выборныхъ старшинъ, или „ватмановъ“, эти отважные купцы-воины въ XIII и XIV вв. появляются въ землѣ зырянъ, живущихъ по р. Вычегдѣ и Выми, въ Югоріи (по р. Печерѣ) и въ Пермѣ; въ 1361 г. спускаются внизъ по Волгѣ въ самое гнѣздо татаръ, въ ихъ столицу Сарайчикъ, а въ 1364—65 г.г. подъ предводительствомъ молодого ватмана Александра Обакумовича пробираются за Уральскій хребетъ и разгуливаютъ по р. Оби до самаго моря. Вскорѣ на 150 лодкахъ они подошли къ Нижнему и умертвили тамъ множество татаръ, армянъ, хивинцевъ, бухарцевъ и взяли всѣ ихъ богатства, женъ и дѣтей; потомъ вошли въ р. Каму и разорили многія болгаро-татарскія селенія¹⁶⁴). Въ то же время изъ р. Вятки они вновь появились на Волгѣ и разорили Казань и другіе города и села, принадлежавшіе татарамъ, а также захватили товары всѣхъ купцовъ, встрѣтившихся имъ на Волгѣ¹⁶⁵).

Хотя подобныя набѣги не нравились московскому великому князю, принужденному поддерживать дружбу съ ханами, но новгородцы его мало слушались и дѣйствовали на свой рискъ и страхъ. Еще въ 1181 г. эти отважные рыцари основали на р. Вяткѣ свой укрѣпленный сганъ, городокъ Хлыновъ, переименованный въ концѣ XVIII в. въ г. Вятку; отсюда то они и предпринимали свои путешествія внизъ по Волгѣ.

Вятская община управлялась, какъ и древній Новгородъ, вѣчемъ, во главѣ котораго стояли избранные народомъ „атаманы“¹⁶⁶). Община эта была сильнѣйшею на всемъ сѣверо-востокѣ Россіи; жители ея пахали землю и сѣяли хлѣбъ, торговали съ другими новгородскими и великокняжескими областями, съ казанскими татарами, камскими и волжскими болгарами (нынѣ казанскіе татары)

¹⁶⁴) Исторія Госуд. Россійск. Карамзинъ. Т. V, гл. 1-я.

¹⁶⁵) Тамъ же, гл. 2-я.

¹⁶⁶) Московскій митрополитъ Геронтій въ своемъ посланіи къ жителямъ Хлынова, въ 1471 г., обращается „къ атаманъ и всему люду“.

и пермяками, дѣйствуя гдѣ мирнымъ путемъ, а гдѣ огнемъ и мечемъ. Къ концу XV в. эти отважные купцы-воины сдѣлались страшными по всему Поволожью не только для татаръ, но и для русскихъ.

По сверженіи татарскаго ига, Иванъ III обратилъ вниманіе на этотъ безпокойный и неподвластный ему народъ, и въ 1489 г. Вятка была взята и присоединена къ Москвѣ. Разгромъ Вятки сопровождался большими жестокостями: главные народные вожаки Аникіевъ, Лазаревъ и Богодайчиковъ были въ оковахъ приведены въ Москву и тамъ казнены; земскіе люди переселены въ Боровскъ и въ Кременецъ, а купцы въ Дмитровъ; остальные обращены въ холоповъ¹⁶⁷⁾. Но самый свободолюбивый и безпокойный элементъ этого народа ни за что не хотѣлъ покориться Москвѣ и разсѣялся по сѣверу и востоку Россіи. Большая часть этихъ удальцовъ съ своими женами и дѣтьми на судахъ спустилась внизъ по Вяткѣ и Волгѣ до Жигулей и укрылась въ этомъ малодоступномъ и дикомъ краю. Въ первой половинѣ XVI столѣтія эта удалая вольница съ Волги перешла волокомъ на Иловлю и Тишанку, впадающія въ Донъ, а потомъ, при появленіи въ низовьяхъ Дона азовскаго, запорожскаго и сѣверскаго казачества, расселилась по этой рѣкѣ вплоть до Азова.

До покоренія Казанскаго царства, т. е. до господства татаръ на Волгѣ, волжское казачество не имѣло никакихъ сношеній съ Москвою, а потому русскіе лѣтописцы того времени о немъ совсѣмъ умалчиваютъ. Лишь въ 1519 г. посолъ Голохвостовъ въ своихъ донесеніяхъ московскому вел. князю Василю III изъ Азова и Керчи сообщалъ, что ногаи, тѣснимые *казаками*, хотѣли перейти Волгу, но астраханскій царь ихъ не пустилъ¹⁶⁸⁾.

О присутствіи новгородскаго элемента въ Донскомъ казачествѣ скажемъ подробно ниже. Теперь кинемъ бѣглый взглядъ на казачество Азовское и Черкасское, оставшееся на р. Кубани. Итальянскій путешественникъ Иосафъ Борбаро, прожившій въ Танѣ (Азовѣ) около 16 лѣтъ и хорошо изучившій мѣстныхъ и окрестныхъ жителей, въ своихъ запискахъ, составленныхъ въ 1436 г., говорить, что по всему восточному побережью Азовскаго моря, на 12 дней пути,

¹⁶⁷⁾ Карамзинъ. Т. VI, гл. IV.

¹⁶⁸⁾ Собрн. Россійск. Импер. Истор. О-ва, т. 95, стр. 668 и 669.

вплоть до Мингрелии и Черкасии, живутъ Аланы, исповѣдывающіе, какъ и Черкасы, греческую христіанскую вѣру; что Аланы на своемъ языкѣ себя называютъ „Асъ“. Въ соседствѣ съ Аланами на крымскомъ берегу живутъ Готы, исповѣдывающіе ту же вѣру¹⁶⁹).

Подчинились ли Аланы и Готы татарамъ,—Барбаро въ своихъ запискахъ не говоритъ ни слова, а лишь вкратцѣ сообщаетъ, что татары за 100 лѣтъ до него приняли магометанскую вѣру и что ихъ считается до 300 тысячъ.

Харьковскій профессор Рейтъ въ своихъ изслѣдованіяхъ (1810 г.) говоритъ, что Аланы, смѣшавшись съ Готами, положили основаніе племени казаковъ, столицей которыхъ въ XV в. былъ городъ Азовъ, отъ народа „Асъ“, какъ себя называли Аланы.

Въ Азовѣ съ древнѣйшихъ временъ стоялъ чтимый казаками храмъ Св. Іоанна Предтечи и въ немъ икона того же святого, написанная въ 637 г., о чемъ подробно уже говорено въ IX гл., части 1-й „Предки казачества“, стр. 135 и 136.

Послѣ упорной шестидесятилѣтней борьбы греки при помощи православныхъ славянскихъ народовъ и Руссовъ изгнали латинскихъ крестоносцевъ, но Византійская имперія до того была ослаблена, что окончательное ея паденіе давно уже было предвѣщено. Бѣдность и невѣжество населенія, развратъ высшихъ слоевъ общества, маловѣріе и ханжество духовенства, сведнаго религію въ обрядъ, ускорили эту катастрофу. Въ 1453 году Константинополь былъ взятъ турками и разгромленъ. Папы и тутъ показали свою вѣроломную политику. вмѣсто того, чтобы дать существованію ую помощь погибающему христіанскому государству, они лишь отдѣлывались разными обѣщаніями и двухмысленно зывали къ западнымъ государямъ о новомъ крестовомъ походѣ, но тѣ не двинулись съ мѣста. Пока шла эта игра, папы настойчиво требовали отъ византійскихъ императоровъ и патріарха уступки въ догматахъ вѣры и торжественнаго соединенія церкви, съ каковою цѣлю папа Николай V прислалъ въ Константинополь еще въ 1452 г. своего кардинала Исидора. Пренія о вѣрѣ, вызванныя этимъ посольствомъ, еще болѣе усилили вражду между греками и латинянами¹⁷⁰). Паписты умыли руки и не дали помощи. Константинополь палъ. Покоривъ Византійскую Имперію, турки обратили вни-

¹⁶⁹) Библиотечка иностр. писателей о Россіи, В. Семеновъ. 1836 г., т. I.

¹⁷⁰) Всемирная Исторія, Беккеръ, Часть VI, глава, 42.

маніе и на ея колоніи. расположенныя по берегамъ Азовскаго и Чернаго морей, но тутъ встрѣтили они упорное сопротивленіе отъ казачества: ни днѣпровскіе, ни кубанскіе Черкасы, ни азовскіе казаки ни за что не хотѣли признать надъ собою власть султана. Въ 1471 г. турки съ большими силами взяли древній оплотъ казачества—Азовъ; они застали въ этомъ городѣ вольное товарищество, которое въ русскихъ актахъ слыло подъ именемъ „азовскихъ казаковъ“¹⁷¹⁾. Эти казаки представляли особое сословіе города, отдѣльное отъ другихъ военныхъ людей. У нихъ былъ свой выборный начальникъ, называемый „шубашъ“ и имѣвшій власть и силу охранять права своего товарищества¹⁷²⁾. Исполнители его распоряженій назывались „урядниками“. Что эти казаки были не татары, видно изъ показанія самихъ турокъ и крымцевъ, дѣлавшихъ явное различіе между ними и другими военными людьми Азова, называя послѣднихъ нашими казаками, или нашими людьми, а также отличали „старыхъ Азовскихъ казаковъ“ отъ ордынскихъ, называя ихъ волжскими татарами¹⁷³⁾. Изъ шубашей азовскихъ казаковъ извѣстны: Караманъ -- 1500 г. На него жаловался крымскій ханъ Менгли-Гирей турецкому султану за нападеніе въ Полѣ на русскаго посла Кубенскаго и на ѣхавшаго съ нимъ крымскаго посла, убитаго въ этомъ нападеніи¹⁷⁴⁾. Аузь-Черкасъ и Карабай¹⁷⁵⁾.

Въ виду многихъ жалобъ на своеволие казаковъ, какъ русскихъ князей, такъ и крымцевъ, султанъ Баязетъ далъ повелѣніе Менгли-Гирею и сыну своему, кафинскому султану, Магмету Шах-содѣ, всѣхъ лихихъ пашей, казаковъ азовскихъ и другихъ казаковъ, сколько ихъ найдется въ городѣ, схватить и привести въ Царьградъ. Для охраненія же пословъ и гостей поставить въ Азовѣ другихъ военныхъ людей изъ крымцевъ и кафинцевъ. Менгли-Гирей отправилъ въ Азовъ сына своего Бурнаша съ 2 тыс. крымцевъ, кафинцевъ и наемныхъ черкесовъ, жившихъ въ Крыму.

По прибытіи въ Азовъ, Бурнашъ арестовалъ „большихъ“ людей и нѣсколько казаковъ и отослалъ ихъ въ Крымъ, велѣвъ разсадить по тюрьмамъ. Всѣ же прочіе азовскіе казаки разбѣжались.

¹⁷¹⁾ Карамзинъ. Т. VI. Прим. 495.

¹⁷²⁾ Дѣла Крымскія. Кн. 2. Наказъ Ивана III послу Кутузову и списокъ обидамъ, 1499 г.

¹⁷³⁾ Дѣла Крымскія. Кн. 2, стр. 740, 742 и 762. Донесеніе посла Кубенскаго 1500 г. и грам. послу Заболотскому 1503 г.

¹⁷⁴⁾ Тамъ же, стр. 740—742. Донесеніе посла Кубенскаго 1500 г.

¹⁷⁵⁾ Тамъ же, стр. 361. Донесеніе посла Мамонтова 1502 г.

„Нынѣ добро учинилось въ Азовѣ“, писалъ крымскій ханъ Ивану III, послы и гости будутъ провожаемы и Подемъ, и Дономъ въ добромъ здоровьи¹⁷⁶). Судя по тому, съ какими силами крымцы приводили въ исполненіе повелѣніе султана, можно заключить, что казаковъ въ Азовѣ было не мало, во всякомъ случаѣ не менѣе 2 тыс. Дѣйствія же турокъ даютъ намъ основаніе заключить, что казаки эти были не магометане, иначе бы крымцы съ ними такъ жестоко не поступили. Имена, или быть можетъ, прозвища казацкихъ шубашей—Караманъ, Карабай и др. также не могутъ служить основаніемъ относить старыхъ азовскихъ казаковъ къ магометанамъ. тагъ какъ подобныя прозвища носили многіе атаманы донскихъ и запорожскихъ казаковъ; напримѣръ, атаманъ Сусаръ Федоровъ, ходившій съ донскими казаками подъ Казань въ 1552 г. на помощь московскому царю Ивану IV; Барбоша, гулявшій на Волгѣ при томъ же царѣ; Андрей Шадра (по-татарски—рябой), разгромившій вмѣстѣ съ другими донскими атаманами асграханцевъ въ 1554 г.; Семень Кара, основавшій городокъ Семикаракоры и др. Казаки, сталкиваясь въ теченіе вѣковъ съ татарами, многое по неволѣ у нихъ переняли, въ особенности прозвища, но многое, какъ мы видѣли выше, имъ и навязали. (См. стр. 153, выноску 119). При этомъ нужно также имѣть въ виду, что многіе кажущіяся слова татарскими на повѣрну являются славянскими, имѣющими древне-арійскіе корни, напримѣръ: кара—черъ—черъ и чернъ—черный. Слѣдовательно, Карабай—Чернобай, Каракалпаки—черныя шапки, Караманъ—черный человекъ и т. п.

Для охраны Азова турки оставили до 600 военныхъ людей, которыхъ русскіе послы также стали именовать казаками, такъ какъ они выполняли тѣ же порученія, какъ и старые азовскіе казаки, т. е. провожали и встрѣчали пословъ, охраняли купеческіе караваны и проч. Эти казаки въ соединеніи съ крымцами и ногайцами впоследствии не разъ нападали на ризанскіе украины и мордву¹⁷⁷). Выгнанные турками изъ Азова казаки ушли на Днѣпръ, на литовскую границу, и въ 1515 г. вмѣстѣ съ былгородскими поступили на службу къ литовско-польскому королю Сигизмунду и

¹⁷⁶) Тамъ же, стр. 1018, 1023, 1026, и 1027. Грам. Менгли-Гирея 1503 г. и другая грам. боял 9 дн. Донесеніе посла Зайлоцкаго того же года.

¹⁷⁷) Переговоры московск. бояръ съ-турецкимъ посломъ Камаломъ. Донесеніе Занкии Зубова изъ Азова 1515 г. Сб.р. Русск. Ист.р. О-ва, т. 95, стр. 101, 231.

голучали отъ него сукна и деньги, что очень беспокоило московскаго вел. князя Василія III. Написавъ объ этомъ послу Коробову, бывшему на пути въ Азовъ, великій князь велѣлъ ему просить турецкаго султана, чтобы онъ запретилъ казакамъ изъ Азова и Бѣлгорода ходить на службу къ его недругу, королю польскому и литовскому. Коробовъ донесъ что по объясненію турецкаго посла грека Камала, ѣхавшаго вмѣстѣ съ нимъ въ Царьградъ, казаки эти ходять въ Литовскую землю безъ вѣдома султана¹⁷⁸).

Изъ этой переписки видно, что какъ казаки бѣлгородскіе, жившіе при устьяхъ Днѣпра и у Днѣстровскаго лимана, такъ и азовскіе, не подчинились ни туркамъ, ни татарамъ и служили по найму, „за гроши и сукна“, кому пожелають. Беспокойство же великаго князя Василія III, выказанное имъ при полученіи извѣстія о службѣ казаковъ Литвѣ, заставляетъ предполагать, что этихъ казаковъ было не мало, иначе говоря, они представляли изъ себя грозную силу, съ которой Москвѣ приходилось считаться, такъ какъ Василій III въ то время велъ съ Сигизмундомъ войну. Радѣя о пользахъ московскаго государства и желая привлечь на свою сторону азовскихъ казаковъ, Василій III обратился къ своему тайному другу, брату крымскаго хана, князю Аппаку, и просилъ его переговорить съ казаками и пригласить ихъ „служить ему, великому князю“. Аппакъ сообщилъ, что казаки азовскіе и бѣлгородскіе раскаиваются въ своемъ поступкѣ и просятъ его, Аппака, „печаловаться о нихъ у великаго князя, чтобы онъ лиха нѣкотораго изъ не учинилъ и чтобы имъ съ своими женами прикошевавъ жити у Путивля и слугами быти, а его недруга короля (лиговскаго) воевати“¹⁷⁹). Потомъ въ январѣ 1519 г. Аппакъ пишетъ, что уже годъ назадъ какъ онъ послалъ къ азовскимъ казакамъ человѣка, которому наказывалъ говорить такъ, „что онъ, Аппакъ, печалуется за нихъ у великаго князя, между тѣмъ какъ они, жняя въ Путивлѣ, ходять, куда хотять; что этому казаки повѣрили и прислали къ нему для переговоровъ мирзу Меретека“. Далѣе Аппакъ пишетъ, что онъ съ Меретекомъ послалъ къ азовскимъ казакамъ двухъ человѣкъ съ предложеніемъ, „чтобы тѣ казаки пришедши нѣгдѣ поближе стали“ и приказывалъ посланнымъ говорить казакамъ такъ:

¹⁷⁸) Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 95, стр. 128 и 129. Дѣла турецкія, № 1, листы 28—66.

¹⁷⁹) Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 95, стр. 613.

„азъ о васъ у великаго князя печалую, чтобы вамъ далъ мѣсто гдѣ лѣтовати да гдѣ зимовати. И Меретскъ мирза въ головахъ и всѣ азовскіе казаки нынѣ о томъ тебѣ (великому князю) бьютъ челомъ: толко насъ (говорятъ они) князь великій хочетъ себѣ слугами учинити и онъ бы намъ астораканцовъ дву Янъ-Чюру да Янъ-Асана изъ тюрьмы вынявъ да намъ далъ: свершено бы—нашему холопыству примѣта то была“. Далѣе Аппакъ продолжаетъ, что Меретекъ нынѣ съ меньшимъ своимъ братомъ у нихъ и ѣдетъ провожать царскую казну, „а кошъ его въ Путивлѣ, а проводивъ назадъ казну—будетъ часа того, а приѣхавъ—тебѣ холопомъ будетъ и на твоємъ дѣлѣ будетъ.. А и бѣлгородскіе казаки со мною говорили, что всѣ хотятъ тутъ же у тѣхъ казаковъ бити: какъ имъ вѣсть будетъ и они всѣ будутъ же у нихъ“¹⁸⁰).

Эта переписка какъ нельзя болѣе характеризуетъ положеніе азовскихъ и бѣлгородскихъ казаковъ, относившихся съ недобѣріемъ какъ къ татарамъ, такъ и къ литовско-польскимъ королямъ-католикамъ и питавшихъ тайную надежду на покровительство родственнаго имъ по духу православнаго московскаго великаго князя. Если бы эти казаки были магометане, какъ думаютъ нѣкоторые наши историки, основываясь лишь на татарско-казацкихъ прозвищахъ-псевдонимахъ, то имъ всего лучше было бы служить туркамъ и крымцамъ и съ ними вмѣстѣ громить литовско-русскіе и московскія украинны и приобрѣтать почетъ и уваженіе среди своихъ единовѣрцевъ. Напротивъ того, турки ихъ гонятъ, крымцамъ они не довѣряютъ и „крѣпко съ ними говорятъ“, нѣкоторое время служатъ, какъ и днѣпровскіе Черкасы, польскимъ королямъ „за гроши и сукна“, но скоро разочаровываются въ этомъ, даже раскаиваются и просятъ московскаго великаго князя принять ихъ къ себѣ на службу и дать земли для поселенія съ своими женами у Путивля. Ясно, что какъ азовскіе, такъ и бѣлгородскіе казаки исповѣдывали греческую православную вѣру. Что же касается носимыхъ ими татарскихъ прозвищъ, то это объясняется очень легко: азовскіе казаки въ теченіе трехъ вѣковъ постоянно сталкивались съ татарами, раньше входили въ составъ Золотой Орды и служили ханамъ, невольно заимствовали отъ татаръ нравы и обычаи, отчасти и языкъ. Татарскіе черты характера отразились и на послѣдующемъ

¹⁸⁰) Тамъ же, стр. 618.

казачествѣ. Въ XVII и XVIII в.в. донскіе казаки и ихъ жены часто носили татарскую одежду и въ домашнемъ быту нерѣдко говорили на татарскомъ языкѣ. Это отмѣтилъ въ своихъ запискахъ и инженеръ-гидротехникъ де-Романо 1802 г., говоря о казакахъ г. Черкаска.

Въ началѣ же XVI в. татарское вліяніе на казакахъ, оторванныхъ на многіе вѣка отъ московской и литовской Руси и представленныхъ самимъ себѣ, чувствовалось сильнѣе, и лишь одна сохраненная ими въ чистотѣ древняя греческая вѣра тянула ихъ на соединеніе съ московской православной Русью. Татарскіе псевдонимы — прозвища казаки употребляли часто въ соединеніи съ христіанскими именами, какъ, на примѣръ: Андрей Шадра, Сусаръ Федоровъ и др. При этомъ нужно замѣтить, что татарскія прозвища употребляли только казаки азовскіе, какъ болѣе другихъ казачьихъ общинъ удержавшіеся на Дону. Также нельзя упускать изъ виду и того обстоятельства, что въ татарскій языкъ, имѣющей въ основаніи своемъ турецкіе корни, вошла масса словъ многихъ народовъ юго-востока Россіи, Средней Азіи, древней Аріаны и Ирана, т. е. языковъ, когда-то близко стоявшихъ къ древне-русскому, языку Гетовъ-Руссовъ, о чемъ уже говорено выше. Быть можетъ названные прозвища были и не татарскіе, а древне-русскія, массагетскія, аланскія, народа „Асъ“, какъ называли себя на своемъ языкѣ предки казакѣвъ.

Итакъ, изъ приведенной выше посольской переписки Василія III видно, что азовскіе и бѣлгородскіе казаки, прежніе „бѣловежцы“ (см. стр. 151), въ первой половинѣ XVI в., послѣ многихъ скитаній, поселились въ Сѣверской области, гдѣ внослѣдствіи стали извѣстны подъ именемъ путивльскихъ и бѣлгородскихъ „станичниковъ“ и подъ общимъ названіемъ сѣверскихъ казаковъ или „севрюковъ“.

Вотъ гдѣ скоплялась до сороковыхъ годовъ XVI в. та грозная и мстительная сила казачества, которая вскорѣ явилась на берега родного ей Дона и сдѣлалась такою страшною для всего масульманскаго міра. Открывшееся передъ этимъ въ литовско-польскихъ областяхъ гоненіе на православіе окончательно оттолкнуло сѣверское казачество отъ Литвы и оно, усиленное днѣпровскими Черкасми, стало медленно, но грозно подвигаться внизъ по Донцу, гдѣ въ лѣсныхъ и малодоступныхъ оврагахъ и балкахъ, выпадающихъ

въ эту рѣку, казаки всегда могли укрыться отъ внезапнаго нападенія татарскихъ полчищъ. Дорога эта издавна была извѣстна съверскому украинному казачеству, по которой оно не разъ „съ дозоромъ“ спускалось до „Большого Дона“ и въ особо важныхъ стратегическихъ пунктахъ клало свои „доѣздныя памяти“¹⁸¹⁾. Изъ урочищъ, расположенныхъ на этомъ пути, въ „Книгѣ Большого Чертежа“ отмѣчены слѣдующія: Митякинъ колодезь, Впшневецкій колодезь, Дядинъ колодезь, Сизыя горы, Хорошія горы, Лихой колодезь, Гребенныя горы, по правой сторонѣ Донца, противъ устьевъ р. Бѣлой Калитвы, и Соколыя горы, съ лѣвой стороны до устья р. Быстрой. Между устьями Лихого колодезя (р. Лихая) и Гребенными горами черезъ р. Донецъ былъ перевозъ, называемый „татарскимъ“, который главнымъ образомъ и сторожили казаки, залегая въ скрытыхъ мѣстахъ. Одну изъ такихъ-то казацкихъ партій и видѣлъ на Донцѣ, близъ устьевъ р. Калитвы, посольскій Василія III Коробовъ, ѣхавшій въ Азовъ въ 1515 г., о чемъ доносилъ великому князю: „...а по выше, государь, Донца видѣли есмя перевозъ, съ Ногайскія стороны на Крымскую сторону перевозилися какъ бы человекъ со сто, а того, государь, не вѣдаемъ, которые люди“¹⁸²⁾. Отрядъ этотъ на посольство, видимо, не обратилъ ни какого вниманія, такъ какъ видѣлъ въ немъ мирныхъ русовскихъ людей, шедшихъ изъ Москвы въ Азовъ. Не то бы сдѣлали крымцы или астраханцы, если бы они встрѣтились въ этихъ мѣстахъ съ посольствомъ.

Изъ казацкихъ общинъ, отстоявшихъ свою независимость, на югѣ Россіи остались лишь одни кубанскіе Черкасы. Они плотнѣй придвинулись къ горамъ и изъ неприступныхъ ущелій съ геройской отвагой въ теченіе вѣковъ отражали сильнаго непріятеля, а иногда на легкихъ ладьяхъ выносились въ море и громили берега Крыма и Турціи и подобно своимъ запорожскимъ собратьямъ въ началѣ XVI в. сдѣлались страшными для всего маульманскаго міра на Азовскомъ и Черномъ моряхъ. Всѣ усилія турокъ не могли сломить это гордое племя. Для защиты отъ нападеній Черкасы они построили по Кубани укрѣпленія и содержали сильныя сторожевыя посты. Но не смотря на это, Черкасы пробирались даже на Донъ и нерѣдко появлялись подъ Азовомъ. Какъ и другія казацкія

¹⁸¹⁾ Книга Большого Чертежа. Росписея рѣкъ Донцу и кладенямъ.

¹⁸²⁾ Сбор. ПМП. Рос. Ист. О-ва, т. 95, стр. 141.

общины, Черкасы удержали до XVII и даже до XVIII в.в. свою древнюю греческую вѣру и свой природный славяно-русскій языкъ¹⁸³). Изъ этихъ казацкихъ общинъ долѣ другихъ продержались хегатцы и жаницы. По преданію, записанному В. А. Потто, всю мѣстность и всѣ разливы близъ устьевъ Кубани занимало нѣкогда хегатское племя, ближайшее къ владѣніямъ крымскихъ татаръ; къ юго-востоку отъ нихъ обитали жаницы — сильный и страшный для сосѣдей народъ, выставлявшій до 10 тыс. превосходныхъ всадниковъ. Хегатцы и жаницы славились своею отвагою, гордымъ и независимымъ духомъ. Въ теченіе пятивѣковой борьбы съ сильнымъ врагомъ они частью погибли, а частью переселились, какъ сказано выше, на Днѣпръ. Остатки ихъ въ семидесятыхъ годахъ XVIII в. были истреблены чумою. Ихъ древніе сородичи запорожцы на томъ мѣстѣ нашли лишь нѣсколько бѣдныхъ хижинъ, разбросанныхъ по Кара-Кубанскому острову.

Въ 1865 г. нашъ отрядъ, прорубавшій въ дѣвственномъ лѣсу просѣку между Туапсе и Шахъ, въ урочищѣ Ханъ-Кучій, раньше населенномъ истребленнымъ черкасскимъ племенемъ ханучей, исповѣдывавшимъ христіанскую вѣру, нашелъ на одномъ изъ старыхъ гигантскихъ дубовъ вырѣзанную древне-славянскими буквами надпись слѣдующаго содержанія: „Здѣсь потеряна православная вѣра. Сынъ мой, возвратись въ Русь, ибо ты отродѣе русское“.

Это завѣщаніе отца сыну „возратись въ Русь“ свидѣтельствуеъ о томъ, что Русь Тмутараканская долго помнила свое родство съ Русью Днѣпровской.

Кубанскіе Черкасы погибли: древнее ихъ пепелище жилили Черкесы, народъ смѣшаннаго типа, происшедшій отъ метисаціи многихъ (болѣе 30) разнородныхъ племенъ, исповѣдывавшихъ языческую, магометанскую и христіанскую вѣру. Языкъ Черкесовъ также имѣетъ много говоровъ и нарѣчій. рѣзко различающихся между собой. Въ составъ этого народа въ достаточной степени вошелъ и элементъ славянскій, собственно древне-черкасскій, казацкій, что ясно сказывается какъ въ антропологическомъ строеніи

¹⁸³) Дѣла Крымскія, кн. 2, 861. Донесеніе посла Мамонова 1502 г. Дѣла Турецкія, № 1, листы 123—135. Донесеніе посла Голохвостова 1521 г. Записки ученаго Хорвата Крижанича, современника царя Алексѣя Михайловича. Крижаничъ мечталъ объ объединеніи всего славянства противъ татаръ и съ этою цѣлью поселилъ въ 1658 г. Россію, объединивъ предъ этимъ всѣ населенія славянами земли, въ томъ числѣ и Черкасію. За эту патріотическую мечту московскій царь спровадилъ его въ ссылку въ Тобольскъ, въ которой Крижаничъ пробылъ 15 лѣтъ.

головы и всего тѣла жителей многихъ ауловъ, такъ и во вѣшнемъ обликѣ ихъ: въ темно и даже свѣтло русыхъ волосахъ на головѣ и усахъ, сѣрыхъ глазахъ, въ улыбкѣ, звукахъ говора и проч. Но только языкъ и свою древнюю вѣру эти метисы въ теченіе многихъ вѣковъ уже потеряли.

Историки послѣднихъ трехъ столѣтій всегда смѣшивали названія Черкесы и Черкасы, по созвучію этихъ словъ. Даже смѣшиваютъ и теперь; но того не замѣчаютъ, что названіе народа „черкасы“, жившаго по средней и нижней Кубани, очень древнее, извѣстное еще въ I и II в.в. по Р. X; это коренное имя народа (см. гл. V „Предки казачества“, стр. 68): кличка же „черкесы“— бранное, данное уже впоследствии этому народу персами и турками—*серкешъ* и означающее „головорѣзы“. Этой клички даже современные черкесскія племена не признаютъ и считаютъ ее для себя обидной. Черкесы на своихъ нарѣчіяхъ себя называютъ то адыгэ, то ыдыге, ыдыгэ и проч., т. е. островитянами. Осетины же, по старой своей привычкѣ, Черкесію и до сихъ поръ называютъ „казакіей“ и они не ошибаются, потому что казаки-Черкасы есть древнѣйшіе поселенцы этой мѣстности. Днѣпровскіе Черкасы-запорожцы не даромъ въ теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ стремились переселиться съ Днѣпра на Кубань, на старую родину своихъ предковъ, гдѣ была ихъ древняя столица „Черкаса“, отмѣченная еще во II в. по Р. X. географомъ Птолемеемъ. (См. стр. 68).

Одинъ изъ малороссійскихъ историковъ Н. Маркевичъ говорить, не ссылаясь ни на какія данныя, что старое черкасское казачество за нѣсколько лѣтъ до разоренія Руси татарами исчезло (куда и почему?); что знатныя фамиліи съ княжескими семьями съ Днѣпра удалились въ Литву и вступили въ родство съ тамошними владѣтельными князьями, простой же народъ остался подъ игомъ завоевателей; что лишь горсть удалцовъ укрылась на днѣпровскихъ островахъ, защищенныхъ непроходимыми тростниками, и въ неприступныхъ дебряхъ Полъсся; что скитальцы эти приняли имя казаковъ и Черкасовъ и положили основаніе запорожскому войску и т. д. („Исторія Малороссіи“, стр. 7). Странныя и наивныя разсужденія. Одному древнему и испытанному въ бояхъ войску почему-то, безъ всякой причины, нужно было исчезнуть, а другому изъ безпріютныхъ скитальцевъ возникнуть подъ тѣмъ же именемъ, т. е.

казаковъ, черкасовъ и даже хазаръ, какъ запорожцы себя называли при Ригельманѣ, въ половинѣ XVIII в. Черкасамъ (они же хазары-бѣловѣжцы) некуда и не для чего было исчезать. Они лишь укрылись на днѣпровскихъ островахъ, которыми владѣли и раньше, а также въ Полѣсѣ, отчего и получила свое названіе Бѣловѣжская пуца, т. е. отъ стана хазарь-бѣловѣжцевъ, какъ и „Бѣлые берега“ въ низовьяхъ Днѣпра и Буга (см. стр. 151).

Другой историкъ Малороссіи Д. Бантышъ-Каменскій, откровенно сознаваясь, что „начало казаковъ, обитавшихъ за Днѣпровскими порогами, скрывается во мракѣ неизвѣстности“, въ концѣ концовъ приходитъ къ заключенію, что запорожцы, судя по ихъ нравамъ и обычаямъ, способу веденія войны и гордому духу, а также по одеждѣ и облику имѣютъ много общаго съ черкесами Кубани, исповѣдававшими раньше также греческую вѣру, а потому корень этого казачества нужно искать не въ Европѣ, а въ Азій и именно на Кавказѣ. (Ист. Малор. ч. I, стр. 108 и 109. М. 1830 г.).

Въ 1637 г. 4—5 т. запорожцевъ, недовольныхъ порядками въ Польшѣ, двинулись съ Днѣпра на Кубань, намѣреваясь отдаться въ подданство или туркамъ, или персамъ. Но донскіе казаки уговорили ихъ „быть съ ними за одно и идти воевать Азовъ“. Запорожцы послушались и общими силами взяли Азовъ¹⁸⁴). Въ концѣ XVIII в. всѣ бывшіе на Днѣпрѣ запорожцы, разбѣжавшіеся было, послѣ разгрома Сѣчи, по разнымъ мѣстамъ, даже были въ Румыніи и Турціи, опять стянулись на Кубань и усиленные переселенцами, малороссійскими и донскими казаками, образовали славное Черноморское казачье войско, окончательно и навсегда занявшее древнюю свою прародину. Какъ встрѣтили запорожцевъ, по переселеніи, на Кубани черкесы, мы уже говорили въ III главѣ „Предки казачества“, стр. 26.

Извѣстный нашъ донской историкъ Алексѣй Поповъ говоритъ, что „въ концѣ XV и началѣ XVI в. Донское войско, называвшееся Азовскимъ и Ордынскимъ, имѣло двухъ предводителей: Агуса или Акустія (Агустія) Черкаса, избравшаго главнымъ своимъ мѣстопребываніемъ г. Черкасскъ, съ того времени такъ называемый, гдѣ былъ гор. Орнь, взятый Батыемъ около 1246 г.“ (Записки Плано Карпина, папскаго посла къ Батыю). „Другой предводитель Адигъ

¹⁸⁴) Таубертъ. Азовскія извѣстія. Изданіе Академіи Наукъ. 1782 г.

или Атикъ, переледшій потомъ на Кубань, гдѣ между двумя рукавами этой рѣки построилъ замокъ (крѣпость) Ада, близъ нынѣшняго Темрюка, просуществовавшій до 1713 г.¹⁸⁵). Никакихъ поясненій къ сказанному выше Поповъ не приводитъ, а также не указываетъ и источники, изъ которыхъ онъ это извѣстiе взялъ.

Голова Азовскихъ казаковъ Аузь или Агусь-Черкасъ—лицо историческое; онъ былъ убитъ черкесами, подбѣгавшими подъ Азовъ для отгона скота въ 1502 г.¹⁸⁶). Объ Адигѣ же свидѣтельствуютъ лишь бывшая на островѣ, въ дельтѣ р. Кубани, крѣпость Ада и черкесскій народъ, называющій себя „Адигами или Адыгѣ“, и больше ничего. Что Черкасы-запорожцы проникали въ первой половинѣ XVI в. на Донъ,—это фактъ. О томъ свидѣтельствуетъ приведенный выше документъ о покупкѣ казакомъ Жученко у татарскаго князька дома въ урочищѣ „Черкаской“ въ 1517 г. (см. стр. 182). Но какъ они тамъ появлялись, независимыми ли общинами, или поодиначкѣ, — это вопросъ, подлежащій разрѣшенію. Изъ исторіи запорожскаго войска мы знаемъ, что переселившіеся на Днѣпръ въ X, XI, XII и XIV в.в. Черкасы первоначально служили русскимъ, а потомъ польскимъ и литовскимъ князьямъ, защищая южныя границы ихъ владѣній отъ набѣговъ кочевниковъ; что поле дѣятельности ихъ было низовье Днѣпра, Буга и Днѣстра; что къ концу XIV в. войско это сдѣлалось страшнымъ для турокъ и татаръ на всемъ Черноморскомъ побережьѣ; что за службу по охранѣ границъ польскій король Сигизмундъ I пожаловалъ имъ въ 1505 г. для поселенія земли въ Киевскомъ и Брацлавскомъ воеводствахъ¹⁸⁷). Грамота эта была выдана первому казацкому гетману Дашкевичу, соединившему въ одно цѣлое дотолѣ разрозненныя казацкія общины. Права эти и вольности Черкаскаго казачества, касавшіяся главнымъ образомъ „низового запорожскаго“, были расширены въ 1516 г. при второмъ гетманѣ Ланскоронскомъ, а потомъ были подтверждены 20 августа 1576 г. грамотою короля Стефана Баторія. За казаками „низовыми“ были укрѣплены всѣ земли, лежащія внизъ по Днѣпру и Бугу, до лимановъ: „якъ изъ выковъ бувало по Очаковскіе улуси; и въ гору рѣки Богу (Бугу) по рѣчку Синюху. Отъ Самарскихъ же земель (рѣчка Самара, притокъ Днѣп-

¹⁸⁵) Исторія о Донскомъ полскѣ, ч. I, стр. 115. Составлена въ 1812 г., изд. 1814 г.

¹⁸⁶) Дѣла Крымскія. Кн. 2. Донесеніе посла Мамонова.

¹⁸⁷) Лѣтоп. повѣст. о Малой Россіи. Ригельманъ. Стр. 14.

ра и Самарь—старинный запорожскій городокъ на Днѣпрѣ) черезъ степь до самой рѣки Дону, гдѣ еще за гетмана казацкаго Предслава Ланцкорунскаго казаки запорожскіе свои зимовники мѣвали“ (имѣли)¹⁸⁸).

Казацкій гетманъ Ланскоронскій, побѣдитель татаръ, происходилъ изъ польскаго дворянскаго рода; онъ былъ зять кн. Константина Ивановича Острожскаго и свойственникъ короля Александра. Дѣятельность его относится къ 1512 и послѣдующимъ годамъ. Онъ предводительствовалъ „низовымъ запорожскимъ казачествомъ“, а потому считается первымъ основателемъ Запорожья. При этомъ же Гетманъ Сигизмундъ I-й дозволилъ казакамъ селиться и выше пороговъ, гдѣ ими были построены укрѣпленные городки¹⁸⁹).

Слѣдовательно, запорожцы при гетманѣ Ланскоронскомъ фактически уже владѣли какъ низовьемъ Днѣпра, такъ и Дона, гдѣ они имѣли свои зимовища, а потому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что городъ Черкасскъ на Дону былъ ими основанъ въ этотъ же періодъ времени и быть-можетъ на мѣстѣ древняго гор. Орна. (См. стр. 181).

На это заключеніе могутъ возразить, почему же о осуществованіи этого казачьяго городка не упоминается ни въ одномъ изъ посольскихъ донесеній начала XVI в., а лишь только подъ 1593 г. Мы можемъ отвѣтить, что донесенія эти по содержанию своему въ большей части представляютъ одно сплошное, пространное и нудное пустословіе; акты эти писаны людьми крайне невѣжественными, имѣвшими узкіе взгляды и понятія, какими отличалось тогда все московское боярство. Въ грамотахъ, отпискахъ и донесеніяхъ титулы иногда занимаютъ цѣлыя страницы, идутъ уменьшительныя и уничижительныя имена, вродѣ: „твой преданный холопъ Олешко или Васюкъ“, какъ именовали себя сановитые князья и бояре предъ великимъ княземъ, „бьетъ тебѣ (идутъ титулы) челомъ“ и проч., а о дѣлѣ почти что ничего, одно пустословіе, какъ сказано выше, и челобитья. Кто имѣлъ подъ руками подобную переписку, тотъ пойметъ, что отъ боярскихъ донесеній того времени многого требовать нельзя и обращаться съ ними нужно крайне осторожно. Имена казацкихъ предводителей бояре почти всегда записывали со словъ турокъ или

¹⁸⁸) Исторія Новой Сѣчи. А. Скальковскій. 1841 г. Стр. 12. „Универсалъ гетмана Богдана Хмельницкаго.

¹⁸⁹) Тамъ же, стр. 13. Ригельманъ, стр. 16 и 17. Исторія Малороссіи. Г. Ф. Миллеръ, стр. 2 и 3.

татарь, черезъ переводчиковъ. Какъ татары и турки называли ихъ на своемъ языкѣ, такъ послы или малограмотные дьяки и записывали, а лица эти, быть-можетъ, носили совсѣмъ другія имена или клички.

Чеченцы и лезгины генерала Бакланова называли и „шайтанъ“, и Боклю и др. именами. Быть-можетъ какой-нибудь изъ арабскихъ дервишей того времени такъ и наименовалъ его въ своихъ запискахъ, а другой исправилъ и добавилъ къ этой кличкѣ новые эпитеты, какъ, напримѣръ, Урусъ-шайтанъ или Урусъ-шайтанъ-Боклю... Узнавайте послѣ этого подъ этими псевдонимами героя Кавказа Якова Петровича Бакланова. Такъ было и тогда. Шла страшная борьба, на жизнь и на смерть, христіанскаго казачества съ масульманствомъ. Каждый день, въ теченіе вѣковъ, происходили стычки, сраженіе, поединки доблестныхъ витязей Дона съ страшнымъ врагомъ за свою вѣру, свободу и древнюю родину. Подстерегали на перевозахъ, дорогахъ, оврагахъ и балкахъ, внезапно нападали и безпощадно истребляли. Такое было время, такіе были нравы и не только у насъ, на „Полѣ“, но и по всей Россіи и даже въ западныхъ государствахъ. Русскіе князья отнимали города и удѣлы одинъ у другого и всѣхъ жителей съ ихъ скотомъ и имуществомъ осуждали огню и мечу. Мирные жители платились своею жизнью за корыстолюбіе и тщеславіе своихъ правителей. „Взялъ его волость и всѣхъ жителей посадилъ на мечъ,“ обыкновенныя слова въ исторіи борьбы удѣльныхъ князей.

Тамъ боролся за власть, за первенство, изъ тщеславія князья, а тутъ, на Дону, на рагномъ „Полѣ“, боролось казацкое рыцарство за свою вѣру и свободу съ масульманскимъ міромъ и, благодаря беззавѣтной храбрости, крѣпости духа и отвагѣ, рыцарство это въ концѣ концовъ вышло побѣдителемъ и вновь заняло свою древнюю прародину.

Имена этихъ отважныхъ борцовъ мы почти не знаемъ, а если и промелькнетъ одна или двѣ клички-псевдонима въ теченіе одного или двухъ вѣковъ, то и то въ перековерканномъ видѣ, записанныя черезъ переводчика со словъ какого-нибудь татарскаго или турецкаго посла. Что такое Аузь или Агузь-Черкасъ, если не Августъ-Черкасъ. Турецкое Карабай—наше Чернобай. Караманъ—Черный человекъ. Шубашъ—голова, стоящій во главѣ. Вѣдь это такъ называли казацкихъ предводителей турки, а какъ сами казаки называли ихъ,—мы не знаемъ.

Посольскіе караваны въ первой половинѣ XVI в. направлялись большею частью изъ Рязанскаго княжества первоначально р. Дономъ,

приблизительно до нынѣшней Казанской станицы, а оттуда сухимъ путемъ прямо на Азовъ, минуя восточный изгибъ р. Дона въ нѣсколько сотъ верстъ, избѣгая столкновенія съ ордынскими казаками, господствовавшими на Переволокъ. Этотъ путь считался наиболее безопаснымъ и кратчайшимъ. Посоль Василій Коробовъ въ маѣ мѣсяцѣ 1515 г. выдѣлъ на Сѣверскомъ Донцѣ. близъ устьевъ Калитвы, два отряда неизвѣстныхъ людей, переправлявшихся съ лѣвой стороны на правую, и не попытался даже узнать, что это за люди и куда держать свой путь. Но это были не татары: послѣдніе заходили въ эти мѣста только для грабежа. Посольскій же караванъ представлялъ для нихъ богатую добычу. На Донцѣ, за пять дней до Азова, рязанскіе казаки, сопровождавшіе посольство, дѣйствительно встрѣтили двухъ татаръ, а съ ними „жонку татарку да дѣтинку татаринъ же“ и „полонили“ ихъ.

Видѣнные Коробовымъ отряды были не кто иные, какъ казаки запорожскіе или севрюки, двигавшіеся уже въ то время на Донъ. Но пока Москва была еще слаба и всей Волгой, начиная отъ Казани, владѣли татары, движеніе казацкихъ партій на Донъ было не значительно, и казачество не могло еще представлять въ „Полѣ“ правильно организованной силы для борьбы съ масульманствомъ. До половины XVI стол. Донъ еще представлялъ арену для казацкихъ турнировъ съ астраханскими и крымскими наѣздниками, съ перемѣннымъ счастьемъ для тѣхъ и другихъ. Иванъ III подъ конецъ своего правленія строго запрещалъ рязанскимъ казакамъ ходить на поиски въ Поле и наниматься въ провожатые иностранныхъ посольскихъ каравановъ. Такъ напримѣръ, когда въ 1502 г. возвращался изъ Москвы донскимъ путемъ посоль кафинскаго султана Алакоза, то онъ дозволилъ ему нанять въ провожатые только десять рязанскихъ казаковъ, знающихъ дорогу; но при этомъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы рязанская княгиня Агриппина, пользовавшаяся тогда еще нѣкоторою независимостью, запретила „лучшимъ людямъ ходить въ провожатые, потому что бояре и дѣти боярскіе и сельскіе люди служилые должны быть въ его службѣ; а торговымъ людямъ, какъ лучшимъ, такъ и середнимъ и чернымъ отнюдь не дозволяла бы отправляться съ посольствомъ“. Сверхъ того, всѣмъ подтвердила бы „накрѣпко“, чтобы на Донъ не ходили; ослушниковъ возвращать и казнить; а если у ушедшаго останутся „на подворьѣ жена и дѣти, и ихъ казнить. Если же она, Агриппина, этого дѣлать не будетъ, то велѣла бы ему казнить и продавать“¹⁰⁰⁾

¹⁰⁰⁾ Дѣла Крымскія. Кн. 2-я, стр. 918—921.

Цѣль этого запрещенія, по-первыхъ, была та, чтобы сконпигь по южнымъ украиннымъ городкамъ рязанскаго княжества вооруженную силу, готовую всегда дать отпоръ неприятелискимъ нападеніямъ: во-вторыхъ не дозволить неспокойному пограничному казацкому элементу рязанской области „брататься“ въ Полѣ и на Волгѣ съ его врагами новгородцами, ушедшими изъ Вятки, послѣ ея разгрома, и тѣмъ не усилить на южныхъ окраинахъ протестующее противъ его самовластия „молодечество“. Другого объясненія этой политикѣ Ивана III дать нельзя. Московскій самодержецъ ясно видѣлъ, что на Дону подъ руководствомъ обиженныхъ имъ новгородцевъ можетъ образоваться противная ему казацкая община, подобная Хлыновской. которая, войдя въ соглашеніе съ ордынскими казаками, господствовавшими у Переволоки, могла бы положить предѣлъ его политическимъ стремленіямъ и отторгнуть отъ него населенную неспокойнымъ казачествомъ рязанскую область, на которую онъ имѣлъ виды и въ которой распорядился уже по своему усмотрѣнію. На посольскій караванъ Алакоза у Переволоки напали астраханскіе наѣздки, много людей, турокъ и русскихъ побили, а другихъ забрали въ плѣнъ ¹⁹¹⁾. Путь по Дону для торговли и посольскихъ каравановъ сдѣлался совсѣмъ непроходимымъ. Въ 1521 г. послу Тредьяку Губину, отправленному въ Турцію, данъ былъ наказъ договориться: „какъ посламъ и гостямъ отъ обѣихъ сторонъ по Дону безстрашно ходить.“ Ему было поручено предложить „устроить Россіи и Турціи суда на Дону съ военными людьми въ нужномъ числѣ“, съ тѣмъ, чтобы турецкія суда плавали отъ Азова, а русскія отъ украинъ до назначенной заставы на Дону, гдѣ посольства должны пересаживаться для дальнѣйшаго пути. Сплавъ дѣлать весною, когда Донъ бываетъ шире и представляетъ болѣе безопасности для плывущихъ. Передаточную заставу устроить на срединѣ всего пути отъ Азова до русскихъ украинъ. А такъ какъ середина приходится у Переволоки, гдѣ бываетъ всегда прибой ордынцевъ, то заставу устроить выше по Дону, въ устьяхъ Медвѣдницы или въ устьяхъ Хопра, потому что тамъ мѣсто „крѣпко“ для защиты. Если скажутъ, что однимъ воднымъ путемъ обойтись нельзя, то согласиться устроить конныхъ провожатыхъ съ обѣихъ сторонъ) ¹⁹²⁾.

Послѣдствія этихъ переговоровъ неизвѣстны. Только мы знаемъ, что приѣхавшій съ Губинымъ въ Москву турецкій посольскій Скиндеръ отпущенъ былъ уже въ 1524 г. не Дономъ, а черезъ Путивль, такъ

¹⁹¹⁾ Тамъ же, стр. 1007.

¹⁹²⁾ Дѣла Турецкія. Кн. № 1.

какъ пронеслась молва, что онъ хочетъ осмотрѣть на Дону мѣсто для постройки города, а это, видимо, было крайне нежелательно для русскихъ.

Такимъ образомъ донской путь такъ и остался небезопаснымъ для сообщения съ Азовомъ. Въ Полѣ по прежнему носились легкіе казацкіе отряды запорожцевъ, бѣлгородскихъ и азовскихъ казаковъ, сталкивались на порѣчьяхъ Дона съ ногаями, астраханацами и крымцами, отбивали у нихъ плѣнныхъ и, въ свою очередь, прельщались иногда товарами русскихъ и магометанскихъ купцовъ. Время было своевольное и безначальное. Это безначаліе особенно усилилось въ правленіе Боярской Думы, въ малолѣтство царя Ивана IV, когда Россія, какъ говоритъ Карамзинъ, была доведена до полного разоренія и сдѣлалась „жертвою и посмѣищемъ невѣрныхъ“. Старые враги ея крымцы, казанцы и литовцы громили ее со всѣхъ сторонъ и вводили въ плѣнъ десятки тысячъ жителей. Крымскій ханъ Саипъ-Гирей въ теченіе тринадцати-лѣтняго правленія Думы, до вѣнчанія Ивана IV на царство (въ 1547 г.), подкупаемый Сигизмундомъ, пять разъ врывался въ Сѣверскую и Рязанскую области и предавалъ все огню и мечу; трупы убитыхъ, пламя селъ и деревень были слѣдами его набѣговъ. Казанцы также неистовствовали въ сѣверо-восточныхъ областяхъ не хуже самого Батяя. Азовскіе, ногайскіе и астраханскіе набѣдники соединялись съ крымцами и господствовали на всемъ протяженіи донского Поля. Вотъ въ какомъ положеніи находилась Донская земля до половины XVI в., т. е. до объявленія себя самодержавнымъ царемъ Иваномъ IV, прозаннымъ впоследствии Грознымъ¹⁹³).

Казачьи общины, пріютившіяся по своимъ украиннымъ городкамъ, къ которымъ причислялись: Пронскъ, Ряжскъ, Козловъ, Лебедянь, Елѣфанъ, Ефремовъ, Сапожковъ, Михайловъ, Воронежъ, Елецъ, Ливны, Черновскъ, Данковъ, Чернь, Новосиль и др., напрягали всѣ усилія, чтобы удержать за собою эти пункты. Но черкасское, сѣверское, бѣлгородское и старое азовское казачество въ этотъ періодъ времени хранило грозное молчаніе и соединилось въ одну общую семью, чтобы однимъ дружнымъ натискомъ дать отпоръ сильному и зазнавшемуся врагу. Эта грозная сила въ концѣ первой половины XVI в. двинулась лавиной на берега родного ей Дона и своимъ внезапнымъ появленіемъ какъ бы обезкуражила, смутила и навела страхъ на весь масульманскій міръ.

¹⁹³) Истор. Госуд. Росс. Карамзинъ, т. VIII, гл. 1 и 2.

Глава II.

Движеніе казачества на Донѣ.

Принявъ въ руки правленіе московскимъ государствомъ, Иванъ IV сталъ дѣятельно готовится къ окончательному покоренію царства Казанскаго со всеми подвластными ему землями, населенными непокойными и мятежными народами: болгарами, черемисами, мордвою и др. Узнавъ о такой рѣшимости московскаго царя, казачество лавиной двинулось со всехъ украинъ на Донъ и въ самое короткое время овладѣло его берегами отъ Азова до верховьевъ.

Еще въ 1538 г. мирза приволжской ногайской орды Кель-Магметъ жаловался на обиды, чинимыя ему городецкими, мецкерскими и другими казаками. Боярская Дума именемъ царя уклончиво отвѣчала ему: „на Поле ходятъ казаки многіе — казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, а и нашихъ украинъ казаки, съ ними смѣшавшись, ходятъ. И тѣ люди, какъ намъ, такъ и вамъ, тати и разбойники; а на лихо ихъ никто не учитъ: едѣлавъ какое лихо, разтѣзжаются по своимъ землямъ“¹⁹⁴). Безильная въ то время Москва иначе и не могла отвѣтить, а потому всегда прибѣгала къ такой двойственной политикѣ, въ тайнѣ радуясь успѣху казацкаго оружія. Это, такъ сказать, были первыя еще нерѣшительныя наступательныя дѣйствія необъединеннаго еще восточнаго казачества на враговъ христіанства. Самая же страшная гроза для масульманства наступала съ сѣверо-запада. Въ 1546 г. путивльскій воевода, князь Троекуровъ донесъ царю, что казаковъ на Полѣ много, и „черкасцевъ, и кіянь и твоихъ государевыхъ, — вышли на Поле изъ всехъ украинъ“¹⁹⁵).

Вскорѣ послѣ этого ногайскій князь Юсуфъ шлетъ въ Москву одну жалобу за другой на чинимыя ему казаками обиды. Въ пер-

¹⁹⁴) Дѣла „Ногайскія“, кн. 2-я, стр. 230.

¹⁹⁵) Дѣла Крымскія, кн. 9. Донесеніе Троекурова 18 февраля 1546 г.

вой Юсуфъ пишетъ: „въ нынѣшнемъ (1549) году наши люди въ Москву шли для торгу, а осенью, какъ шли они назадъ, ваши казаки *севрюки*, которые на Дону стоятъ, пришли на нихъ... и куны ихъ взяли“¹⁹⁶). Во второй грамотѣ Юсуфъ объясняетъ, что торговый путь изъ улусовъ въ Москву общенъ быть свободнымъ, а вышло напротивъ: „которые на Дону стоятъ *русь* нашихъ гостей, въ Москву ѣдущихъ и возвращающихся оттоль, забираютъ. Если ты тѣхъ разбойниковъ, что на Дону живутъ, къ намъ пришлешь, или изведешь, то будетъ знакомъ дружбы; а нѣтъ, то не будешь союзникъ“¹⁹⁷). Царь Иванъ политично отвѣчалъ Юсуфу: „тѣ разбойники, что гостей вашихъ забираютъ, *живутъ на Дону безъ нашего вѣдома*, отъ насъ бѣгаютъ. Мы не одинъ разъ посылали, чтобы ихъ переловить, да наши люди добыть ихъ не могутъ. Вы бы сами велѣли ихъ переловить и къ намъ прислали, а мы приказали бы ихъ казнить. Гостей вашихъ въ своей землѣ мы бережемъ, а дорогою берегли бы они сами. Тебѣ извѣстно, что на Полѣ всегда лихихъ людей много *разныхъ государствъ*, и тѣхъ людей кому можно знать: намъ гостей вашихъ беречь на Полѣ нельзя, а бережемъ и жалуемъ ихъ въ своемъ государствѣ“¹⁹⁸). Въ слѣдующемъ году, 1550, Юсуфъ уже пишетъ: „холопи твои, нѣкто *Сарыязманъ* словеть, на Дону въ трехъ и въ четырехъ мѣстахъ города подѣлали, да нашихъ пословъ и людей нашихъ, которые ходятъ къ тебѣ и назадъ, стерегутъ, да забираютъ, нныхъ до смерти бьютъ“... Потомъ прибавилъ: „этого же году люди наши, исторговавъ въ Руси, назадъ шли, и на Воронежѣ твои люди—*Сарыязманомъ* зовутъ—разбойникъ твой пришелъ и взялъ ихъ“¹⁹⁹).

Велѣдъ за этимъ Юсуфъ новою грамотою упрекаетъ царя: „дружба ли то, что на Дону твои холопи, *Сарыязманомъ* зовутъ, нашихъ пословъ и гостей разбиваютъ и грабятъ“.

Царь Иванъ отвѣчалъ: „тѣ холопи наши *Сарыязманъ* и въ нашей землѣ многое лихо сдѣлали и убѣжали въ Поле. Мы посылаемъ ихъ добывать, а вы бѣ отъ себя велѣли ихъ добывати-жъ, и которыхъ добудете, къ намъ бы прислали“.

Вся эта переписка относится къ тому времени, когда Иванъ IV

¹⁹⁶) Дѣла Ногайскія, кн. № 3, листъ 113.

¹⁹⁷) Тамъ же. Листъ 114.

¹⁹⁸) Тамъ же. Листы 118 и 119.

¹⁹⁹) Тамъ же, листъ 135 и на обор. 137 и 144. Сарыязманъ—слово персидское, бывшее въ употребленіи у нагайцевъ и означавшее „удальцы“.

дѣятельно готовился къ походу на Казань и склонялъ къ тому союзника своего, сильнаго ногайскаго князя Юсуфа, а потому двухсмысленные и уклончивые отвѣты этого тонкаго московскаго политика на жалобы Юсуфа говорятъ сами за себя. Царь въ своихъ отвѣтахъ былъ правъ только въ томъ, что утвердившіеся на Дону казаки дѣйствительно ни ему и никому другому не подчинялись, да едва ли онъ зналъ и силу ихъ; а сила эта была не малая, такъ какъ въ слѣдующемъ году (1551) самъ турецкій султанъ Солиманъ спѣшно, черезъ нарочитаго гонца, писалъ ногайскому мурзѣ Измаилу такъ: „Въ нашихъ магометанскихъ книгахъ пишется, что пришли времена Русскаго царя Ивана: рука его надъ правовѣрными высока. Ужъ и мнѣ отъ него обида велика: Поле все и рѣки у меня поотымалъ, да и Донъ у меня отнялъ, даже и Азовъ городъ доспѣлъ, до пустоты поотымалъ всю волю въ Азовѣ. Казаки его съ Азова оброкъ берутъ и не даютъ ему пить воды изъ Дона. Крымскому же хану казаки Ивановы дѣлаютъ обиду великую, и какую срамоту нанесли! пришли Перекопъ воевали. Да его же казаки еще какую грубость сдѣлали—Астрахань взяли: и у васъ оба берега Волги отняли и ваши улусы воюють. И то вамъ не срамота ли?—какъ за себя стать не умѣете? Казань нынѣ тоже воюють. Вѣдь это все наша вѣра магометанская. Станемъ же отъ Ивана обороняться за-одинъ. Вы вѣдаете, что теперь въ Крыму мой посаженъ ханъ, какъ ему велю, такъ и сдѣлаеть. По просьбѣ Астрахани, тоже пошлю царя; да и казанцы ко мнѣ присылали же просить царя; и я изъ Крыма непременно посылаю его. Ты-бъ, Исмаилъ мурза, большую мнѣ дружбу свою показали: помогъ бы Казани людьми своими и пособилъ бы моему городу Азову отъ царя Ивана казаковъ. Станешь пособлять,—и я тебя въ Азовѣ царемъ поставлю, мнѣ же помочь городу неудобно, находится далече“²⁰⁰).

По словамъ султана Солимана—„казаки съ Азова оброкъ берутъ и не даютъ ему пить воды изъ Дона“... „Астрахань взяли... Перекопъ воевали“... Такъ пишетъ турецкій султанъ въ 1551 году. Слѣдовательно, казачество на Дону въ это время представляло уже силу, завладѣвшую Азовомъ и обложившую его данью. Даже покорило Астрахань и забрало въ свои руки берега Волги. Это под-

²⁰⁰) Дѣла Ногайскаго. Кн. № 4. листы 30—41.

тверждается и другими историческими актами. Но объ этомъ будемъ говорить ниже. А теперь скажемъ объ участіи казаковъ въ покореніи Казани.

Прельщенные грамотой турецкаго султана Солимана, ногайцы волновались. Лишь одинъ Юсуфъ, не желая терять торговыя сношенія съ Москвой, оставался вѣренъ давнишнему союзу съ ней и не переставалъ жаловаться на обиды отъ казаковъ. Мелкіе же мурзы вооружались и готовились на защиту Казани; но вольное казачество Волги и Дона, умѣвшее проникать въ самые сокровенныя замыслы невѣрныхъ, держало ихъ въ покорности, а потому они и не могли оказать существенной помощи своимъ единовѣрцамъ. Казачество въ то же время зорко слѣдило и за движеніями крымцевъ и астраханцевъ и старалось своевременно предупредить московскаго царя о готовящейся опасности.

Въ самый годъ (1552) рѣшительныхъ дѣйствій противъ Казани крымскій ханъ Давлеть-Гирей двинулся на Москву, но былъ разбитъ подъ Тулою и поспѣшно бѣжалъ изъ Россіи, преслѣдуемый казаками. Передъ этимъ Иванъ IV послалъ на Волгу изъ украинскихъ городковъ казаковъ для удержанія отъ набѣговъ враждебныхъ ногайскихъ мурзъ, что очень беспокоило Измаила Мурзу, сторонника турецкаго султана²⁰¹). Московскій царь, готовясь въ походъ противъ Казани, говорилъ въ Боярской Думѣ: „Богъ видитъ мое сердце. Хочу не земной славы, а покоя христіанъ. Могу-ли нѣкогда безъ робости сказать Всевышнему: се я и люди, Тобою мнѣ данныя, если не спасу ихъ отъ свирѣпости вѣчныхъ враговъ Россіи, съ конми не можетъ быть ни мира, ни отдохновенія?²⁰²“.

Узнавъ о такомъ безповоротномъ рѣшеніи православнаго московскаго царя, все украинское казачество встрепенулось и двинулось подъ Казань на помощь русскимъ въ числѣ отъ 5 до 7 тыс. человѣкъ, вооруженныхъ саблями, копьями и пищалями. Двинулось и Донское казачество подъ предводительствомъ своего атамана Сусара Федорова, оставивъ часть своихъ вольныхъ сподвижниковъ на берегахъ Дона для защиты отъ нападенія турокъ, крымцевъ и астраханцевъ. Вотъ какъ описываетъ этотъ походъ генераль Ригельманъ въ своемъ „Повѣствованіи о Донскихъ казакахъ“, написанномъ имъ въ 1778 г., болѣе чѣмъ за 30 лѣтъ до изданія тру-

²⁰¹) Дѣла Ногайскія. Кн. 4-я.

²⁰²) Карамзинъ. Томъ VIII, гл. IV.

довъ по Русской Исторіи перваго русскаго историографа Карамзина:²⁰³).

„Провѣдали казаки о томъ, что московскій царь Иванъ Васильевичъ ведетъ войну съ татарами въ теченіе семи лѣтъ и что важнымъ желаніемъ его является взятіе главнаго города татарскаго ханства — Казани.

Казань представляла по тому времени неприступную крѣпость, и русское войско тщетно стояло около нея въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ.

Зная, что русскіе московскаго царства держатся такой же „греческой“ вѣры, какъ и сами казаки, а татары — вѣры магометанской, донцы рѣшили оказать помощь московскому царю.

Атаманъ отдѣлилъ часть казаковъ и послалъ ихъ къ устью Дона съ тѣмъ, чтобы они настрѣляли тамъ, какъ можно больше, птиць-бабъ, которыя тогда безчисленными стаями обитали въ гирлахъ рѣки, и, собравъ съ нихъ перья, доставили ихъ для украшенія и убранства боевыхъ костюмовъ казачьяго войска.

Украсивъ съ головы до ногъ птичьими перьями каждаго казака, атаманъ повелъ донцовъ къ Казани.

Къ городу казаки подошли ночью и, раскинувъ свой станъ въ виду русскихъ войскъ, развели костры.

Какъ только запылали казачьи костры, въ царскомъ войскѣ сейчасъ же обратили вниманіе на пришельцевъ.

Фантастичность одѣянія казаковъ, рѣзко подчеркиваемое среди ночной тьмы огнемъ костровъ, не на шутку испугала воиновъ русской рати. Доложили царю о приходѣ какихъ-то „чудовищъ“.

Царь послалъ одного изъ бояръ развѣдать, что это за люди, откуда и зачѣмъ пришли и куда идутъ?

Бояринъ направился къ стану казаковъ, но чѣмъ ближе подходилъ къ нимъ, тѣмъ чуднѣе и страшнѣе казались они ему. Онъ не только не разспросилъ ихъ, какъ велѣлъ царь, но даже не дошелъ до нихъ, убѣжавъ со страху назадъ въ свой станъ.

Разгнѣванный трусостью боярина, царь приказалъ ему сейчасъ вернуться назадъ и исполнить приказаніе въ точности.

Снова пошелъ бояринъ.

²⁰³) Ригельманъ. Повѣствованіе о доискахъ казачьихъ. Стр. 4 и 5. Московскій глави. архивъ Министерства Юстиціи. Разрядный приказъ. Бѣлгородскій столъ, столбецъ № 39. 30 марта 1632 г. Отписка Великаго войска Донскаго Московскому царю. Исторія Россіи — Соловьева, стр. 88 и 89.

Не доходя до казаковъ, онъ издали крикнулъ имъ: „люди ли вы или привидѣнія?“.

Въ отвѣтъ ему раздалось:

„Люди! Русскіе вольные люди, приходшіе съ Дону царю московскому помогать взять Казань и за домъ Пресвитыи Богородицы свои головы положить“.

Обрадованный бояринъ посѣщилъ назадъ съ радостною вѣстью къ царю.

Рано утромъ царь послалъ къ казакамъ своихъ пословъ съ дарами.

Казаки отказались принять дары, а, наоборотъ, сами одарили посланныхъ зѣриными шкурами и просили царя повелѣть имъ взять Казань.

Царь далъ согласіе свое на просьбу казаковъ, которые, не терпя времени, на другой же день, поднявъ святыя иконы и навѣсивъ на концы пикъ пышныя крылья птицъ-бабъ, двинулись къ стѣнамъ Казани.

Ихъ строй имѣлъ подобіе лѣса, вершины деревъ котораго были покрыты снѣгомъ.

Приблизившись къ рѣчкѣ Казанкѣ, казаки принялись рыть подкопъ подъ стѣны города.

Затѣмъ было спущено въ подкопъ нѣсколько бочекъ пороха.

Назначивъ время къ поджогу пороха, казаки стали на молитву, прося Господа дать свое знаменіе имъ, „на что, — говоритъ историкъ, — воспослѣдовалъ изъ облакъ гласъ, глаголющій всѣмъ вслухъ: „побѣдите и покойными будете“.

Послѣ этого казаки подожгли порохъ, и, когда послѣдовавшій взрывъ разрушилъ часть городской стѣны, ворвались въ городъ, гдѣ и завязался у нихъ горячій бой съ татарами.

Велѣдъ за казаками ввелъ свои войска въ городъ и царь.

Очистивъ городъ отъ татаръ, царь разставилъ вездѣ караулы и назначилъ для Казани своего намѣстника и воеводу“.

Сравнивая это повѣствованіе Ригельмана съ исторіей Карамзина, нельзя не замѣтить большой разницы въ разказахъ того и другого. Дѣло въ томъ, что Карамзинъ писалъ Исторію Государства Россійскаго вообще и въ данномъ случаѣ исторію царствованія царя Ивана Грознаго, пользуясь для сего московскою лѣтописью, а потому главнымъ героемъ взятія Казани онъ выставляетъ самого

царя Ивана и много вниманія удѣляетъ его знатнѣйшимъ боярамъ: Воротынскому, Курбскому, Вронскому, Мстиславскому, Оболенскому, Горбатову-Шуйскому и другимъ: о казакахъ же говоритъ лишь вскользь, что они во время приступа застѣли подъ самою городскою стѣною въ каменной, такъ называемой Даировой банѣ; что казаки-пищальники стали на валу, стрѣляли до самой ночи и дали время князю Воротынскому утвердиться и насыпать землю туры въ пятидесяти саженьяхъ отъ рва, между Арскимъ полемъ и Булакомъ, что послѣ этого князь велѣлъ имъ отступить къ туркамъ и закопаться подъ ними и т. д. Въ другомъ мѣстѣ Карамзинъ говоритъ, что „воеводы наши хотѣли открыть тайникъ. т. е. подземный ходъ, по которому казанцы ходили за водой, но не могли, и государь велѣлъ подкопать его отъ каменной Даировой бани, занятой нашими казаками“ и пр. Однимъ словомъ, русскій исторіографъ геройскіе подвиги и отвагу казаковъ въ этомъ историческомъ событіи приносить въ жертву главному строителю Московскаго Государства и его сподвижникамъ, князьямъ и боярамъ, между тѣмъ какъ генераль Ригельманъ, писавшій исторію о Донскихъ казакахъ, естественно, старался отгѣнить и выдвинуть на первый планъ ту великую роль, какую сыграли въ этомъ достопамятномъ событіи донскіе и другіе казаки, какъ, напримѣръ, рязанскіе, мещерскіе и другіе. Съ этой точки зрѣнія цѣль и направленіе какъ того, такъ и другого историковъ для насъ будутъ понятны. Ригельманъ далѣе повѣствуетъ, что по взятіи Казани Иванъ Грозный велѣлъ одарить казаковъ казною и взятыми изъ покореннаго города богатствами; „но Донцы ничего того не взяли, а просили, чтобъ только пожалованы были рѣкою Дономъ до тѣхъ мѣстъ, какъ имъ надобно, что царь имъ и не отказалъ. Онъ имъ рѣку оную пожаловалъ и грамотою утвердить изволилъ, съ крѣпкимъ подтвержденіемъ и даже заклатиємъ о ненарушимости ея „во вѣки вѣковъ“.

Съ этой грамоты во все станицы войска Донскаго даны были, „для свѣдѣнія казацкаго“, списки, которые читались, какъ говоритъ Ригельманъ, въ его время, т. е. въ половинѣ XVIII в., при собраніи казаковъ (въ Кругу) въ день Покрова Пресвятой Богородицы, послѣ обѣдни“.²⁰⁴⁾

Генераль Ригельманъ, прожившій долгое время на Дону, отно-

²⁰⁴⁾ Ригельманъ. Стр. 5.

сится къ числу серьезныхъ изслѣдователей донской старины, а потому сообщеніе его о существованіи означенной грамоты Ивана Грознаго и списковъ съ ней, имѣвшихся въ его время по станицамъ, достойно глубокаго вниманія.

Есть преданіе, записанное еще въ XVIII в. со словъ старожиловъ и повторяемое до сего времени, что Петръ I-й, въ бытность свою въ Черкасскѣ въ 1709 г., послѣ окончанія „Булавинскаго бунта“, подлинную грамоту у войска отобралъ подъ предлогомъ замѣнить ее новою; списки же съ нея по станицамъ были уничтожены уже послѣдующими администраторами въ концѣ XVIII или началѣ XIX в., а многіе зарыты въ потайныхъ мѣстахъ. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время изъ этихъ списковъ не сохранилось ни одного, какъ и многихъ другихъ грамотъ царя Ивана на Донъ, хотя о нихъ опредѣленно говорятъ донскія преданія.

Пожалованіе Грознымъ Царемъ донскому казачеству Дона „со всѣми его рѣками и потеклинками“, какъ говоритъ преданіе, уже само указываетъ на то, что казаки эти въ дѣйствительности оказали весьма важную услугу Россіи при покореніи Казани.

Встревоженный успѣхами русскаго оружія и подстрекаемый турецкимъ султаномъ Солиманомъ, весь масульманскій міръ настоярился. Ногайскій князь Юсуфъ сталъ искать союза съ крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиремъ. Въ этотъ союзъ они увлекли и астраханскаго царя Ямгурчей, ладившаго кое-какъ до того времени съ Москвой. Иванъ Грозный рѣшилъ покончить и съ этимъ царствомъ; весною 1554 г. онъ послалъ туда р. Волгой и сухопутьемъ сильную рать подъ начальствомъ князя Пронскаго-Шемякина и постельничьяго Вешнякова.

Узнавъ объ этомъ, Донскіе казаки поспѣшно двинулись къ Переволокѣ подъ начальствомъ своихъ походныхъ атамановъ Федора Павлова, Андрея Шадры и Ляпуна и, вступивъ въ передовой отрядъ русской рати, руководимой княземъ Вяземскимъ, устремились впередъ и близъ Чернаго острова нанесли такое пораженіе астраханцамъ, что они не попали даже въ городъ и остановились въ 5 верстахъ ниже его: но преслѣдуемые казаками, бѣжали въ степи. Атаманъ Павловъ настигъ въ Базцыжъ-Мачакѣ женъ и дочерей царскихъ и забралъ ихъ въ плѣнъ. Самъ царь Ямгурчей, преслѣдуемый казаками до самаго Азова, едва успѣлъ вскопичить въ него

съ 20 всадниками. Князь Вяземскій занялъ Астрахань безъ боя.²⁰⁵⁾ Русскіе поставили въ Астрахани царемъ одного изъ претендентовъ на этотъ престолъ—Дербыша. Къ нему собралось до пяти сотъ князей и мурзь татарскихъ и до 10 тыс. простыхъ людей; всѣ они клялись, что будутъ повиноваться Москвѣ и присылать ей дань по 40 тыс. алтынъ и по 3 тыс. рыбъ ежегодно. Для наблюденія за порядкомъ и удержанія въ повиновеніи жителей, русскіе оставили въ Астрахани дворянина Тургенева съ казаками.

Изгнанный Ямгурчей съ помощью крымцевъ и ногайцевъ въ 1555 г. хотѣлъ вновь завладѣть Астраханью, но казаки прогнали его. Вслѣдъ за этимъ самъ Дербышъ задумалъ измѣнить Россіи и завелъ сношенія съ крымцами и сыновьями Юсуфа. Провѣдавъ объ этомъ, донской Атаманъ Ляпунъ, прежде нежели пришли туда царскіе войска, съ храбрыми казаками явился подъ стѣнами Астрахани. Измѣнники пришли въ ужасъ, оставили городъ и разбѣжались по улусамъ. Казаки прслѣдовали ихъ, громили улусы, били и брали въ плѣнъ бѣгущихъ. Самъ Дербышъ въ 1557 г. бѣжалъ въ Азовъ. Пришедшій въ Астрахань съ царскимъ войскомъ стрѣлецкій голова Черемысиновъ привелъ испуганный народъ къ присягѣ, и такимъ образомъ Астрахань навсегда была присоединена къ Россіи.

Придвинувшись своими владѣніями къ Каспійскому морю и завладѣвъ всѣмъ теченіемъ Волги, Московское Государство завело дѣятельныя торговыя сношенія съ юго-восточной Азіей. Дербентомъ, Шемахой, Бухарой, Хивой, а черезъ нихъ и съ Индіей. Вверхъ и внизъ по Волгѣ стали непрерывно ходить богатые торговые караваны, служившіе большой приманкой для вольнаго казачества. Нерѣдко казаки брали съ нихъ за пропускъ выкупъ товарами и деньгами, а иногда просто нападали и грабили, не разбирая, кому принадлежать торговыя суда, христіанамъ или магометанамъ. Такія дѣянія были въ порядкѣ вещей того времени, и Москва смотрѣла на это пока сквозь пальцы, такъ какъ присутствіе казацкихъ отрядовъ въ тѣхъ мѣстахъ было необходимо, для удержанія улусниковъ въ покорности.

Вѣсть о пораженіи татаръ на Волгѣ быстро распространилось по всему югу нынѣшней Россіи. Черкасскіе князья Пятигорья и

²⁰⁵⁾ Карамзинъ. Т. VIII, прим. 408. Исторія Россійская. В. Н. Татищева. Москва. 1769 г., кн. 1-я, ч. 2. Историческое описаніе земли войска Донского. Новочеркасскъ. Изд. 2-е 1903 г., стр. 13.

Кубанц, помня свое древнее родство съ Россіей, а также свою прежнюю полузабытую греческую вѣру, охотно шли на службу къ Ивану Грозному, а иные, принявшіе уже магометанство, крестились. Всѣ пылали жаждой мщенія туркамъ и татарамъ и просили помощи у московскаго царя. Откликнулось и днѣпровское казачество на общій зовъ христіанскихъ рыцарей. Храбрый вождь его, князь Дмитрій Вишневецкій, по народнымъ пѣснямъ казакъ *Байда*, скучая бездѣйствіемъ, добровольно предложилъ свои услуги царю Ивану и съ сильнымъ отрядомъ запорожцевъ и кіевскихъ черкасъ двинулся на Донъ, занявъ земли по среднему Донцу до Азова. Главный станъ его располагался на Донцѣ, на балкѣ, носящей и до сего времени названіе Вишневецкой, въ юртѣ нынѣшней Каменской станицы (Татищевъ В. Н. „Ист. Россійская“, кн. 5). Отсюда въ союзѣ съ донскими казаками онъ зорко сталъ слѣдить за движеніями крымцевъ и турокъ, успѣвшими уже вновь завладѣть Азовомъ, во время походовъ казаковъ подъ Казань и Астрахань.

Все казачество Волги, Дона и Днѣпра въ этотъ періодъ времени сливается въ одинъ общій союзъ для борьбы съ невѣрными. Донъ становится центромъ казацкаго рыцарства. Въ то время, какъ Донскіе казаки были подъ Астраханью, крымскій ханъ не разъ порывался напасть на русскіе украинскіе города, но всякій разъ Иванъ Грозный, заранѣе предупреждаемый казаками, давалъ ему отпоръ. Не смотря на неудачи, Дивлетъ-Гирей въ 1556 г. снова ополчился на Москву. Русскіе войска ждали его на Окѣ. Едва онъ выступилъ въ походъ, какъ черниговскій воевода Ржевскій, стоявшій съ донскими казаками между Дономъ и Днѣпромъ, двинулся съ своими отважными сподвижниками по Днѣпру въ Тавриду, напалъ на Исламъ-Кермень и Очаковъ, разогналъ жителей и забралъ ихъ табуны. Татары и турки преслѣдовали его, но хитрые казаки завлекли ихъ подъ свою засаду и разбили наголову. Въ этихъ битвахъ принимали участіе и днѣпровскіе черкасы съ атаманами Млынскимъ и Есновичемъ.

Ханскій Калга вооружилъ весь Крымъ и спѣшилъ на помощь къ Исламъ Керменю, но встрѣтивъ тамъ Ржевскаго, бился съ нимъ шесть дней и, наконецъ, отчаявшись побѣдить, умолялъ хана спасти Тавриду. Девлетъ-Гирей, узнавъ о скопленіи московскихъ войскъ на Окѣ, повернулъ назадъ и готовился напасть на черкасъ.

стоявшихъ между Донцомъ и Мисомъ, на по призыву Калги поспѣшили въ Крымъ.

Въ то же время князь Вишневецкій съ своими казаками занялъ островъ Хортицу въ нижней части Днѣпра, противъ Конскихъ водъ, и укрѣпился на немъ и, такимъ образомъ, заперъ хана въ Тавридѣ. Потомъ онъ двинулся внизъ по Днѣпру, съжегъ Исламъ-Кирмень, забралъ изъ него все пушки и привезъ ихъ въ свое укрѣпленіе на о. Хортицу. Тщетно ханъ приступалъ къ этому укрѣпленію. Вишневецкій отразилъ все его нападенія.

Зимой 1558 г. Девлетъ-Гирей снова поднялъ оружіе на Россію, но едва онъ выступилъ изъ Тавриды во главѣ 100 т. войска, состоявшаго изъ крымцевъ и ногайцевъ, частью перешедшихъ на его сторону, какъ донскіе казаки, слѣдившіе за малѣйшими движеніями татаръ, ворвались въ Тавриду, напали близъ Перекона на улусы ногаевъ, разгромили ихъ и угнали до 15 тыс. лошадей. Крымскій ханъ, узнавъ отъ лозутчиковъ, что впереди его ждетъ русское войско, а сзади разоряютъ улусы казаки, бѣжалъ назадъ въ великомъ страхѣ, бросая на пути и воиновъ и обозы. Но и въ Крыму онъ не нашелъ покоя: съ одной стороны съ 8 тыс. войскомъ внизъ по Днѣпру двинулся Адашевъ, взялъ на морѣ два неприятельскихъ карабля, присталъ къ западнымъ берегамъ Крыма и болѣе двухъ недѣль громилъ ханскіе улусы, а потомъ съ богатою добычей поплылъ обратно: съ другой — храбрый витязь Вишневецкій съ донскими казаками и черкасами разбилъ крымцевъ на р. Айдарѣ, впадающей въ Донецъ, сталъ угрожать Крыму со стороны Азовскаго моря. Въ то же время черкесскіе, вѣрнѣе, черкасскіе князья, отъ имени Россіи, овладѣли двумя укрѣпленными городами Темрюкомъ и Таманью со всею прилегающею мѣстностью, входившею когда-то въ составъ русскаго Тмутараканскаго княжества.

Получая удары со всехъ сторонъ и ожидая еще большаго, крымскій ханъ въ отчаяніи писалъ турецкому султану, что все погибло, если онъ не спасетъ Крыма. Къ тому же жестокая зима 1557 г., истребившая много людей и скота у ногайцевъ, голодъ и моръ, свирѣпствовавшіе въ Тавридѣ, поставили татаръ въ самое отчаянное положеніе. «Никогда, — замѣчаетъ современный историкъ, — не было для Россіи удобнѣйшаго случая истребить окончательно

остатки монголов“. но Иванъ Грозный, занятый войной съ Ливоніей, не рѣшился на это; къ тому же часть донскихъ казаковъ, всего около 3 тыс., во главѣ съ походнымъ атаманомъ Михаиломъ Черкашенинымъ, была на западной границѣ и сражалась съ ливонскими нѣмцами, оказывая чудеса храбрости.²⁰⁶⁾

Такимъ образомъ донскіе казаки въ теченіе десятилѣтняго своего существованія (съ 1550—1560 г.) показали всему мусульманскому міру, сколь опасно для крымцевъ и турокъ ихъ водвореніе на Дону. Ихъ храбрость и неустрашимость, а главное умѣнье въ совершенствѣ владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ всегда имъ давали перевѣсъ надъ непріателемъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Путь въ Тавриду и къ берегамъ Малой Азіи имъ былъ знакомъ издревле и вся дѣятельность ихъ въ послѣдующіе вѣка, главнымъ образомъ, на этомъ и была сосредоточена, какъ и ихъ собратьевъ-запорожцевъ.

Слава о подвигахъ донцовъ разнеслась по всей Россіи. На берега Дона стало стекаться казачество съ Днѣпра и украинскихъ городковъ Сѣверской и Рязанской областей. Какъ по Дону, такъ и по Волгѣ стали строиться новые городки, и такимъ образомъ донское казачество, годъ отъ года увеличиваясь, скоро стало представлять грозную силу и завладѣло всѣмъ югомъ и юго-востокомъ Россіи, перекинувшись своими станами на Терекъ, Уралъ и даже въ далекую Сибирь.

Изъ первыхъ казачьихъ городковъ на Дону во второй половинѣ XVI в. стали извѣстны: 1) Раздоры Верхніе или Донецкіе, противъ устья р. Сѣвернаго Донца, на островѣ, близъ нынѣшней Раздорской станицы;²⁰⁷⁾ 2) Нижніе Раздоры, гдѣ-то ниже первыхъ; нѣкоторые полагаютъ, что этотъ городокъ стоялъ подъ Кобыковымъ городищемъ, близъ нынѣшней Аксайской станицы; 3) на Манычи, на правой сторонѣ Дона, на островѣ противъ устья р. Манычи, и 4) въ Черкасской, гдѣ былъ станъ запорожскихъ Черкасовъ.²⁰⁸⁾ Набѣги на Россію крымскихъ татаръ, какъ сказано выше, большею частью были неудачны, такъ какъ казаки, постоянно слѣдя за ихъ

²⁰⁶⁾ Карамзинъ, Т. VIII, гл. V. Московскій главн. архивъ Министерства Юстиціи. Разрядный приказъ. Бѣлогородскій столъ, столбецъ № 39. Отписки казаковъ царю 30 марта 1632 г. Исторія о Донскомъ войскѣ А. Попова, стр. 119.

²⁰⁷⁾ Дѣла турецкія, кн. 2-я, листы 37 и 134—1570 г.; книга 3-я, листы 89 и 98—1592 г.

²⁰⁸⁾ Дѣла турецкія, кн. 3-я, листъ 230—1593 г.

движеніемъ, своевременно давали знать о томъ Ивану Грозному. За эти и прежніе заслуги, а также за удачный набѣгъ весною 1560 г., въ союзѣ съ нагайскими мурзами, оставшимися вѣрными Москвѣ, на Перекопѣ, Очаковѣ и Бѣлгородѣ, московскій царь щедро одарилъ казацкихъ пословъ и послалъ ихъ сподвижникамъ на Донъ жалованье. Кромѣ того, дозволилъ казакамъ свободно торговать во всѣхъ російскихъ городахъ.²⁰⁰) Видя неудачи своихъ единовѣрцевъ и желая показать себя дѣятельнѣе своихъ предшественниковъ, новый турецкій султанъ Селимъ задумалъ грандіозный планъ о соединеніи Дона съ Волгой и возстановленіи на берегахъ Ахтубы прежняго магометанскаго царства. Нѣкоторые ногайскіе князья, бухарцы и хивинцы говорили ему, что московскій царь истребляетъ вѣру масульманскую и прерываетъ имъ сообщеніе съ Меккой; что Астрахань, какъ главная каспійская пристань для всѣхъ азіатскихъ народовъ, даетъ ему до 1000 золотыхъ монетъ и проч. Послы литовскіе, враги Россіи, твердили ему то же. Лишь одинъ крымскій ханъ Девлетъ-Гирей, освѣдомленный больше другихъ о могуществѣ Россіи и неустрашимости ея казаковъ, доказывалъ неисполнимость задуманнаго плана. Селимъ стоялъ на своемъ. Весной 1569 г. онъ послалъ сухимъ путемъ подъ начальствомъ кафинскаго паши Касима до 25 тыс. крымскихъ всадниковъ и 30,000 янычаръ съ пашей Палеги и на 300 галерахъ 15 тыс. снарядовъ, множество тяжелыхъ пушекъ, землечерпательныхъ машинъ и проч., подъ охраной 5 тыс. янычаръ и многихъ татаръ, съ 3000 землекоповъ и гребцовъ; причеиъ приказалъ соединить Донъ съ Волгой, на обѣихъ рѣкахъ поставить крѣпости и возстановить царство Астраханское. Войска должны были соединиться у Переволоки, гдѣ нынѣ Качалинская станція.

При движеніи этой силы по Дону пронесся слухъ, что турки и крымцы идутъ для конечнаго истребленія казаковъ. Донцы, уstraшенные этой вѣстью, оставивъ свои городки, скрылись въ степи.

Шедшіе вверхъ по Дону суда, при глубокой осадкѣ, часто садились на мель, такъ что ихъ приходилось перегружать: это страшно замедляло движеніе. Охрана судовъ была недостаточна. Гребцы и землеконы были большею частью изъ христіанскихъ

²⁰⁰) Карамзинъ. Т. VIII, прил. 564.

плѣнниковъ, жаждавшихъ скорѣйшаго освобожденія. Турки часть отъ часу ждали нападенія казаковъ, но послѣдніе не показывались. „Нужно было только показаться русскимъ, говорить очевидецъ этого похода, царскій сановникъ Мальцевъ, бывший въ плѣну у турокъ, чтобы завладѣть всѣми снарядами и казною, но никто не являлся. Хотя бы ихъ было не болѣе 2000, то и тогда бы они могли разобрать насъ руками“.

Такъ разсуждалъ плѣнный Мальцевъ, ожидавшій скорѣйшаго освобожденія. Нѣкоторые осториги, со словъ этого сановника, упрекають казаковъ въ трусости, а другіе выводятъ заключеніе, что ихъ на Дону въ то время было не болѣе 2 тыс. Но ни то, ни другое не вѣрно. Казаковъ никто и никогда не можетъ упрекнуть въ трусости. Сколько ихъ тогда было на Дону, не извѣстно. Но если принять во вниманіе, что часть ихъ въ то время служила въ царскихъ войскахъ, другая сторожила на Донцѣ и Миусѣ крымцевъ и на Волгѣ ногайцевъ, волновавшихся при приближеніи турокъ, а остальные наблюдали за движеніемъ непріятельской арміи и ожидали удобнаго случая къ нападенію, то поведеніе ихъ въ такихъ случаяхъ не представляетъ ничего особеннаго. ²¹⁰⁾

Случай для нападенія на враговъ скоро представлялся. Непріятельскія войска стянулись къ Переволокѣ. Начались работы по прорытію канала,—работа жалкая и смѣшная. Рабочіе и войска, видя невозможность выполнить повелѣніе султана, стали роптать, говоря, что паша безумствуетъ, что для такого дѣла мало ста лѣтъ для всѣхъ работниковъ Оттоманской имперіи и проч. Паша велѣлъ тащить суда изъ Дона до Волги волокомъ. Но тутъ явились послы изъ Астрахани и сказали: „На что вамъ суда? мы дадимъ ихъ вамъ, сколько хотите: идите только избавить насъ отъ власти россіянъ“. Паша усмиривъ войско и 2 сентября отпустилъ тяжелыя пушки назадъ въ Азовъ, а съ 12 легкими орудіями двинулся къ Астрахани и 16 сентября сталъ на городищѣ, гдѣ была древняя казарская столица Атель, на правой сторонѣ Волги. Русскіе, усмиривъ жителей, не сдавались. На помощь къ Астрахани спѣшилъ воевода, князь Серебрянный. Къ нему присоеди-

²¹⁰⁾ Крымцы дѣйствительно въ этомъ году напали и разгромили на Донцѣ городки атамана Плана Мотыки, гдѣ нынѣ Митякинская станція, и такимъ образомъ отвлекли часть казаковъ на западную границу ихъ владѣній. Дѣла турецкія, кн. 2, листъ 103, 1569 г.

лись донскіе и запорожскіе казаки, въ числѣ 5 тыс. человекъ, которыхъ велъ по слѣдамъ турокъ Гетманъ Михайло Вишневецкій. Истребивъ турокъ на Переволокѣ, казаки и русскіе войска двинулись на судахъ и степью къ Астрахани и стремительно напали на непріятели. Турки и крымцы съ большимъ урономъ отступили и застѣли въ возведенныхъ ими укрѣпленіяхъ. Но скоро они стали чувствовать недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Вышедшій на добычу отрядъ татаръ былъ истребленъ донскими казаками. Приближаясь зима, Турки оставили свой лагерь и пустились въ бѣгство по направленію къ Азову. Казаки ихъ преслѣдовали и истребляли. Больше же всего они гибли отъ холода и голода. По дорогѣ ихъ также подстерегали и истребляли черкесы. Изъ всей арміи едва возвратилось въ Азовъ до 3 тыс. Шедшій обратно флотъ былъ забранъ донскими казаками, взорвавшими также всѣ пороховые погреба и стѣны Азова. Большая часть домовъ и пристаней съ судами были превращены въ пепель и развалины, такъ что остаткамъ бывшей сильной турецкой арміи негдѣ было и пріютиться. Донскіе и запорожскіе казаки возвратились съ богатой добычей. Большая часть запорожцевъ навсегда осталась на Дону, раскинувъ свои станы въ „Юртахъ Черкасскихъ,“ гдѣ былъ гор. Черкасскъ и городокъ Донской, на Монастырскомъ Яру, въ 5 вер. ниже Черкаска. Всѣ эти казацкія общины переимѣнились „и, сдѣлавъ городъ сей (Черкасскъ) главнымъ всему войску, Донекому, отъ нихъ и отъ приходщихъ одноземцевъ къ нимъ знатно умножившемуся“²¹¹⁾.

Послѣ всего сказаннаго, намъ предстоить рѣшить вопросъ: кто же были донскіе казаки, явившіеся на арену исторіи въ половинѣ XVI вѣка?

Изъ донесенія путивльскаго воеводы Троекурова въ 1546 г. мы видимъ, что на Полѣ казаковъ было много. „и черкасцевъ, и киянь, и вышедшихъ со всѣхъ украинъ“. Подъ черкасцами Троекуровъ подразумѣвалъ низовыя казачьи общины Днѣпра, этихъ грозныхъ пиратовъ, наводившихъ страхъ на турокъ и татаръ еще во второй половинѣ XIV в. потомъ въ XV и XVI в. в. Подъ киянами—чер-

²¹¹⁾ „Исторія Руссовъ“, составленная по древнимъ летописямъ. Георгій Канискій, архіепископъ Бѣлорусскій. 1846 г., стр. 22. Исторія о Донскомъ войскѣ Ал. Погова. Исторія Госуд. Росс. Казацтва, т. IX, гл. II. Дѣла Крымскія, статистич. списки № 13, листы 287—300; также книга № 13, листъ 258.

касовъ Кіевскаго воеводства, имѣвшихъ главные станы въ Трехтемировѣ и Черкасахъ. Вышедшіе со всѣхъ украинъ—это казачество Сѣверской области, казаки бѣлгородскіе и старые азовскіе, переселившіеся туда, какъ мы видѣли выше, въ 1515 г. Ногайскій князь Юсуфъ наименовалъ ихъ „севрюками“ и русью „Сарыазь-мань“, т. е. удалцами или, по старой персидской поговоркѣ, которая по всей вѣроятности была знакома ногайцамъ, „господа-головы—азовцы“, или азовскіе люди. Отчего впоследствии волжскихъ удалцовъ, а Петръ I-й и донскихъ казаковъ, называли „сарынью“.

Во второй половинѣ XVI в. донская казачья община усиливалась тѣмъ же элементомъ, т. е. переселенцами съ Днѣпра и Сѣверской области; съ сѣвера надвигалось и постепенно заселяло земли по Хопру, Бузулуку и Медвѣдницѣ казачество рязанское. Въ этихъ мѣстахъ оно и раньше имѣло свои сторожевые посты, крайнимъ изъ которыхъ считался Урюпинъ.

Въ писцовыхъ книгахъ 1615—1626 г. г. казачьихъ городковъ и становъ южной части бывшаго Рязанскаго княжества—Воронежа, Валуйковъ и другихъ мы находимъ много характерныхъ фамилій-прозвищъ и доселѣ встрѣчающихся на Дону, какъ напримѣръ: Степанко Губарь, Ермачко, Ушаковъ, Овчинниковъ, Черенковъ, Князевъ, Филатовъ, Ларинъ, Гончаровъ, Дураковъ, Уразовъ, Рындинъ, Кокоревъ, Малаховъ, Собыревъ, Суровцовъ, Кобозевъ, Панфиловъ, Гудковъ, Вѣтровъ, Мишутинъ, Ероха, Тереховъ, Некрасовъ, Влохинъ, Ногайцевъ, Грибениковъ, Копыловъ, Поповъ, Крюковъ, Бѣляевъ, Щербакъ, Бѣлоусовъ, Трубочениновъ, Миловановъ. Сухаревъ, Татариновъ, Мещерякъ, Мигулинъ, Титовъ, Кондратьевъ, Струковъ, Короткій, Резанцовъ, Соплинъ, Пронинъ, Савинъ, Мѣшковъ, Зубковъ. Кривой, Болдырь, Косой, Усанъ и Усарь, Кленка, Слѣпой, Нагибинъ, Носовъ, Чеботаревъ и др. Что особенно поражаетъ въ этихъ спискахъ, такъ это уменьшительныя и уничижительныя собственныя имена казаковъ, которыя трудно произвести отъ какого-либо христіанскаго имени: Тива Гарзинъ, Дароня Гребеньковъ, Позднякъ Конюховъ, Кленка Черенковъ, Куча Маманъ, Ушалко Пронинъ, Ратка Тещовъ, Войско Ивановъ, Суланка Каменевъ, Русинко Ненашовъ, Перша Сысоевъ, Замятня Омсляновъ, Мастюга Степановъ, Томилко и Тамилко Сольковской, Ермачко Моколоковъ, Худячко Добросоцкой, Гуляй Стюринъ, Милованко Лукья-

яновъ, Курбатко Дорофѣевъ, Томило Храпунъ, Путило Кириловъ, Дружина Дьяковъ, Ганка Кирѣевъ. Панка Шубинъ, Милованъ Петровъ, Янко Шубинъ, Сазонко Гундинъ, Ломашко Филиппевъ, Дубровка Долгой, Третьякъ Струковъ, Насонко Кузнецовъ, Покидка Горожавка, Ортюшко Каршовъ, Первой Ондреевъ, Нечай Данишинъ, Юшка Родюновъ, Горлинко Карамановъ, Несвойко Климовъ, Бѣлая Проскурнинъ, Долмать Семеновъ, Парша Лысковъ, Ганка Волкучинъ, Суханка Ивановъ, Севрюкъ Лютовъ, Замятня Омельяновъ, Жданка Ромаковъ, Суданка Каменовъ, Фатка Лоскутовъ, Безсонко Некрыловъ, Щербакъ Пердуновъ, Ортюха Кобелевъ, Докучка Шваровъ, Несмѣянъ Донской, Познячко Лунинъ, Ариско Тарасовъ, Подидка Лосковъ, Первушка Мертеловъ, Муратко Офанасевъ, Третьякъ Струковъ, Гархъ Гребенковъ, Мелехъ Кобыляковъ, Гуляй Башкирцевъ, Незнайко Студеникинъ, Нехорошко Дьяковъ, Кленка Смагинъ и др. ²¹²⁾.

Всѣ приведенныя имена или прозвища бывшихъ рязанскихъ казаковъ, занимавшихъ своими сторожевыми постами земли нынѣшней Воронежской губерніи, входившими раньше въ составъ Рязанской области, ничего общаго съ великорусскими не имѣютъ; они звучатъ чѣмъ-то древнимъ, напоминающимъ гето-гуннскій и алано-хазарскій періоды исторіи. Имена Ратко, Томило, Караманъ, Курбатъ и Курбатко, Дубровка, Тива, Подинка, Долмать, Гархъ, Мастюга, Горячка, Кленка, Хватка и др. какъ и Сусаръ, Смага (донскіе атаманы)—однозвучащи гуннскимъ: Аттила, Вдила, готскимъ: Аспаръ, Тотило и др. Они выражаютъ характеръ этихъ лицъ и ихъ дѣятельность. Имена эти встрѣчаются на всемъ протяженіи исторіи донскихъ казаковъ и какъ прозвища даже и въ настоящее время. ²¹³⁾ Рязанское и мецкерское казачество, долго сталкиваясь съ великорусскимъ населеніемъ, отчасти заимствовало отъ него и свой выговоръ, но въ то же время оно имѣетъ и свой, несвойственный говору жителямъ ни одной изъ губерній; это характерное „аканье“ и „яканье“ и произношеніе звука ш вмѣсто щ, какъ, напримѣръ, чаво, яво, ишшо (еще) и др. едва ли можно встрѣтить гдѣ-либо внѣ казачьихъ областей.

Къ какой же народности принадлежали казаки сторожевыхъ

²¹²⁾ Матеріалы для исторіи Воронежской и соседнихъ губ. Изд. Воронеж. губ. Стат. Ком., т. II 1891 г. „Изв. Воронежской старины“. Памятная кн. Вор. губ. 1891 г.

²¹³⁾ Отношу читателя къ моему труду „Тысячелетіе казаковъ и особенности ихъ говора“ 1908 г.

постовъ Воронежскаго края? ²¹⁴⁾. На это намъ даетъ обстоятельный отвѣтъ грамоты царя Михаила Федоровича: „А они, воронежскіе Черкасы, люди добрые: какъ пришли отъ Поляковъ, отъ ихъ разоренья и смертнаго убойства и посѣченія, свое крестное цѣлованье помнить“ ²¹⁵⁾.

Служба казаковъ „на меренкахъ, въ сабляхъ съ пищальми“ въ украинныхъ городкахъ Московскаго государства была чрезвычайно тяжелая, такъ какъ каждый шагъ ихъ былъ подчиненъ контролю избираемыхъ ими, а чаще всего назначаемыхъ воеводами казацкихъ головъ, атамановъ и есауловъ, утверждаемыхъ московскимъ правительствомъ, съ одобренія воеводъ. ²¹⁶⁾ За каждую провинность и упущеніе, даже во 2-й половинѣ XVI в., взыскивали строго, а потому побѣги казаковъ на Донъ, въ вольное, никому неподчинявшееся казачество были довольно часты, если не сказать ежедневны.

„Воронежскіе Акты“, изданные Губ. Ст. Ком. въ 1885—1886 г., касающіеся старины украинскихъ городковъ Воронежскаго края, сплошь покрыты указаніями на побѣги казаковъ въ низовья Дона, несмотря на принесенную ими присягу и „поручную запись“ со товарищей за пропавшее оружіе или казенныя деньги.

Въ Воронежской крѣпости, со времени ея основанія (1586 г.), помимо воеводы, жилъ казацкій голова, власть котораго, по указу московскаго правительства, должна простираться и на всѣхъ донскихъ казаковъ, хотя послѣдніе этой власти не только не признавали, но даже и не подозрѣвали, что она существуетъ. Донскіе казаки служили Москвѣ изъ чести, добровольно, „съ травы, съ воды“, и всѣ дѣла рѣшали въ своемъ „Кругу“, нисколько не сообразуясь съ политикой Москвы, а потому ставили ее иногда въ очень затруднительное положеніе при сношеніи съ Турціей и Крымомъ. Вотъ почему московскіе цари въ своихъ грамотахъ и наказахъ послали на жалобы о набѣгахъ казаковъ на ногайцевъ, крымцевъ и турецкія владѣнія всегда оправдывались, говоря, что „тѣ холопи наши, въ нашей землѣ многое лихо сдѣлали и убѣжали въ Полѣ“... или „что на Дону и близко Азова живутъ казаки,

²¹⁴⁾ Гор. Воронежъ построенъ въ 1586 г. Въ томъ же году построенъ и г. Ливны, на соединеніи дорогъ Юліановской, Муравской и Пижмской, по которымъ главн. обр. и проходили набѣги на Русь ордынскихъ хищниковъ.

²¹⁵⁾ Воронежскіе акты, кн. 1, стр. 102. Изд. Ворон. Губ. Ст. Ком. 1885—1886 г.г.

²¹⁶⁾ Тамъ же, т. 3, № 116.

все бѣглые люди“... и нерѣдко обѣщались туркамъ и крымцамъ свести ихъ съ Дона. Ханскому послу, бывшему въ Москвѣ въ 1578 г., бояре отвѣчали, что ни днѣпровскіе, ни донскіе казаки не зависятъ отъ великаго князя: первые состоятъ во власти Баторія, а послѣдніе суть бѣглецы изъ Литвы и Россіи, и что государь російскій не признаетъ ихъ за своихъ подданныхъ, но велитъ казнить, если они явятся въ его предѣлахъ. Въ то же время цари на Донъ слали секретныя грамоты о поискахъ казаковъ подъ Азовомъ и о томъ, чтобы казаки „промышляли“ съ Москвой за одно: „когда же намъ послужите, и мы васъ пожалуемъ своимъ жалованьемъ.“²¹⁷⁾

Этимъ только и можно объяснить легенду, ничего общаго съ дѣйствительностью неимѣющую, о происхожденіи донскихъ и запорожскихъ казаковъ изъ бѣглыхъ московскаго и литовскаго государствъ.

Во время войны съ Литвой отрядъ каневскихъ казаковъ, служившихъ Литвѣ, напалъ на русскіе украинные города и въ 1590 г. разорилъ Черниговъ, Рыльскъ, Путивль и даже Воронежъ. По донесенію путивльскаго воеводы, отрядъ этотъ по пути громилъ наши казацкіе станичные и сторожевые пункты.²¹⁸⁾ Но несмотря на это, большая часть казачества Литовско-Польскаго государства и русскихъ украинскихъ городковъ искало пристанища и твердой опоры въ своихъ вольныхъ собратьяхъ въ Запорожьѣ и на Дону, откуда оно и стало систематически вести борьбу и съ Литвой, и съ масульманствомъ. Отъ желающаго вступить въ казачью общину требовалось только, чтобы онъ вѣровалъ въ Бога и служилъ казачьему дѣлу—бился съ басурманами; никто никогда не считалъ казацкой силы и даже не зналъ, сколько ея на Дону и въ Запорожьѣ. „У насъ де людей, что лоза, то казакъ, а гдѣ кракъ или байракъ, то по сту и по двѣсти казаковъ тамо и всѣ тѣ на войнѣ храбры. Казаки богатства вельми мають, хитрость и храбрость довольно знаютъ“, писали запорожцы турецкому султану.

Служа изъ чести московскимъ царямъ, донскіе казаки, какъ и запорожскіе, ни за что не хотѣли принимать присяги на вѣрность службы, считая крестоцѣлованіе страшнымъ и святымъ ак-

²¹⁷⁾ Дѣла Донскія, кн. 1-я—грамота цари Ивана Васильевича Грознаго 1571 г. 17 августа.

²¹⁸⁾ Воронежскій Край. Исслѣдованіе Л. Б. Вейнберга. Вып. 1, 1885 г., стр. 69.

томъ, несомвѣстимымъ съ ихъ сквернымъ и незаконнымъ военнымъ житьемъ. Такъ, напримѣръ, на требованіе царя Михаила Федоровича о принесеніи присяги на вѣрность службы казаки въ 1632 г. отвѣчали: „Крестнаго цѣлованія на Дону, какъ и зачался Донъ казачьи головами, не повелось: при бывшихъ государехъ старые казаки имъ, государямъ, неизмѣнно служивали не за крестнымъ цѣлованіемъ: въ которое время царь Иванъ стоялъ подъ Казанью и по его государеву указу атаманы-казаки выходили съ Дону, и съ Волги, и съ Яика, и съ Терека и атаманъ Сусаръ Федоровъ и многіе атаманы-казаки ему государю подъ Казанью служили—не за крестнымъ цѣлованіемъ... При Михаилѣ Черкашенинѣ во Псковѣ сидѣли въ осадѣ... не за крестнымъ цѣлованіемъ. Донской Атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ покорилъ Сибирское царство... не за крестнымъ цѣлованіемъ“ и т. д. ²¹⁹⁾.

Подобный взглядъ на крестное цѣлованіе свидѣтельствуетъ о народѣ искренне и глубоко вѣрующемъ и не дерзающемъ примѣнять этотъ „страшный и святой актъ“ къ обыкновенному ихъ житейскому дѣлу—войнѣ съ невѣрными. Такого взгляда на этотъ „актъ“ мы не встрѣчаемъ во всей исторіи Кіевской и Московской Руси, гдѣ великіе и удѣльные князья цѣлуютъ крестъ съ клятвой жить въ мирѣ и согласіи и тотчасъ же нарушаютъ ее. То же дѣлали и горожане. Въ смутное время бояре и народъ присягали и Годунову, и Шуйскому, и всѣмъ Дмитріямъ, и Лжедмитріямъ, и польскому королевичу Владиславу, и австрійскому принцу Эрнесту, и всѣмъ измѣнили. Присяга для нихъ была игра словъ. Присягали тому, отъ кого можно было получить больше выгоды. Не такъ смотрѣли на этотъ „страшный актъ“ казаки, воспитанные въ другой средѣ, въ другихъ понятіяхъ и міровоззрѣніяхъ на религію.

Связь донскихъ казаковъ съ русскими украинными городами подтверждается еще и слѣдующими словами царя Михаила Федоровича въ граматѣ его 1615 г.: „И мы васъ атамановъ и казаковъ, за ваши многіе къ намъ службы, пожаловали, велѣли вамъ въ Наши украинные города со всякими вашими товарами и безъ товаровъ къ *родичомъ* вашимъ ѣздити и съ ними видѣтися повольно“...

²¹⁹⁾ Отписка казаковъ царю 30 марта 1632 г. Московск. Глав. архивъ Мин. Юстиціи. Разрядный приказъ. Бѣлогородскій столъ, столбцы № 39.

Казаци прежнихъ вѣковъ не считали себя русскими, т. е. великороссами; въ свою очередь и жители московскихъ областей да и само правительство смотрѣли на нихъ, какъ на особую народность, хотя и родственную съ ними по вѣрѣ и языку. Вотъ почему сношенія верховнаго правительства съ казаками въ XVI и XVII вѣкахъ проходили черезъ посольскій приказъ, т. е. по современному—черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, чрезъ которое вообще сносятся съ другими государствами. Казацкихъ пословъ или, какъ ихъ тогда называли, „зимовые станицы“, въ Москвѣ принимали съ такою же пышностью и торжественностью, какъ и иностранныя посольства; объ этомъ намъ подробно говоритъ русскій публицистъ XVII в., современникъ царя Алексѣя Михайловича—Григорій Котошихинъ.

О службѣ донскихъ казаковъ этотъ писатель говоритъ такъ: „и тѣхъ донскихъ казаковъ на Дону емлютъ для промысла воинскаго, посылають въ подѣзды, подсматривать и непріятельскіе сторожи скрадывать; и дается имъ жалованье, что и другимъ казакамъ. А буде ихъ, казаковъ, на Дону съ 20000 человекъ, учены для обереганія понизовыхъ городовъ отъ приходу турецкихъ, и татарскихъ, и ногайскихъ людей и калмыковъ. И дана имъ на Дону жить воля, начальныхъ людей межъ себя, атамановъ и иныхъ, избирають и судятся во всякихъ дѣлахъ по своей волѣ, а не по царскому указу, а если-бъ имъ воли своей не было и они бы на Дону служить и послушны быть не учили и только бъ не они, донскіе казаки,—не укрѣпились бы и не были бъ въ подданствѣ давно за московскимъ царемъ Казанское и Астраханское царства, съ городами и съ землями, во владѣтельствѣ“.²²⁰⁾

²²⁰⁾ Котошихинъ, СИБ. 1840 г. гл. IX, стр. 107.

Глава III.

Донскіе казаки служатъ грозному царю.

Казаки Терскіе и Гребенскіе. Атаманъ Ермакъ.

По лѣтописнымъ сказаніямъ второй половины XVI в. казаки принимали весьма дѣятельное участіе во всѣхъ войнахъ, которая вела Москва съ своимъ сосѣдями: казанцами, астраханцами, крымцами, Польшей и Ливоніей. Цитируя эти лѣтописи, многіе русскіе историки нарочито замалчиваютъ, а другіе просто, по невѣдѣнію, не говорятъ, какіе именно казаки участвовали въ той или другой войнѣ. Карамзинъ отмѣчаетъ, что при взятіи Казани „Государь велѣлъ сдѣлать подкопъ отъ каменной Давровой бани, занятой нашими казаками“. Далѣе: „Іоаннъ распорядился сдѣлать приступъ: велѣлъ быть впереди атаманамъ съ казаками“... ²²¹⁾. То же говоритъ и Соловьевъ: „стрѣльцы и казаки, закопавшись во рвахъ передъ турами, не давали казанцамъ входить на стѣны, снимая ихъ оттуда мѣткими выстрѣлами. ²²²⁾. О какихъ казакахъ тутъ идетъ рѣчь, эти историки умалчиваютъ. То же дѣлаютъ и другіе. Изъ отписки казаковъ царю 1632 г. (смотри стр. 236) и грамоты Іоанна грознаго донскимъ казакамъ 1552 г. за ихъ великую службу (см. стр. 223) мы знаемъ, что при покореніи Казани были и донскіе казаки, ходившіе туда съ атаманомъ Сусаромъ Федоровымъ и многими другими. ²²³⁾ Приказъ о приступѣ былъ данъ 1 октября: на разсвѣтѣ 2-го октября были взорваны стѣны, и казань пала. Грамота о пожалованіи казакамъ рѣки Дона, т. е. о закрѣпленіи за ними на вѣчныя времена фактически уже занятой ими рѣки, всегда читалась въ казачьемъ кругу 1 октября, въ день Покрова

²²¹⁾ Томъ VIII и IV.

²²²⁾ Истор. Россіи, т. VI, стр. 88, 89 и 90.

²²³⁾ О пожалованіи Грознымъ царемъ донскимъ казакамъ грамоты на владѣніе р. Дономъ говоритъ и В. Д. Сухоруковъ въ 1821—1827 г. г., добавляя, что грамота эта была отобрана Петромъ I въ 1695 г. Рукопись Сухорукова хранится въ библиотекѣ Донского музея.

Пресвятія Богородицы, какъ и послѣдующія жалованныя царями грамоты. Слѣдовательно, день Покрова былъ долго памятенъ на Дону, какъ день великаго подвига, совершеннаго казаками для Россіи при взятіи Казани.

Изъ приведенной на страницѣ 236 отписки мы видимъ, что подъ Казань ходили казаки и съ Дона, и съ Волги, и съ Терека и съ Яика (Урала). Слѣдовательно, и Уралъ, и Терекъ къ половинѣ XVI в. были уже заняты казаками. Первые поселенія казаковъ на Уралѣ относятся къ концу XIV и началу XV в. в. (см. стр. 198), занятіе же устьевъ Терека слѣдуетъ отнести къ концу первой половины XVI в., т. е. ко времени, предшествовавшему покоренію Казани, а окончательное утверженіе послѣ покоренія Астрахани, т. е. во второй половинѣ XVI в.

Къ 80-мъ годамъ того же столѣтія слѣдуетъ отнести переселеніе нѣкоторой части донскихъ казаковъ за средній Терекъ. Поселенцы эти стали именоваться казаками *Гребенскими*. Многіе наши историки и этнографы говорятъ, что названіе *гребенскіе* произошло будто-бы отъ гребней, т. е. предгорій Кавказскихъ горъ. Но развѣ мало на Руси разныхъ холмовъ, горъ и предгорій, чтобы случайные пришельцы, поселившіеся среди нихъ, стали именовать себя отъ такого ничтожнаго обстоятельства? Въ языкѣ кавказскихъ горцевъ, кабардинцевъ, кумыкъ, лезгинъ и чеченцевъ, въ сосѣдствѣ которыхъ поселились казаки, нѣтъ слова *гребни*, сами же Гребенцы, первое поселеніе которыхъ нѣкоторые историки относятъ къ ущелью р. Акташе, въ сосѣдствѣ съ Чечней, а другіе (Ригельманъ) къ самой Кабардѣ, не могли назвать себя этимъ случайнымъ именемъ. Слово *гребень* есть чисто *казачье*, означающее высшую линію водораздѣла двухъ *ручекъ* или балокъ. На Дону очень много такихъ водораздѣловъ и всѣ они называются гребнями. На Кавказѣ же еще больше и многіе изъ нихъ, собственно въ Терской области, носятъ такія же названія. Отъ какого же гребня выселенцы съ Дона стали именовать себя *Гребенцами*? Выводъ невѣроятный. Поищемъ другое объясненіе. На стр. 195 мы говорили, что на Дону въ XVI ст. былъ городокъ Гребни и что казаки этого городка и Сиротина, во время нашествія на Россію Мамай, оказали помощь Дмитрію Донскому и наканунѣ Куликовской битвы, бывшей 8 сентября 1380 г., поднесли ему икону-хоругвь Донецкой Богородицы и образъ Бого-

родицы Гребневской. Слѣдовательно, въ то еще время на Дону жили казаки Гребенскіе, въ городкѣ Гребни. Гдѣ этотъ городокъ былъ—вопросъ спорный. Рязанскій митрополитъ Стефанъ въ 1712 г. въ сказаніи о Гребневской иконѣ Божіей Матери говоритъ, что городокъ этотъ былъ на устьѣ р. Чира. Наши археологи утверждаютъ, что въ томъ мѣстѣ никакихъ слѣдовъ древнихъ городищъ нѣтъ. Правда ли это? Вѣдь всѣ древніе казачьи городки селились на островахъ Дона и слѣды многихъ изъ нихъ снесены водой или занесены пескомъ и иломъ. Другіе доказываютъ, что городокъ Гребни былъ на Доницѣ, подъ древними Гребенными горами, противъ устьевъ р. Калитвы (см. стр. 207). И это вѣроятно. Третьи указываютъ, что древній гор. Раздоры, при впаденіи Донца въ Донъ, на островѣ, раньше назывался Гребни или городокъ за Гребнями. Могло быть и такъ. Вѣдь Раздорами онъ могъ быть названъ уже послѣ того, какъ въ немъ произошли раздоры разныхъ казачьихъ партій, несогласія между собою и борьба кошевыхъ атамановъ. Какихъ же именно? Донскіе сторожилы, хранители казацкихъ преданій, положительно утверждаютъ, что *Донъ начался при устьяхъ Донца*, т. е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ древній городокъ Раздоры. Слово *начался* надо понимать въ смыслѣ „закрѣпился“, т. е. казаки тамъ прочно осѣли станомъ. Далѣе: *атаманъ Ермакъ заселялъ Донъ... онъ шелъ вверхъ по Дону... кто ему покорялся, того онъ миловалъ, а кто сопротивлялся, того казнилъ*. Преданіе это, упорно повторяемое на всемъ протяженіи Дона отъ Раздоръ до Переволоки, ясно указываетъ на тогдашнее положеніе дѣлъ на Дону. Кого могъ преслѣдовать Ермакъ, идя вверхъ по Дону? Очевидно, другого атамана. Болтинъ, а потомъ Дебу и Татищевъ утверждаютъ, что во второй половинѣ XVI в. атаманъ Андрей (по Татищеву—Андрей Шадра) съ 300 казаковъ ушелъ съ Дона въ Кумыцкія владѣнія, за Терекъ, и при устьяхъ р. Акташе основалъ городокъ, носившій названіе Андреевъ. ²²⁴⁾

Поселенцы эти называли себя Гребенскими казаками, каковое названіе они принесли съ собою, съ прежняго своего мѣстожитель-

²²⁴⁾ Описаніе Кавказской линіи. Дебу, стр. 90.

Исторія Россійская. Н. Татищевъ. М. 1789 г. кн. I, ч. 2, стр. 383. Акты Археогр. Ком., т. IV, стр. 330.

При раскопкахъ на мѣстѣ стараго заустѣлаго Андреевскаго городка въ 30 годахъ прошлаго столѣтія найдено много серебряныхъ крестиковъ, ясно показывающихъ, что тамъ когда-то жили христіане.

ства. Къ древнимъ станамъ гребенцовъ относятся также станицы Щедринская, отъ атамана Андрея Шадры, Червленая и др. ²²⁵⁾.

Что же заставило донского атамана Андрея Шадру, участника покоренія Астрахани, съ 300 казаками покинуть родной Донъ и уйти въ предгорья Кавказа, въ далекій непривѣтливый край, въ сосѣдство враждебныхъ, полудикихъ горскихъ племенъ? Нелады, раздоры съ другими атаманами. Ермакъ появился на Волгѣ именно въ то время, когда Шадра ушелъ за Терекъ. У Ермака вышли раздоры съ Андреемъ. Партія его была сильнѣй и онъ гналъ Андрея вверхъ по Дону до нынѣшней Ногавской станицы, гдѣ Донъ дѣлаетъ поворотъ съ сѣверо-восточнаго направленія на западъ. Путь Андрея лежалъ по глухой степи черезъ Саль, Манычъ, Куму и Терекъ. На слѣдъ такого направленія указываютъ и существующіе до сихъ поръ въ ногайской степи такъ называемые Андреевы курганы, по-ногайски Андрей-Тюбе. ²²⁶⁾ Почему курганы эти названы по имени атамана Андрея? Развѣ мало онъ на своемъ пути встрѣчалъ разныхъ холмовъ и кургатовъ? расположеніе самыхъ кургановъ показываетъ, что тамъ была битва, а путь, на которомъ они находятся, идетъ отъ нынѣшней Ногавской станицы на Куму. Слѣдовательно, Андрей, проигравъ въ степи послѣднее сраженіе, ушелъ за Терекъ. Много данныхъ говоритъ за то, что побѣдитель Андрея былъ другой донской атаманъ Ермакъ. Усиленный новыми партіями казаковъ, онъ пошелъ на Волгу. Это было въ то время дѣломъ обыкновеннымъ. Донскіе и волжскіе казаки составляли одно войско и часто переходили съ одной рѣки на другую. О несогласіяхъ Ермака съ другими донскими атаманами говоритъ и А. Поповъ въ своей исторіи о войскѣ Донскомъ, изданной въ 1814—1818 г. г., добавляя, что Ермакъ по порученію войска охранялъ границу со стороны Астрахани и нерѣдко ходилъ на Каспійское море, разбивалъ персидскія торговыя и посольскія суда, шедшія вверхъ по Волгѣ, на что Грозный царь сильно гнѣ-

²²⁵⁾ П. Попковъ въ своей книгѣ „Терское войско съ стародавнихъ временъ.—Гребенское войско“. (С. ПБ. 1880 г., стр. 18) безъ всякаго основанія, съ сомнительной подтасовкой историческихъ документовъ, говоритъ, что будто-бы Гребенцы переселились за Терекъ съ Червленого яра, Глазпскаго княжества. Его, видимо, на такой выводъ натолкнуло названіе древней гребенской станицы именемъ Червленой. Но авторъ этого историческаго очерка не зналъ, что на Дону чуть ли не въ каждой станицѣ нынѣются урочища съ этими названіемъ и много хуторовъ. Названіе червленый или по мѣстному выговору—черленый назрвеле знакомо донскимъ казакамъ.

²²⁶⁾ Гребенцы. Историческое изслѣдованіе І. В. Бентковскаго. 2-е изд. М. 1889 г.

вался, такъ какъ очень дорожилъ торговыми сношеніями съ Персіей и Бухарой.

Сказаніе это подтверждается многими историческими актами и сохранившимися на Дону древними казацкими былинами-пѣснями, собранными А. Пивоваровымъ и издан. въ Новочеркасскѣ въ 1885 г. Донскіе Казаки ходили подъ Казань на помощь Грозному царю и покорили Астрахань и *если-бъ только не они*, говоритъ Котошихинъ, *то не были-бъ давно въ подданствѣ за московскимъ царемъ Казанское и Астраханское царства съ городами и землями* (см. выноски 220). Изъ отписки 1632 г. видно, что казаки ходили подъ Казань съ атаманомъ Сусаромъ Федоровымъ и многими другими (стр. 236). Старинныя казацкія былины-пѣсни говорятъ, что въ числѣ этихъ атамановъ былъ и Ермакъ, сынъ Тимофея. Пѣсни эти заслуживаютъ тѣмъ большаго довѣрія, что всѣ передаваемыя въ нихъ событія не противорѣчатъ въ подробностяхъ историческимъ свидѣтельствамъ. Пѣсни эти слѣдующія:

Ермакъ на турецкой границѣ въ устьяхъ Дона.

(Цифры въ скобкахъ показываютъ №№ пѣсенъ въ сборникѣ А. Пивоварова).

(12)

Какъ у насъ было на Тихомъ Дону Ивановичѣ,
Живутъ, слывуть люди вольные, казаки Донскіе;
Какъ поставили казаки крѣпосцу,
Какъ и крѣпосцу они новую;
По угламъ ея стоять башенки,
Какъ на тѣхъ было башенкахъ,
Да и сверхъ на маковкахъ
Караулы поставлены, часовыя разставлены.
Не задолгимъ помѣшкавишь, ницать—турка вдарила;
Черезъ два часа помѣшкавиши, еще одна прогрянула;
Черезъ три часа помѣшкавиши, съ караула казакъ бѣжитъ,
Онъ бѣжитъ—снотыкается, говоритъ—захлебается:
Ой ты, батюшка, ты донской атаманушка,
Ермакъ сынъ Тимофеевичъ!

Какъ у насъ было на морѣ
Не чернымъ зачернѣлося, не бѣлымъ забѣлѣлося,
Зачернѣлись на морѣ карабли турецкіе...

(10)

На устьѣ Дона Тихаго,
По край моря синяго
Построилась башенка,
Башенка высокая;
На этой на башенкѣ,
На самой на маковкѣ
Стоялъ часовой казакъ:
Онъ стоялъ да умаялся.
Не долго не мѣшкаясь
Бѣжитъ — спотыкается;
Роворитъ — захлебается;
— „Кормилецъ нашъ, батюшка,
„Ермакъ Тимофеевичъ!
„Какъ у насъ то на морѣ
„Несчастье случилось —
„Мечеть зачернѣлася.
— „Это зачернѣлися
„Карабли турецкіе.
„Садитесь, ребятушки,
„На легкія лодочки,
„Берите, ребятушки,
„Бабайки сосновыя,
„Поѣдемъ, ребятушки,
„Въ море поотвѣдаемъ:
„Что тамъ за диковника?

По другому варианту:

(11)

„Вы садитесь въ легкія лодочки,
„На носу ставьте по пушечкѣ,
„По пушечкѣ мѣдненькой,
„Разбивайте карабли басурманскіе,
„Мы достанемъ много золота
„И турецкаго оружія.

По третьему варианту Ермакъ говоритъ:

(12)

„Догоняйте вы карабл турецкіе,
„Вы снимайте съ турокъ головы забритыя,
„Забирайте вы невольничковъ,
„Провожайте ихъ на святую Русь.

Ермакъ на астраханской и ногайской границахъ, на Волгѣ, Каспійскомъ морѣ и подъ Казанью.

(13)

Пойдемте мы, братцы, на Куму рѣку,
На Кумъ—рѣкѣ зимовать будемъ,
Мы подѣлшемъ балаганы камышовые,
Разъѣзды будемъ имѣть дальніе
До того-то мѣстечка до урочнаго,
До того-то кургана до высокаго.....
Не буря шумить и не громъ гремитъ, —
Отъ царя къ Ермаку посолъ бѣжитъ,
Подаетъ онъ указы государевы.
Принималъ Ермакъ указы
Самъ вычитывалъ,
Прочитавши указы, рѣчь возговорилъ:
Я тебя, посланничка, не слушаю,
А я самъ къ царю на отвѣтъ пойду.....
Тутъ сталъ государь его спрашивать:
Не ты ли Ермакъ сынъ Тимофеевичъ?
Не ты ли воровской донской атаманушка? ²²⁷⁾.

²²⁷⁾ Въ то время, т. е. въ XVI и XVII в. в. слова *воровать* и *воровской* означали *ослушанный*. Въ грамотѣ отъ 16 ноября 1582 г. Строгоновымъ Иванъ Грозный писалъ: отъ тебя изъ остроговъ Ермакъ съ товарищи пошли воевать Вогуличъ, а Перми ничѣмъ не пособили, и то все сталося вашимъ *воровствомъ* (ослушаніемъ) и измѣною. Въ и. 69, 21 гл. Уложения царя Алексѣя Михайловича говорится: „А буде убойца учнетъ говорити съ пытки, что убилъ не умилениемъ въ дракѣ пьянымъ дѣломъ, и того убойцу, бивъ кнутомъ, дати на чистую поруку съ записью, что ему впредь такъ не *воровать*“, т. е. не преступать или не ослушиваться закона.

За воровскихъ казаковъ на Дону и на Волгѣ считали тѣ, которые не подчинялись ни Главному Войску, ни Москвѣ.

Другое значеніе имѣло въ то время, чѣмъ теперь, и слово *холоди*—служилимъ, военный народъ. Холопство—служба.

Не ты ли гулялъ тамъ по синю морю?
Не ты ли разбивалъ мои караблики?
Тутъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ:
То-то я то Ермакъ сынъ Тимофеевичъ,
То-то я то казачій атаманушка,
То-то я то гулялъ по синю морю,
То-то я то разбивалъ караблики,
Но караблики были не орленые. (безъ царскаго герба)
Не орленые были, не тавреные,
Не платили государю дани—пошлины....
Царь, прощая ослушаніе Ермаку, говоритъ:
Сослужи ты, Ермакъ, мнѣ службу вѣрную.—
Возьми ты, Ермакъ, мнѣ Казань городъ.

По другимъ вариантамъ:

(15)

Тутъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ:
„Ты—надежда нашъ, православный царь!
„Ахъ не воры мы, не разбойнички,
„Мы морскіе лишь все охотнички,
„Разбивали мы тамъ бусы-караблики...
„Отслужу я тебя службу вѣрную:
„Ты позволь мнѣ, царь, Казань городъ взять...
Государь взговорить, какъ въ трубу вструбить:
„Хорошо ты, Ермакъ, на суду стоялъ,
„Хорошо предъ царемъ ты отвѣтъ держалъ,
„Но ой ты, удалой добрый молодецъ,
„Ты Ермакъ сынъ Тимофеевичъ!
„Ты скажи, какъ мнѣ Казань городъ взять?
— „Ты—надежда нашъ, православный царь!
„Прикажи мнѣ итти съ донскими казаками охотничками...
„Если рыть подкопы подъ Казань городъ,
„Закатить боченки зелья лютаго...
„Поставлю тебѣ двѣ свѣчи воску яраго
„И поставлю часового своего надежнаго,
„Донскаго казака, есаулушку любимаго,—

„Ты узнаешь, какъ въ Казань городъ войтить,
„Какъ догорать двѣ свѣчи воску яраго.
Скликаетъ Ермакъ Тимофеевичъ донскихъ казаковъ:
„Ой вы, донскіе казаки-охотнички,
Вы донскіе, гребенскіе сы яцкини!..
Гряньте, погряньте вверхъ по Волгѣ рѣкѣ
Въ тотъ славный Казань городъ...
На бѣлой зарѣ на утренней
Воску яраго свѣчи догорають,
Глубокіе подкопы разрываются,
Стѣны каменные разваливаются....

Казань взята. Государь призываетъ Ермака
и говоритъ:

„Ой ты удалой мой добрый молодець,
„Ермакъ сынъ Тимофеевичъ!
„Чѣмъ ты хочешь, тѣмъ буду жаловать,
„Селами или подселками,
„Или великими городами—помѣстьями? ²²⁸⁾.

Ермакъ отвѣчаетъ:

„Батюшка надежда, свѣтъ великій Государь!
„Не жалуй ты меня городами, подселками
„И большими помѣстьями,—
„Пожалуй ты намъ батюшку Тихій Донъ
„Со вершины до низу, со всѣми рѣками-потоками,
„Со всѣми лугами зелеными
„И съ тѣми лѣсами темными. ²²⁹⁾.

²²⁸⁾ Историкъ Соловьевъ говоритъ (т. VI, стр. 97), что по взятіи Казани Иванъ Грозный щедро наградилъ своихъ сподвижниковъ; что кромѣ вотчинъ, помѣстій и корундней, роздано было 48,000 руб.

²²⁹⁾ Собираатель донскихъ пѣсенъ А. Н. Пивоваровъ говоритъ, что былина эта о взятіи Ермакомъ Казани и о покаяніи казакамъ. Грозный царь Дона доставлена ему извѣстныхъ донскихъ постожъ А. А. Леоновымъ, умершимъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Эта была очень старинная рукопись съ помѣткой, что пѣсня эта записана со словъ казаковъ Багаевой станицы Цыганкова и Фарапонова.

(14)

„Какъ проходить, братцы, лѣто теплое,
„Настаетъ, братцы, зима холодная
„И гдѣ-то мы, братцы, зимовать будемъ?
„На Яикъ намъ пойтить—переходъ великъ,
„А на Волгу пойтить—намъ ворами слыть,
„Намъ ворами слыть, быть половленнымъ,
„По разнымъ по тюрьмамъ поразсоженнымъ,
„А мнѣ, Ермаку, быть повѣшену.
„Какъ вы думайте, братцы, да подумайте
„И меня, Ермака, вы послушайте!“
Ермакъ говорить, какъ въ трубу трубить:
„Пойдемте мы, братцы, подъ Казань городъ!
„Подъ тѣмъ ли подъ городомъ самъ Царі стоить,
„Грозный Царь Ивагъ Васильевичъ.
„Онъ стоить, братцы, ровно три года
И не можетъ онъ, братцы, Казань городъ взять.
„Мы пойдемте, братцы, ему поклонимся
„И подъ власть его ему покоримся!“
Какъ пришолъ Ермакъ къ Царю на колѣна сталъ,
Какъ возговорить Царь Ермаку казаку:
„Не ты ли, Ермакъ, воровской атаманушка?
„Не ты ли разбивалъ бусы карабли мои военные (?)
— „Я разбивалъ, Государь, бусы карабли,
„Бусы карабли не орленые, не клейменные!
„Отслужу я тебѣ, Государь, службу важную:
„Ты позволь мнѣ, Царь, Казань городъ взять.
„А возьму я Казань ровно въ три часа.
„Да и чѣмъ меня будешь жаловать?“
Какъ надѣлъ Ермакъ сумку старческую,
Платье ветхое, все истасканное
И пошелъ Ермакъ въ Казань за милостыню
Побираться, христарядичать,
Запримѣтить тамъ Ермакъ пороховую казну
И съ тѣмъ вернулся онъ къ товарищамъ.
„Ой вы, братцы мои, атаманы молодцы!
„Да копайте вы ровъ подъ пороховую казну!“

Скоро вырыли глубокой ровъ Донскіе казаки,
Какъ поставилъ тамъ Ермакъ свѣчу воску яраго
Во боченокъ ли поставилъ полный съ порохомъ,
А другую онъ поставилъ, гдѣ съ Царемъ сидѣлъ.
И сказала Ермакъ Царю Грозному:
„Догоритъ свѣча—я Казань возьму!“
Догорѣла свѣча—въ Казани поднялося облако!
Какъ крикнеть Ермакъ Донскимъ казакамъ,
Донскимъ казакамъ, Гребенскимъ и Яиковскимъ:
„Ой вы, братцы мои, атамань молодцы!
„Вы бѣгите въ городъ Казань скорехонько,
„Вы гоните изъ города вонъ всѣхъ басурманъ,
„Не берите вы въ полонъ ни одной души:
„Плѣнь Донскимъ казакамъ вѣдь не надобенъ!“

И такъ, по стариннымъ казачьимъ былинамъ Ермакъ участвовалъ, въ числѣ другихъ атамановъ, въ покореніи Казани. Былины эти нисколько не противорѣчатъ какъ лѣтописнымъ сказаніямъ, приведеннымъ историками Карамзиннымъ и Соловьевымъ, такъ и бытовымъ условіямъ казачьей жизни на Дону, а потому эти былинныя сказанія мы можемъ принять вполне за доставѣрныя. Постоянно сталкиваясь съ турками, а раньше того съ греками, генуезцами и венеціанцами, казаки рано научились владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ, строить укрѣпленія, осаждать и взрывать послѣднія. Въ Ливонской и Польской войнахъ, которыя велъ Иванъ IV, казаки упоминаются при взятіи каждой крѣпости; приступъ, подкопъ, взрывъ—дѣло казаковъ. Лѣтопись называетъ подкопъ подъ стѣны Казани „нѣмецкимъ размысломъ“, т. е. иностраннымъ способомъ брать городъ. И казаки въ совершенствѣ владѣли этимъ способомъ. Хотя московскія лѣтописи въ событіяхъ о покореніи Казани ни слова не говоря объ Ермакѣ, но вѣдь мы выше видѣли, что онъ ни словомъ не обмолвились и объ именахъ другихъ атамановъ, даже не упоминаютъ и о донскихъ казакахъ, а просто говорятъ „были казаки. дѣлали подкопы, стрѣляли“ и только. Самое событіе взятіе Казани было очень важно для Москвы, а что тамъ окранны приходили на помощь, то это была вещь обыкновенная, въ порядкѣ вещей. Главный герой этого событія былъ Грозный царь, а за нимъ его князья и бояре, а не какіе то тамъ

донскіе атаманы-охотники, неподчинявшіеся его приказу и жившіе гдѣ-то за рубежомъ государства. „выбирая межъ себя начальныхъ людей, атамановъ и иныхъ, и чиня управу во всякихъ дѣлахъ по своей волѣ, а не по царскому указу“. Для московскихъ лѣтописцевъ атаманы-охотники было явленіе второстепенное, не стоящее упоминанія: притомъ Ермакъ въ то время былъ атаманъ самый сбывновенный, какахъ въ то время было много на Дону, въ каждомъ станѣ или кошѣ. Нѣкоторые историки сомнѣваются въ томъ, что Ермакъ едва-ли могъ участвовать въ покореніи Казани, т. к. въ 1552 г. онъ, по ихъ мнѣнію, былъ очень молодъ. Что-жь изъ этого? Пусть ему въ то время было 25—30 лѣтъ, а при покореніи Сибири въ 1582 г. 55—60. Удивительнаго тутъ ничего нѣтъ. Въ атаманы казаки выбирали не по лѣтамъ, а по природной храбрости и уму, т. е. по выдающимся качествамъ.

Теперь намъ остается рѣшить вопросъ: кто былъ Ермакъ? природный ли донской казакъ или бѣглый изъ Московскаго государства, какъ думаютъ многіе.

Сибирская лѣтопись говоритъ, что дѣдъ Ермака былъ города Суздаля посадскій человекъ и жилъ въ великой скудости; его звали Афанасій, Григорьевъ сынъ, по прозванію Оленинь.

По другимъ сказаніямъ, Ермакъ происходилъ изъ города Юрьева-Повольскаго и имя его было Василій и проч. Но все это фабрикація позднѣйшихъ вѣковъ, ничего общаго съ историческими актами не имѣющая.

Извѣстный изслѣдователь Западной Руси, проф. русской исторіи Петерб. Академіи, Мих. Осип. Кояловичъ (ум. въ 1891 г.) опубликовать въ 1867 г. „Дневникъ Стефана Баторія“, литовско-польскаго короля, въ которомъ привелъ полнымъ текстомъ письмо пана Стравинскаго изъ Могилева на имя короля, бывшаго въ то время въ войнѣ съ Москвой.²³⁰⁾ Стравинскій писалъ: „Доведимъ до свѣдѣнія В. Кор. Велич... что московскіе люди, враги В. Кор. Вел., вторгнувшись въ государство В. Кор. Вел. и все, начиная отъ Дубровны, предавая огню и опустошенію, пришли подъ городъ В. К. В. Могилевъ во вторникъ 27 іюня (1681 г.), въ третій часъ дня, сожгли предмѣстье, за дубровной Лучкова также сожгли 6

²³⁰⁾ „Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главнымъ образомъ къ заключенію Запольскаго мира (1581—1582 г. г.)“, стр. 252—254, № 31 и стр. 706.

домовъ: въ посадѣ надъ Днѣпромъ, который называютъ слободой, тоже сожгли до 100 домовъ. Начальствовали надъ этими людьми воеводы: (перечисляетъ) Кайтеровъ (Котыревъ), Хворостининъ, Батурлинъ... четырнадцатый Василий Яновъ, воевода донскихъ казаковъ, 15-й Ермакъ Тимофеевичъ, отоманъ казацкій... съ ними было людей: татаръ, т. е. темниковскихъ, кадомскихъ, касимовскихъ, свѣяжскихъ и чебоксарскихъ, также москвитянъ 45.000 стрѣльцовъ, съ Дону и московскихъ (казаковъ) 1000 на коняхъ, которые цѣлый день во вторникъ, нападая со всей силой, старались прорваться къ городскому укрѣпленію, желая зажечь острогъ, отъ чего мы ихъ съ Божіей помощью удерживали огнемъ изъ замка и изъ острога (укрѣпленія) и не допускали до этого... и въ тотъ же день, во вторникъ, при заходѣ солнца поспѣшно удалились отъ города къ деревнѣ В. К. В. Баторкѣ въ полутора миляхъ отъ города, лежащей на берегу Днѣпра, а тамъ наскоро пришедши къ Днѣпру, тотчасъ же, сдѣлавъ для главныхъ воеводъ нѣсколько плотовъ, сами всѣ пошли вплавъ и въ ту же ночь, со вторника на среду, всѣ переправились черезъ Днѣпръ и въ часъ уже дня распустили людей въ окрестности и начали жечь деревни, направляясь къ Радомлю и Мстиславу, замкамъ В. Кор. Вел....“

Это письмо, а также и другія донесенія, опубликованныя въ „Дневникѣ“, рельефно рисуютъ намъ планъ войны Москвы съ Польшей. Московскіе стратеги, чтобы отвлечь польскія войска отъ главныхъ русскихъ силъ, послали въ налетъ легкую казачью конницу вмѣстѣ съ татарами на литовскіе города и села за Днѣпромъ. Предводителями этихъ отрядовъ были донскіе атаманы Яновъ и Ермакъ Тимофеевичъ. Это легкая конница ураганомъ пронеслась за Днѣпромъ, сожгла и разорила до 2000 селъ и деревень и захватила въ плѣнъ много „свободной шляхты“ и трехъ рыцарей: Гульского, Збиковскаго и Куроѣда. Иванъ IV въ то время находился въ Старидѣ и зорко слѣдилъ за операціями казаковъ. ²³¹⁾

Свѣдѣнія, приведенныя въ означенныхъ письмахъ и вообще въ „Дневникѣ“, тождественны съ разрядными книгами, за исключеніемъ нѣсколькихъ неточно указанныхъ въ письмѣ Стравинскаго фамилій московскихъ военнопольщиковъ, какъ то: Кайтеровъ

²³¹⁾ Тамъ же. Письмо Головинскаго 30 іюня 1581 г. № 50, стр. 251—252.

Письмо Петровскаго, стр. 83.

Каравзинъ, т. IX, прил. 553.

вмѣсто Котыревъ, Батуркинъ вмѣсто Батурлинъ. Волковскій вмѣсто Волконскій и др. Но эти фонетическія неточности нисколько не измѣняютъ сути дѣла. Намъ важно то, что донскіе казаки съ своимъ атаманомъ Ермакомъ Тимофеевичемъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1581 г. ходили помогать русскому царю въ борьбѣ его съ Стефаномъ Баторіемъ, какъ и раньше того тѣ же казаки ходили съ атаманами Сусаромъ и другими подъ Казань „царю московскому послужить и за Домъ Пресвятыя Богородицы постоять“. Не даромъ на казачьемъ стягѣ красовалась надпись: „Бѣлый Царь и православная вѣра“. Побужденія были какъ въ томъ, такъ и другомъ походѣ одни и тѣ же.

Хотя въ статеинные списки московскихъ военнопачальниковъ атаманы казацкихъ полковъ Яковъ и Ермакъ не внесены, но это показываетъ лишь то, что въ то время на Руси казаковъ и ихъ предводителей считали не за московскихъ людей, а за случайныхъ союзниковъ, пришедшихъ помогать своимъ единовѣрцамъ.

Казацкіе атаманы, ходившіе подъ Казань съ Дону, Яика и Терека, тоже не названы въ московскихъ лѣтописяхъ, но изъ отписки казаковъ 1632 г., копія съ которой хранится въ библиотекѣ Донского музея, мы знаемъ, что главное предводительство надъ всѣми казацкими полками было вручено донскому атаману Сусару Федорову. Въ числѣ атамановъ этихъ дружинъ, особенно отличавшихся умомъ и хитростью, старинныя донскія былины называютъ Ермака Тимофеевича. И если бы не пожаръ 1744 г., во время котораго сгорѣлъ весь г. Черкасскъ, старое гнѣздо донского казачества, а также и весь войсковой архивъ, гдѣ хранились цѣнныя казацкія лѣтописи, то мы бы теперь могли назвать имена и всѣхъ остальныхъ атамановъ казачества той эпохи и болѣе подробно описать ихъ геройскіе подвиги, способствовавшіе къ расширенію и объединенію великой Россіи и закрѣпленію ея окраинъ.

Итакъ, Ермакъ Тимофеевичъ лѣтомъ 1581 г. служилъ Грозному царю на литовской границѣ.²³² Онъ предводительствовалъ донскими и московскими казаками (Письмо Стравинскаго). Слѣдовательно, былъ хорошо извѣстенъ Ивану IV. Иначе кто-же бы могъ ввѣрить ему часть донской и московской иррегулярной ка-

²³² Н. В. Шляковъ. „Ермакъ Тимофеевичъ лѣтомъ 1581 г.“, стр. 9, прим. 2 и стр. 10.

валерии. Все это дѣлалось съ вѣдома царя, зорко слѣдившаго за ходомъ событій.

Послѣ этого похода казаки съ Ермакомъ, какъ это обыкновенно дѣлалось всегда, вернулись на Донъ. Къ этому то времени, а именно къ 1582 г., нужно отнести и столкновение его съ другимъ донскимъ атаманомъ Андреемъ Шадрой, послѣдствиемъ чего было выселеніе съ Дона, о чемъ мы говорили выше, 300 казаковъ изъ городка Гребни за Терекъ. На Волгѣ передъ этимъ господствовали казацкіе атаманы Иванъ Кольцо, Богданъ Барбоша, Никита Панъ и др. Первые два навлекли на себя царскую опалу за нападеніе и ограбленіе на волжскомъ перевозѣ близъ Сосноваго острова ногайскихъ пословъ и боярскаго сына Василя Перепелицына. Царь приказалъ переловить ихъ и казнить, о чемъ послалъ грамоты въ Казань, Астрахань и во всѣ украинные города.²³³⁾

Казаки ушли съ Волги на Каспійское море и Яикъ, напали на столицу своихъ старыхъ враговъ ногайцевъ Сарайчикъ, разрушили ее до основанія и всѣхъ людей пересѣкли; даже разрывали могилы и уничтожали гробы мосульманъ.²³⁴⁾ Но судьба готовила имъ другой жребій. На Волгу явился съ донскими казаками Ермакъ и увлекъ ихъ на болѣе благородный подвигъ, чѣмъ мелкіе ссоры и нападенія на ногайскіе улусы, уже къ тому времени жившіе спокойно и признававшіе протекторатъ Москвы.

Въ 1882 г. Ермакъ явился на р. Чусовой у богатыхъ владѣльцевъ Приуральскаго края, купцовъ Строгоновыхъ. Съ нимъ были и названные выше волжскіе атаманы: Кольцо, Барбоша, Панъ, Матвѣй Мещерякъ, Яковъ Михайловъ и др. Строгоновская лѣтопись, составленная, какъ извѣстно, около 1600 г., походъ Ермака въ Сибирь приписываетъ инициативѣ купцовъ Строгоновыхъ. Это такъ естественно. Пораженные колоссальными успѣхами Ермака и желая угодить Грозному царю, наложившему на нихъ за этотъ походъ, какъ увидимъ ниже, опалу, но навѣтамъ пермскаго воеводы Перепелицына, а также желая получить отъ него еще большихъ льготъ, Строгоновы приписали всю государственную заслугу Ермака только себѣ, своему уму, свей дальновидности и административной дѣятельности по устройству восточнаго края Россіи.

²³³⁾ Дѣла ногайскія, кн. 10, л. 258—261—наказъ Петру Федорову.

²³⁴⁾ Тамъ же. Листъ 140. Распроемля рѣки гатарина Баткема.

Они не обманулись. Представивъ въ такомъ видѣ походъ Ермака царю Ивану, Строгоновы за ихъ службу и ратные были пожалованы: Семеновъ двумя мѣстечками Большою и Малою Солью, а Максимъ и Никита правомъ торговать во всѣхъ своихъ городкахъ безошлнно.

Другіе лѣтописи, въ томъ числѣ и Саввы Есипова. Сподвижника Ермака, а также и комментаторы этихъ лѣтописей Фишеръ и Миллеръ положительно отвергаютъ инициативу Строгоновыхъ въ покореніи Сибири.²³⁵⁾

По Строгоновской и Сибирской лѣтописямъ походъ Ермака въ Сибирь былъ предпринятъ въ 1581 г. Это не вѣрно. Мы имѣемъ подъ руками неопровержимый историческій документъ—это грамота Ивана Грознаго Строгоновымъ, Максиму Яковлеву и Микитѣ Григорьеву, на Чусовую, отъ 16 ноября 1582 г.²³⁶⁾

Въ грамотѣ этой Грозный говоритъ: „Писалъ къ намъ изъ Перми Пелевелицынъ, что послали вы изъ остроговъ своихъ волскихихъ атамановъ и казакковъ, Ермака съ товарищи, воевати Вотяки, и Вогуличи, и Пельнскія и Сибирскія мѣста, сентября въ 1-й день; а въ тотъ же день, собрався, Пельнской князь, съ сибирскими людьми и съ Вогуличи, приходилъ войною на наши пермскія мѣста, и къ городу къ Чердыни, къ острогу приступалъ, и нашихъ людей побили и многіе убитки нашимъ людямъ починили. И то съблазосъ вашею измѣною... волскихъ атамановъ къ себѣ призвать, воровъ, наняли въ свои остроги безъ нашего указа, а тѣ атаманы и казаки пржеъ того соорили насъ съ нагайскою ордою, пословъ нагайскихъ на Волгѣ на перевозѣхъ побивали и ордобазарцевъ грабили и побивали... и имъ было вины свои покрыти тѣмъ, что было нашу Пермскую землю оберегать, а они сдѣлали съ вами вмѣстѣ потому-жъ, какъ на Волгѣ чинили и воровали: а Пермь ничѣмъ не пособили, и то все сталося вашимъ воровствомъ (ослушавшемъ) и измѣною... не вышлите изъ остроговъ своихъ въ Пермь волскимъ казакковъ, атамана Ермака Гимосѣева съ товарищи, а учнете ихъ держати у себя... и намъ въ томъ на вастъ ошда своя положена большаа...“

²³⁵⁾ Лѣтопись Саввы Есипова состоитъ изъ 37 главъ и доведена до 1621 г.; она окончана въ 1626 г., когда автору было уже 80 л. Эта лѣтопись признана вѣрна, даже и Карамзинымъ, за самую древнюю и болѣе достоувную, хотя савъ Карамзинъ держался болѣе лѣтописи Строгоновской, какъ болѣе его умозрѣнію соответствующей.

²³⁶⁾ Акты, относящіяся къ исторіи Войска Донскаго, собраніе г. я. А. А. Писинскимъ, т. 1, стр. 2 и 3. Изд. Об. Пр. в. Дон. Цювочер. 1891 г.

Слѣдовательно, въ то время, какъ Ермакъ двинулся изъ Строгоновскихъ остроговъ за ураль, пелымскій князь напалъ на Пермскій и Чердынскій край. Строгоновы не дали помощи пермскому воеводѣ Пелепелицину: тотъ немедленно донесъ о томъ царю. Царь послалъ ослушникамъ опальную грамоту, въ которой, между прочимъ, и грозилъ, и просилъ Строгоновыхъ помочь Перми отъ набѣга хищниковъ, такъ какъ считался съ ихъ силой и могуществомъ въ Приуральскомъ краѣ. Все это совершилось въ два—три мѣсяца, не болѣе, а не въ теченіе года и трехъ мѣсяцевъ, какъ думалъ Карамзинъ и другіе наши историки. Донесенія Грозному царю о набѣгахъ на окраины посылались немедленно и указы его приводились въ исполненіе скоро.

Слѣдовательно, Ермакъ предпринялъ походъ въ Сибирь осенью 1582 г., а передъ этимъ, въ 1581 г., онъ былъ съ донскими казаками на Днѣпрѣ у Могилева, на службѣ у Грознаго царя, въ войнѣ его съ Стефаномъ Баторіемъ.

Грозный царь въ грамотѣ упрекаетъ Строгоновыхъ за то, что они не послали Ермака съ казаками и волжскихъ атамановъ-ослушниковъ, соротившихъ его съ ногайцами (Кольцо, Пана, Барбошу и др.) на помощь Пелепелицину въ Пермь, чтобы защитить тотъ край отъ внезапнаго набѣга пелымцевъ. Видимо, Иванъ IV не вполне былъ осведомленъ о положеніи дѣлъ у Строгоновыхъ: притомъ его ввелъ въ нѣкоторое заблужденіе и князь Пелепелицынъ, недолюбливавшій казаковъ за нападеніе на него на Волгѣ, у Сосноваго острова. Онъ не зналъ, что не Строгоновы распоряжались Ермакомъ, а Ермакъ ими. Ермакъ забралъ въ походъ съ собою не только всѣхъ своихъ и волжскихъ казаковъ, но даже и всѣхъ людей Строгоновыхъ, всѣ пушки и порохъ, проводниковъ и съѣстные припасы. Строгоновы для Ермака были лишь средствомъ для выполненія задуманнаго имъ похода, а потому всѣ краснорѣчивыя и поэтическия измышленія Строгоновской лѣтописи о встрѣчахъ Ермака, молебствіяхъ и проводахъ съ колокольнымъ звономъ—силою вымыселъ дьяка-лѣтописца. Ермакъ, чтобы дать исходъ широкой казацкой натурѣ, гулявшей по Дону и по Волгѣ, задумалъ дальній походъ—покорить невѣдомое басурманское царство за Ураломъ. Средства для этого ему дали Строгоновы. Волей или неволей—для насъ это все равно. Покореніе Сибири было дѣломъ Ермака.

Савва Есиповъ. сподвижникъ Ермака. въ своей лѣтописи говоритъ такъ: „Изра Богъ не отъ славныхъ мужъ. *не отъ царскаго вельнїя воеводъ*, а вооружи славою и ратоборствомъ атамана Ермака, Тимофеева сына, и съ нимъ 540 человекъ.“²³⁷

540 человекъ—это казаковъ съ Дона и Волги. Всего же у Ермака было войска съ строгиновскими людьми отъ 6 до 7 тысячъ. Кто же былъ Ермакъ и его сподвижники? Строгиновская лѣтопись. а за нею и Карамзинъ. называютъ Ермака и его сподвижниковъ то волжскими атаманами. то донскими казаками. что въ сущности одно и то же. т. к. донскіе казаки всегда переходили съ Дона на Волгу и обратно²³⁷). То же говоритъ и Есиповская лѣтопись. Кажется. яснѣй чего не можетъ быть: донскіе атаманы. донскіе казаки. Что еще нужно? Мало. Карамзинъ. со словъ лѣтописи. добавляетъ еще: „Испытавъ (Строгиновы) бодрость. мужество и вѣрность казаковъ: узнавъ разумъ. великую отвагу. рѣшительность ихъ. главнаго вождя Ермака Тимофеевича, *родомъ неизвѣстнаго*. душою знаменитаго“... Какъ можно говорить *родомъ неизвѣстнаго* послѣ всего того. что нами сказано о происхожденїи донскихъ казаковъ, ихъ жизни на Дону и службѣ русскимъ царямъ?

Неужели для выясненїя родословія героевъ казачества XVI в. необходимо указывать ставъ или коншъ. гдѣ кто родился, именовать его отца и мать, церковь или часовню. въ которой этотъ герой крестился и проч. Это невозможно. Казаки на Дону родились. крестились. выросли. учились воинскимъ упражненїямъ. становились въ ряды борцовъ за свободу родины и вѣры. умирали геройской смертью въ битвахъ со врагомъ или погубили въ тяжелой неволѣ у басурманъ. Матрическихъ книгъ въ XVI и XVII ст. не вели и даже не имѣли писцовыхъ книгъ своихъ становъ и городковъ. Всѣ были равны. всѣ были герои. И если кто изъ нихъ выдѣлялся изъ среды товарищей своимъ умомъ и недюженными воинскими способностями. то его звали атаманомъ кошевымъ. походнымъ и вообще предводителемъ во время набѣговъ и морскихъ экспедицій. О немъ лишь говорили. что онъ казакъ. донской атаманъ и всѣ мы—атаманы-молодцы. И только. Всѣ принадлежали одному войску и служили одной идѣ. Къ такимъ атаманамъ принадлежалъ и Ермакъ. и Суваръ Федоровъ. и Михаилъ или Мишка

²³⁷ Карамзинъ. т. IX. гл. VI.

Черкашенинъ, которому была послана 1570 г. царская грамота для оказанія содѣйствія посланному „для своего дѣла“ въ Азовъ послу Ивану Новосильцеву; ²³⁸⁾ Микита Маминъ и Молчанъ Яковлевъ, которымъ послана на Донъ грамота 17 августа 1571 г.; Смага Чершенскій (грамота 1614 г.) и др.

Подробностей о родословіи этихъ атамановъ мы не знаемъ, т. к. никакихъ родословныхъ книгъ на Дону никто не велъ, какъ не знаемъ мы и родословія атамана Ермака. Всѣ они были природные донскіе казаки. Для насъ это довольно. На Дону, Уралѣ Терекѣ и Сибири никто никогда въ теченіе прошедшихъ вѣковъ не сомнѣвался въ донскомъ происхожденіи покорителя царства Кучума.

Въ грамотѣ Михаила Ѳеодоровича отъ 24-го февраля 1623 г. тюменскимъ воеводамъ о назначеніи сподвижника Ермака Гаврилы Иванова тюменскимъ атаманомъ говорится: „служилъ де онъ (Ивановъ)... въ Сибири сорокъ два года, а прежде того онъ служилъ намъ на Полѣ (на Дону) 20 лѣтъ у Ермака въ станицѣ (отрядѣ) и съ иными атаманами“. ²³⁹⁾

Въ челобитной другой сподвижникъ Ермака Гаврила Ильинъ писалъ царю Михаилу Ѳеодоровичу, что *до похода въ Сибирь онъ двадцать лѣтъ служилъ съ Ермакомъ въ Полѣ и 50 лѣтъ въ Сибири*. ²⁴⁰⁾

Эти важные историческіе документы ясно свидѣтельствуютъ, что атаманъ Ермакъ и его сподвижники были донскіе казаки и до похода въ Сибирь служили на Полѣ, каковымъ именемъ въ то время называлась вся степная полоса по Дону отъ Волги до Днѣпра.

Опросы перваго архіепископа г. Тобольска Кипріяна 1621—22 г. г. (спустя 37—38 лѣтъ послѣ смерти Ермака) оставшихся въ живыхъ казаковъ объ убитыхъ воннахъ Ермака, для занесенія въ синодикъ на вѣчное поминовеніе въ недѣлю православія, также

²³⁸⁾ Акты Ливинна. т. I, стр. 1 и 2, № 1 и 2. Станъ атамана Минки Черкашенина былъ расположенъ на Черкасскихъ горахъ, гдѣ теперь Минкинъ дуторъ Новочеркасской станицы, сохранившій до сего времени это названіе.

Михаилъ Черкашенинъ 1581 г. съ 26 авг. отъѣзжалъ съ казаками въ Цемовъ около 20 недѣль и взорвалъ Саргузскую башню, занятую полчками. Отписка 1632 г.

²³⁹⁾ Акты и грамоты, собранныя въ Сибирской Исторіи Миллеромъ Г. Ф., вып. IV, § 94. „казанія и докладки о христіанскомъ имени Ермака“. Е. В. Кузнецова, Тобольскъ, 1891 г., стр. 80.

²⁴⁰⁾ Акты Мин. Юст., Сибирскія проказы, столб. № 6112 68. „Заселеніе Сибири и биты перекъ съ пашельмановъ“. П. Н. Бушневій, Харьковъ, 1889 г., стр. 2, 198 и 199.

установили, что Ермакъ и его сподвижники были донскіе казаки. Имя „Ермакъ“ такъ и занесено въ синодикъ, а не какъ либо иначе. Православный архіепископъ занесъ въ синодикъ для вѣчнаго поминовенія донского казацкаго атамана именемъ *Ермакъ*. Это означаетъ, что другого имени у него не было, т. е. греческаго, изъ святцевъ. На Дону крестили свои выборные, изъ казачьей среды, священники, о чемъ будемъ говорить ниже, и давали крещаемымъ свои казацкія имена, нисколько не справляясь со святыми, да у нихъ ихъ и не было. Эти имена древне казацкія. Таковы: Сусаръ, Ермакъ и Ермачко. Молчанъ, Смага. Дружина, Замятня, Путила, Безсонъ, Дорожа и многія другія, которыя перечислены нами на стр. 232 и 233.

Нѣкоторые наши историки, въ томъ числѣ Карамзинъ и Иловайскій, полагаютъ, что имя Ермакъ есть испорченное Германъ, древне чешское—Гериманъ. Другіе же, придающіе большое значеніе позднѣйшимъ, но малодостовѣрнымъ лѣтописнымъ сказаніямъ, высказываютъ мнѣніе, что имя Ермакъ не собственное, а нарицательное, т. е. прозвище, происшедшее, будто-бы, отъ названія тагана, на которомъ артель варить кашу. Собственное же его имя, по ихъ мнѣнію, было Василій... Оставимъ эти грубыя заблужденія на отвѣтственности ихъ авторовъ. Ни въ одномъ изъ волжскихъ и донскихъ говоровъ, а также въ языкѣ казанскихъ и астраханскихъ татаръ таганъ не назывался *ермакомъ*. На турецкомъ языкѣ именемъ Ирмакъ называется стремительно бьющій источникъ, ключъ, какъ, напр., р. Кизиль-Ирмакъ, въ Малой Азіи,—Красный ключъ, а въ татарскомъ языкѣ глаголь *ярмакъ* означаетъ разсѣкать, рубить, раскалывать. Но корни этихъ словъ—*ирмакъ* и *ярмакъ*—не тюрскіе, а древне-арійскіе, отъ *ир* и *ер*—мужъ, воинъ. Этотъ же корень перенесенъ и въ языкъ монгольскій, въ которомъ слово *ермакъ*, произносимое на народномъ говорѣ какъ *ермакъ*, означаетъ холостяка, чуждающагося семейной жизни, каковой образъ жизни вели древніе Асы, Асуры Аріаны, потомъ геты и казаки²⁴¹).

Донское казачество въ XVI в. еще не составляло изъ себя цѣлаго войска, какимъ стало оно впоследствии: оно раздѣлялось на множество отдѣльныхъ общинъ, каждое съ своимъ атаманомъ во главѣ. Первые царскія грамоты всегда писались *Донскими ата-*

²⁴¹) Пркутскія Епархіальныя Відомости 1883 г.

маномъ и казакомъ, иногда съ подраздѣленіемъ: старымъ и новымъ или—которые нынѣ на Дону и которые зимуютъ близъ Азова... Высшая власть въ каждой общинѣ принадлежала кругу, въ которомъ каждый казакъ имѣлъ равныя права съ другими. Въ мирное время атаманы не пользовались какими либо особыми правами, въ военное же являлись предводителями съ неограниченной властью. Исполнители рѣшеній круга или приказаній атамана во время походовъ назывались *есаулами*, у запорожцевъ—*асаулами*, въ южныхъ рязанскихъ казачьихъ городкахъ *ясаулами*.²⁴²⁾

Изъ предыдущей главы мы знаемъ, что на Поле въ половинѣ XVI в. двинулись казаки запорожскіе, азовскіе, кievскіе черкасы, северюки и со всѣхъ украинъ и, такимъ образомъ, на Дону какъ-бы получился разнородный элементъ казачества, прошедшій въ теченіе предыдущихъ вѣковъ каждый свою историческую судьбу, но имѣющій одинъ общій корень отъ предковъ—народа Асъ. Въ виду этого типы казаковъ на первый взглядъ кажутся довольно разнообразны, но при тщательномъ наблюденіи, не смотря на это разнообразіе, изслѣдователь найдетъ въ нихъ нѣчто и общее, выделяющее ихъ изъ среды другихъ народностей. Но эта уже работа послѣдующихъ вѣковъ—общинная жизнь, совмѣстные походы, служеніе одной идеѣ и проч. Въ XVI же вѣкѣ разнообразіе это сказывалось рѣзче. И вотъ поэтому-то намъ теперь предстоитъ рѣшить одинъ довольно интересный вопросъ: изъ какого же элемента казачества вышелъ Ермакъ?

Лѣтописцы намъ говорятъ, что Ермакъ былъ роста средняго, широкъ въ плечахъ, сложенія крѣпкаго, волосы на головѣ имѣлъ черные, кудреватые, бороду черную, глаза весьма быстрые, лицо широкое и пригожее, носъ, судя по древнему портрету, хранящемуся въ соборѣ г. Тобольска, съ горбинкой; хорошо сносилъ стужу и жаръ, голодь и жажду, бессонные ночи, тяжелую работу и проч. Онъ имѣлъ бодрый и затѣйливый (изобрѣтательный) духъ, который не давалъ ему долго сидѣть праздно; хитеръ на вымыслы и быстро приводилъ ихъ въ исполненіе; храбръ до дерзости и милосердъ къ побѣжденнымъ. Считаая себя борцомъ за православную

²⁴²⁾ Есаулъ, асаулъ и ясаулъ, что правильно во всѣхъ трехъ случаяхъ, отъ Ису —законъ Чингисъ-хана. Следовательно, ясаулъ—исполнитель Ису. Ису составили не дикіе татары, а арійцы Бактрианы, бывшіе чиновниками у татаръ. Ису—отъ Асъ, военное сословіе въ древней Аріанѣ (см. выноски 130), въ переносномъ смыслѣ означавшее: повелевать, приказывать.

вѣру, какъ и всѣ казаки того времени, быть всегда набоженъ, строго въ соблюденіи постовъ и обрядовъ вѣры. Строго наблюдая за нравственностью казаковъ и требуя отъ нихъ цѣломудрія. Ермакъ передъ каждой битвой или послѣ побѣды всегда приказывалъ бывшимъ въ его войскѣ тремъ священникамъ и одному іеромонаху служить обѣдни и пѣть благодарственные молебны. Передъ битвами его любимыя слова были: „*Когда Богъ намъ поможетъ, то одолѣемъ врага*“.

Всѣ перечисленныя выше нравственныя и физическія качества, образъ дѣятельности и религіозныя воззрѣнія довольно ясно характеризуютъ личность Ермака, этого, по выраженію Карамзина, *россійскаго Пизарро, грознаго для дикихъ народовъ, но менѣе ужаснаго для человечества*. По этой характеристикѣ Ермака нельзя причислить ни къ запорожцамъ, ни къ новгородцамъ—витчанамъ. т. к. тѣ и другіе не особенно-то строго держались уставовъ и обрядностей православной церкви: причемъ послѣдніе, какъ въ древнемъ Новгородѣ, такъ и Вяткѣ и даже на Дону (о чемъ будемъ говорить въ слѣдующей главѣ), всегда старались обособиться въ церковномъ отношеніи отъ московской митрополіи, не признавали строгихъ греческихъ церковныхъ уставовъ и таинства брака, смѣшивали языческіе обряды съ христіанскими, вѣнчались и разводились въ казачьемъ кругу, мѣнили по добровольному соглашенію женъ и проч. Не могъ быть Ермакъ и казакомъ рязанскимъ или мещерскимъ, ибо тѣ и другіе, какъ приписанные къ пограничнымъ московскимъ городкамъ и служившіе долгое время московскимъ царямъ, въ нравахъ и обычаяхъ во многомъ походили на великороссовъ: кромѣ того, родословіе выдающихся личностей изъ этого казачества могло быть легко восстановлено, между тѣмъ какъ объ Ермакѣ всѣ древнія лѣтописи, признанныя за достовѣрныя, а также и Карамзинъ говорятъ, что онъ былъ *рода неизвѣстнаго*, донской казакъ, какъ и его сподвижники. По всѣмъ перечисленнымъ нравственнымъ качествамъ Ермакъ былъ казакъ *азовскій*. Для русскихъ лѣтописцевъ народъ этотъ, жившій долгое время подъ вліяніемъ грековъ, а потомъ подъ властью турокъ, считался загадкой. Кто же могъ вести родословіе героевъ, вышедшихъ изъ этого народа? Для лѣтописцевъ азовскій казакъ Ермакъ былъ рода неизвѣстнаго. Только эта исключительная среда могла выдвинуть такую высоконравственную и религіозную личность:

среда, строго соблюдавшая церковный **византійскій** уставъ и преклонявшаяся предъ его требованіями, даже и въ походной жизни.

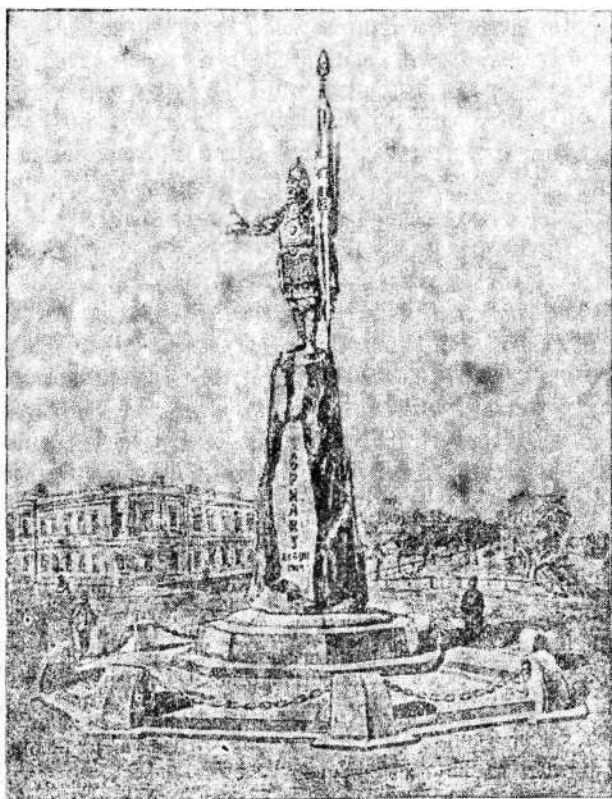

Атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ.

(Снимокъ съ тобольскаго портрета).

Разсматривая приведенныя выше физическія качества Ермака, нельзя не прийти къ тому же заключенію. Азовскіе казаки, какъ потерявшіе въ силу своихъ историческихъ судебъ метисацію съ южными народами, были большею частью брюнеты, съ вьющимися волосами, средняго роста, криваго сложенія, подвижны, храбры и предприимчивы. Тимъ этотъ и теперь рѣзко выражается въ средѣ

казачества низовыхъ и среднихъ станицъ. Выше по Дону онъ почти отсутствуетъ. Характерные признаки этого типа: средний ростъ, высокія ноги при короткомъ туловище; волосы на головѣ и

Памятникъ Ермаку въ Новочеркасскѣ, открытый въ 1904 году.

бородѣ черныя, волнистыя; иногда курчавыя; довольно часто при черныхъ волосахъ на головѣ, усы и борода съ красниной, носъ тонкій, съ горбинкой. Лицо продолговатое, съ правильнымъ оваломъ; иногда при узкомъ подбородкомъ подбородокъ у скулъ широкое. Глаза черныя, переходящіе въ каріе и желтыя; взоръ строгій.

пронзительный. голова средняя, круглая, съ широкимъ, иногда выпуклымъ тюрскимъ лбомъ. Казаки этого типа составляютъ лихую кавалерію, извѣстную своею подвижностью всему міру.

Сподвижникъ Ермака по литовско-польской войнѣ въ 1581 году донской атаманъ Василій Яновъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ еще въ смутное время, при Дмитріи I и Василіи Шуйскомъ. Въ 1611 г. въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ былъ посланъ боярами вмѣстѣ съ Михаиломъ Салтыковымъ къ Сигизмунду III просить на московское царство польскаго королевича Владислава, которому какъ онъ, такъ и все боярство присягнули и принудили къ тому большую часть народа.

Вѣрный своему слову и присягѣ и видя колебаніе и двоедушіе бояръ, Яновъ остался въ Польшѣ на службѣ у Владислава.²⁴³⁾

Изъ другихъ донскихъ атамановъ смутнаго времени, кромѣ Заруцкаго, извѣстны: Филатъ Межаковъ, Афанасій Коломна, Дружина Романовъ, Марко Козловъ и др.

Во время битвы нижегородскаго ополченія съ поляками подъ Москвой, атаманъ Козловъ упрекалъ воеводу Трубецкаго, стоявшаго въ бездѣйствіи: „Для чего не помогаешь погибающимъ (ополченію)? Изъ вашей (воеводской) вражды только пагуба творится и государству, и ратнымъ!“ Казаки добровольно бросились въ битву и помогли ополченію одолѣть Ходкѣвича.

Атаманъ Филатъ Межаковъ, участвуя съ другими атаманами на „Соборѣ всей Русской Земли“, въ которомъ главную силу составляли дворяне и казаки, первый подаль голосъ за избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича, „и все на совѣтѣ стали согласны и единодушны“, говоритъ Хронографъ кн. Оболенскаго, хранящійся въ биб. Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, № 101—128, не смотря на то, что кандидатовъ въ цари было много. Такую рѣшающую силу имѣли казаки въ смутное время.

²⁴³⁾ Соловьевъ, т. II, стр. 1195 и 1173.
Каразинъ, т. XII, прил. 526.

Глава IV.

Новгородскіе повольники на Дону.

Готскій историкъ Юрнандъ (VI в.) говоритъ, что въ IV вѣкѣ по Р. Х. Геты или Готы въ правленіе своего знаменитаго гетмана Эрмана, прожившаго болѣе ста лѣтъ, владѣли почти всей нынѣшней Европейской Россіей, отъ Чернаго моря до Балтійскаго.

Въ IX в. Готе или Гѣте, по словамъ Нестора, вновь покоряютъ Новгородскую землю, но новгородцы въ союзъ съ сосѣдями прогоняютъ ихъ. Готы разсѣиваются по берегамъ Балтійскаго моря, но часть ихъ остается въ новгородскихъ областяхъ и внослѣдствіи становится извѣстной подъ названіемъ конныхъ „гопейскихъ казаковъ“ въ Бѣжецкой пятинѣ, ямскихъ казаковъ, дерптскихъ и другихъ.²⁴⁴) Открытыя недавно древнія фрески въ древнемъ соборѣ и раскопки новгородскихъ могилъ XI и XII в., произведенныя въ 1872 и 1873 г. г., по порученію Импер. Археол. общ., г-мъ Ивановскимъ, ясно показали пребываніе южанъ Гетовъ въ Новгородской землѣ въ названный періодъ времени. По монетамъ и цѣннымъ вещамъ, найденнымъ въ могильникахъ, археологи пришли къ заключенію, что народъ этотъ принадлежалъ къ всенной кастѣ и имѣлъ торговыя сношенія съ волжскими болгарами и съ юго-востокомъ Россіи.²⁴⁵)

Съ призваніемъ князей и въ особенности въ жестокое пра-

²⁴⁴) Писцовыя книги Новгородскихъ погостовъ. Договоръ Новгорода со Швеціей 17 июля 1612 г., пуя. 10. Караваевъ, т. XII, гл. V. Готские казаки—казаки—геты или гетские, переселившіеся въ Бѣжецкую пятину изъ Прибалтійскихъ вѣтеъ. Ямскіе казаки жили въ области Ячъ или Ель, въ южной части Псковскыя. Въ договорѣ со шведами новгородцы настояли, чтобы „казакъмъ дерптскимъ, ямскимъ и другимъ изъ шведскихъ владѣній открытъ былъ путь въ Россію и назадъ, какъ было установлено ю Борисова штретованія“. Слѣдовательно, въ XVI в. казачья община въ новгородскихъ и сосѣднихъ шведскихъ областяхъ было не мало.

²⁴⁵) См. стр. 171, ч. I „Ирелка казачества“, стр. 93—96.

вленіе Ярослава 1-го. новгородская гетская вольница, тѣснимая съ запада германцами. двинулась на сѣверо-востокъ и завела свои колоніи по Сѣверной Двинѣ, Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ.

Еще въ концѣ XII в. отважные новгородскіе „повольники“ или „ушкунники“ основали на р. Вяткѣ гор. Хлыновъ, переименованный впоследствии въ Вятку, и отсюда предпринимали свои торговыя путешествія или военныя набѣги внизъ по Волгѣ. Въ 1361 г. они проникли въ столицу Золотой Орды Сарайчикъ, а въ 1364—65 г. г. —за Уральскій хребетъ на берега р. Оби.

Предводители этихъ „ватагъ“ именовались „ватманами“, а впоследствии атаманами. Основанныя повольниками общины, по примѣру Новгорода и Пскова, управлялись „вѣчемъ“, т. е. народнымъ „кругомъ“, гдѣ каждый гражданинъ имѣлъ равный голосъ со всѣми. После разгрома Хлынова Иваномъ III, 1489 г., большая часть его гражданъ, жаждавшихъ свободы и независимости, ушла на Сѣверную Двину, Каму и внизъ по Волгѣ; другая часть была разселена по московскимъ областямъ.

Хлыновъ былъ большой торговый городъ, управлявшійся вѣчемъ и имѣвшій свой вѣчевой колоколь.

Духовенство Хлынова, избираемое вѣчемъ, было совершенно независимо какъ отъ новгородской, такъ и московской митрополій. Московскій митрополитъ Геронтій, современникъ Ивана III, въ 1471 г. писалъ про вятчанъ, что „онъ не знаетъ даже, кто тамъ духовенство“. Ушедшіе вверхъ по Камѣ новгородцы основали г. Елабугу, среди покоренныхъ ими вотиковъ: двинувшіеся же внизъ по Волгѣ могли только поселиться въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы они могли добывать средства къ существованію, т. е. имѣть торговыя сношенія, запасы хлѣба и огнестрѣльные снаряды. Отъ устья Камы до нынѣшняго Симбирска весь горный берегъ въ то время былъ занятъ воинственными мордовскими племенами и черемисами: мѣста же отъ Самары до Оренбурга заняты были кочующими башкирами; горный берегъ нынѣшней Саратовской губерніи до Балашова занята та же мордва, а ниже г. Саратова до Камышина, изрѣзанный крутыми оврагами и поросшій тѣсамъ, неудобный для кочевья, былъ свободенъ отъ поселеній. Ниже Камышина до Астрахани кочевала Золотая Орда.

Изъ этого краткаго обзора видно, что пространство, занима-

емое нынѣ г. Камышинымъ. было самое удобное и безопасное для поселенія новгородцевъ. ушедшихъ изъ Хлынова. Дѣйствительно, мѣстность эта представляетъ высокое плато, ограниченное огромными оврагами въ 40 сажъ глубины, а потому имѣетъ видъ какъ бы природнаго городка, въ которомъ можно было защищаться и откуда производить нападенія. На западъ плато это понижается, переходитъ въ волнистую возвышенность, поросшую кустами, а прежде дремучимъ лѣсомъ, и вступаетъ въ Донскую область, гдѣ течетъ р. Иловля и гдѣ въ XV в. были уже поселенія и церкви, подчиненныя епископу Сарайскому. Пространство между р. Итовлей и Урюпинимъ, крайнимъ пограничнымъ пунктомъ рязанскихъ укрѣпленій, было раньше занято, судя по сохранившимся въ архивѣ Саратовской Духовной Консисторіи антиминсамъ, также христіанскимъ населеніемъ. Верховье р. Иловли почти соприкасается съ верховьями р. Арчеды, впадающей въ Медвѣдицу, а между Медвѣдицей и Бузулукомъ есть небольшая рѣчка Перевозинка, какъ бы соединяющая эти двѣ рѣчки. По Бузулуку, мимо нынѣшней Алексѣевской станицы, можно попасть въ р. Хоперь, а оттуда Хопромъ вверхъ до Урюпина или же до р. Тишанки, скрывающейся въ лѣсистыхъ горныхъ мѣстахъ. Названіе рѣчки Тишанки встрѣчается еще ниже впаденія рѣки Иловли въ р. Донъ: вершина этой второй рѣчки переходитъ въ Саратовскую губернію и принимаетъ къ себѣ рѣчку Лазную, узенькую, но удобную весной для перевала лодокъ черезъ оврагъ, граничащій съ р. Волгой.

Вотъ въ этихъ-то мѣстахъ, согласно памяти народной, выраженной въ пѣснѣ волжско-донской вольницы—„Какъ пониже-то, братцы, было города Саратова, а по выше-то было города Камышина, протекала Камышинка рѣка“... и нужно искать первыя становища хлыновцевъ, бѣжавшихъ отъ порабоженія московскихъ князей. Торговые караваны давали случай этой вольницѣ приобрести „зипуны“, а пограничные городки враждебныхъ Москвѣ рязанцевъ служили мѣстомъ сбыта добычи, въ обмѣнъ на которую новгородцы могли получать хлѣбъ и порохъ.

Иванъ III, зная предпримчивый характеръ этой удалой вольницы, поселившейся за предѣлами его владѣній, вблизи окраинъ враждебнаго ему княжества Рязанскаго, зорко слѣдилъ за движеніями этой горсти людей, не пожелавшихъ ему подчиниться. Чтобы

предупредить сношенія рязанцевъ съ этой вольницей. Иванъ Ш-й напоминалъ своей сестрѣ, вдовствующей рязанской княгинѣ Агриппинѣ, не пускать ратныхъ людей дальше Рясской переволоки, „а ослушается кто и пойдетъ самодурью на Донъ въ *молодечество*, ихъ бы ты, Аграфена, велѣла казнити“.

Иванъ Ш-й не ошибся, придавая въ своихъ политическихъ соображеніяхъ большое значеніе новому, поселившемуся на границахъ Рязанской области враждебному ему элементу, такъ какъ со смертью Агриппины Рязанское княжество, по замысламъ великаго князя, должно было присоединено къ Москвѣ. Присоединеніе это и состоялось при Василии Ш 1517 г.

При движеніи на Донъ съ Днѣпра черкасовъ, бѣлгородскихъ и старыхъ азовскихъ казаковъ, новгородцы спустились внизъ по этой рѣкѣ до самаго Азова, смѣшались съ другими казацкими общинами и, такимъ образомъ, положили основаніе „Всевеликому Войску Донскому“, съ его древнимъ вѣчевымъ управленіемъ.

Казаки-новгородцы на Дону самый предпримчивый, стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ, даже до упрямства, храбрый и домовитый народъ. Казаки этого типа высоки на ногахъ, рослы, съ широкой могучей грудью, бѣлымъ лицомъ, большимъ, прямымъ хрящеватымъ носомъ, съ круглымъ и малымъ подбородкомъ, съ круглой головой и высокимъ лбомъ. Волосы на головѣ отъ темнорусыхъ до черныхъ; на усахъ и бородѣ свѣтлѣе, волнистые. Казаки этого типа идутъ въ гвардію и артиллерію. ²⁴⁶⁾

Говоръ современныхъ новгородцевъ, въ особеннсти коренныхъ древнихъ поселеній, во многомъ сходенъ съ донскимъ, жителей 1-го и 2-го Донскихъ округовъ. ²⁴⁷⁾ Какъ тѣ, такъ и другіе звукъ ш, не выговариваютъ, а замѣчаютъ его двойнымъ ш, напримѣръ: иишо, иишобы, иишзаныи, иишинна, што (что), пишша и пишта (пища) и проч. Въмѣсто жд всегда почти употребляютъ: Рожество, одежа, надежа (надежда), дожъ и проч. Въмѣсто к всегда х, въ словахъ: хреишенье, дохтуръ и др. Также: скусно, свитокъ и твитокъ (цвѣтокъ), сумлеваться, сусѣдъ, укунуться, анагдась, глыбоко, быдто, кружвникъ, ослобонить, некрутъ, антиллерія, дака (дай-ко).

²⁴⁶⁾ См. „Типы донскихъ казаковъ и особенности ихъ говора“ 1908 г. Авт.

²⁴⁷⁾ „Особенности говора Новгородскаго уѣзда Новгород. губ.“ В. Ф. Соловьевъ. С. П. Б. 1904 г.

ухи, польга (польза), слухать, верьхъ и верьхи (верхомъ), молонья (молнія), женьшина, болеть, ужась, жисть, скупердйи, панафида (пинихида), трухмалъ, ласы точить, ну те къ ляду, сиверка, сиверь, исть (ѣсть) и др. Новгородцы лучше, чѣмъ москвичи, знали древнія сказанія о началѣ Руси и ея славныхъ витязяхъ-богатыряхъ. Языкъ ихъ дѣловыхъ бумагъ, какъ и старыхъ донскихъ казаковъ, чище московскаго и отличается отъ послѣдняго какъ чистотой, такъ и образностью выраженій.

Новгородцы также занесли на Донъ названія: атаманъ, станъ, ватага, ильмень (общее названіе большого чистаго озера) и др. Кромѣ того, многіе донскіе станицы и хутора носятъ чисто новгородскія названія: Ярыженская (отъ ярыжки и ярыга—наемные люди и бездѣльники); Багаевская (одноименныя села по пути движенія древнихъ новгородцевъ въ губерніяхъ: Казанской, Вятской и др.); Ведерниковская, нынѣ переименованная вмѣстѣ съ Бабской въ Константиновскую, (въ губерніяхъ: Вятской, Пермской, Нижегородской, Смоленской и др.); Михалевская, нынѣ Николаевская станица. (въ Псковской губ. 21 селеніе и 3 деревни); Каргальская—Каргалы на Камѣ; Гундоровская—села въ Архангельской, Вятской и Самарской губ. Хутора и фамилія Черевковъ—село Черевково, Сольвычегодскаго уѣзда, на Сѣверной Двинѣ, древнее поселеніе новгородцевъ—ушкуйниковъ: жители отличаются предприимчивымъ и энергичнымъ характеромъ, незнавшие никогда крѣпостнаго права. Древній новгородскій погостъ Ягришь Архангельской губер., близъ погоста Верхотоимскаго, отличается самыми жгучими брютетками сѣвера. Погостъ этотъ упоминается еще въ завѣщаніи Ивана III. Станица Раздорская, древняя столица донскаго казачества, также звучитъ чѣмъ-то новгородскимъ: слово „раздоры“—излюбленное выраженіе во всѣхъ новгородскихъ актахъ, постоянныя жалобы на „раздоры“, т. е. несогласія.

Присутствіе новгородскаго элемента въ Донецкомъ казачествѣ сказывается также въ архитектурѣ построекъ древнихъ церквей, часовенъ, народной орнаментаци, нравахъ, обычаяхъ, суевѣріяхъ, свадебныхъ обрядахъ, вѣчехомъ правленіи, говорахъ и проч. Приведемъ особенности религіозно-бытового характера изъ жизни новгородцевъ: ²⁴⁸⁾

²⁴⁸⁾ Исследованіе академика Е. Оснобичина о Донецкихъ казакахъ въ 1874—75 г. г. „Къ вопросу о происхожденіи Донскихъ казаковъ“.

1) Христианство въ новгородскихъ областяхъ прививалось очень медленно и въ XI и XII вѣкахъ новгородцы еще упорно сохраняли остатки своего языческаго культа.

2) Въ 1028 году въ силу этой упорности кн. Ярославомъ обнародованъ сборникъ славянскихъ юридическихъ обычаевъ подъ именемъ „Русской Правды“, въ противоположность жестокому не славянскому судному праву грековъ, принятому Св. Владимиромъ при составленіи церковныхъ правилъ.

3) Сохраняя послѣдовательно черты народнаго характера, новгородцы въ 1156 году вынудили князя согласиться выбирать архіереевъ и священниковъ изъ мѣстныхъ жителей на вѣчь.

4) Въ 1360 году самъ архіепископъ новгородскій Евфимій II не подчиняется московскому митрополиту и разрываетъ на 20 лѣтъ связь съ митрополіей.

5) Въ 1384 году, продолжая выражать черты народнаго духа, новгородцы постановили на вѣчь не подчиняться московскому митрополиту и дѣла по духовной части рѣшать гражданскимъ вѣчевымъ судомъ.

6) Въ 1471 году митрополитъ Геронтіиѣ пишетъ въ Вятку о своемъ незнаніи—изъ кого состоитъ вятское духовенство и гдѣ оно рукополагается.

7) При обрядѣ церковной свадьбы священникъ долженъ ѣхать впереди съ крестомъ въ облаченіи, а женихъ съзади съ волквомъ (колдуномъ). Этотъ обычай былъ запрещенъ духовнымъ соборомъ въ 1667 г.

8) Женщина—новгородка, помимо отца и матери, должна была говорить публично на вѣчь, „женихъ ей любъ или не любъ“.

9) Вѣнчались въ церкви и около ракиты, какъ о томъ поется въ былинѣ о Дунаѣ Ивановичѣ: „кругъ ракитова куста вѣнчались“.

10) Женились 3, 4, 5 и 6 разъ и свободно разводились съ женами, передавая публично ихъ другимъ.

11) По сказанію Леннуа, продавали и мѣняли своихъ женъ публично на вещи.

12) Лицъ, осужденныхъ церковно-народнымъ судомъ, сажали на цѣпь.

13) Извѣстіе о смерти согражданина передавалось трезвономъ.

14) Освѣщали вино и водку въ день Св. Николая и Козьмы вмѣсто воды.

15) Вдовы священники, несмотря на запрещеніе московскихъ соборовъ, во всѣхъ новгородскихъ областяхъ свободно совершали богослуженіе по найму, переходя съ мѣста на мѣсто и проч.

Въ параллель къ этому приведемъ факты изъ отношеній донской церкви къ московской, а также нѣкоторые церковные обряды, записанные знатакомъ донской старины, протоіереемъ Левицкимъ и академикомъ Е. Ознобишинымъ въ половинѣ XIX в.

1) Въ 1687 году, послѣ усмиренія бунта Разина, прислана была на Донъ грамота съ повелѣніемъ поминать на большомъ выходѣ имя московскаго патріарха. Слѣдовательно, на Дону въ черкасскомъ соборѣ съ 1687 года въ первый разъ стали молиться за главнаго російскаго духовнаго владыку.²⁴⁹⁾

2) Въ 1762 году, послѣ присоединенія Дона къ воронежской епархіи, епископъ Іоакимъ доносилъ Св. Синоду, что „казаки, подъ страхомъ наказанія, запрещаютъ своимъ священникамъ слушаться распоряженій архіерея и судятъ ихъ по своему обычаю въ кругу (вѣче): а атаманъ Иловайскій прямо писалъ, чтобы архіерей не смѣлъ вмѣшиваться въ духовныя дѣла казачьихъ приходоѡвъ, такъ какъ причты ихъ опредѣляются по утвержденію „казачьяго круга и старшинъ“.

3) Въ 1765 году воронежскій епископъ Тихонъ I доносилъ вновь св. Синоду, что въ трехъ черкасскихъ благочиніяхъ 58 лицъ самовольно опредѣлены кругомъ безъ его, архіерейскаго, благословенія и что безпорядки казачьихъ церквей (неподходящихъ поды порядки московскіе) исправить нѣтъ никакой возможности.

4) Въ томъ же году и тотъ же епископъ вновь доносилъ св. Синоду, что казачьи церкви не ведутъ вѣчныхъ записей и метрику, и что атаманъ Иловайскій набилъ колодки на протопопа черкаскаго собора за то, что тотъ осмѣлился власть своего архіерея поставить выше вѣча, т. е. войскового круга.

Надо замѣтить, что Иловайскій, генераль времени Екатерины II, одинъ изъ орловъ ея вѣка, не былъ старообрядцемъ, не былъ и крамольникомъ, чтобы имѣть какое-либо право вступить въ явную вражду съ уважаемыми святителями московской церкви.

²⁴⁹⁾ „Старочеркасскъ и его достопримѣчательности“. Протоіер. Гр. Левицкіи. Пад. 70 г. Новочеркасскъ.

и если онъ дѣйствовалъ въ означенныхъ случаяхъ такъ враждебно противъ архіерея, то это только объясняется нравственнымъ давлениемъ войскового круга, состоявшаго въ то время еще изъ прямыхъ потомковъ новгородцевъ 1384 года и вятчанъ 1471 года.

5) Извѣстно, что бракъ на Дону въ среднихъ и низовыхъ станицахъ съ незапамятныхъ временъ, по народнымъ преданіямъ, всегда состоялъ въ церемоніи, происходившей на майданѣ - народной площади, гдѣ собирався кругъ. Церемонія эта происходила слѣдующимъ образомъ: желающіе вступать въ бракъ являлись въ сопровожденіи своихъ родственниковъ на майданъ, гдѣ женихъ, обращаясь къ невѣстѣ, спрашивалъ ее: „любовь ли онъ ей?“ Послѣ утвердительнаго отвѣта, невѣста также спрашивала жениха: „люба ли она ему? и получивъ утвердительный отвѣтъ, кланялась жениху въ ноги, въ знакъ подчиненія. Послѣ сего атаманъ и старшины вставали съ своихъ мѣстъ и поздравляли молодыхъ словами „въ добрый часъ“. Такая форма брака была такъ важна въ понятіяхъ казаковъ-вѣнчиковъ, что и послѣ вѣнчанія въ церкви должна была обязательно исполняться на майданѣ.

6) Разводъ производился съ такою же легкостью: надоѣла мужу жена — онъ ведетъ ее на майданъ и, ставъ передъ атаманомъ и старшинами, говорить, что эта жена была ему любя, была хорошая хозяйка, но теперь не нужна, и слегка отталкивалъ ее отъ себя. Въ это время желающій взять разведенную подходилъ къ ней, покрывалъ ее полою своего казакина, и бракъ этимъ знакомъ прикрытія былъ совершенъ. Форма прикрытія полою, говорить извѣстный донской историкъ Сухоруковъ, считалась самою важною и какъ бы снимала безчестіе развода. Такимъ образомъ женщина могла передаваться отъ одного къ другому и такъ далѣе. О такой формѣ брака говорить и Евлампій Кательниковъ въ своей „Исторической Запискѣ о Верхне-Курмоярской станицѣ“, составленной имъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Бракъ этотъ въ среднихъ станицахъ Дона, въ томъ числѣ и въ Верхне-Курмоярской, по сообщенію Кательникова, просуществовалъ до 1750 г.; церемонія его состояла въ слѣдующемъ: женихъ съ невѣстою являлись на станичный сборъ, молились и кланялись на всѣ четыре стороны, причемъ женихъ, обращаясь къ невѣстѣ, громко говорилъ: „Ты—скить, Настя, будь мнѣ жена!“. Невѣста кланялась ему въ ноги и отвѣ-

чала: „А ты — скить, Гаврила, будь мнѣ мужъ“! И тутъ дѣловались при общемъ поздравленіи. Такъ жили и рождали дѣтей. Вѣнчаніе въ церкви или часовнѣ, если онѣ были, считалось не обязательнымъ. Разводъ былъ также очень простъ. Мужъ выводилъ жену на сборъ и говорилъ: „Вотъ-скить, честная станица, она мнѣ не жена. а я ей не мужъ“! Разведенную жену тутъ же могъ взять другой, накрывши полой и объявивъ сбору съ такими же приговорами. ²⁵⁰).

Священникъ Пивоваровъ, служившій въ станицахъ Ведерниковской (нынѣ хуторъ ст. Константиновской) и Нижне-Каргальской (нынѣ хуторъ ст. Маринской) въ 20-40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ своихъ запискахъ отмѣчаетъ, что приведенный обрядъ брака на майданѣ въ нѣкоторыхъ станицахъ Дона существовалъ еще и въ его время. Хотя такіе браки нерѣдко скрѣплялись вѣнчаніемъ какого-нибудь бѣглаго попа или монаха. часто около стола или телѣги, если дѣло происходило на ярмаркѣ, но это нисколько не удерживало казаковъ вновь разводиться и искать себѣ новыхъ женъ. Такъ женились четыре, пять и болѣе разъ.

Хотя на Донъ и послана была царская грамота 20 сентября 1745 г. о воспрещеніи жениться отъ живыхъ женъ и четвертыми браками, но это нисколько не останавливало казаковъ исполнять свой древній обычай жениться и разводиться съ свѣдѣніи и согласія станичнаго круга.

7) Извѣстно, что Разинъ, отвергавшій форму церковнаго брака, велѣлъ вѣнчать молодыхъ вокругъ ракиты или вербы. Не удивительно. Разинъ, какъ человѣкъ грамотный, читалъ и хорошо зналъ древнія новгородскія языческія преданія. Это подтверждается и тѣмъ, что Разинъ часто выражался языкомъ былинъ, подражая Васкѣ Буслаеву, новгородскому удалыцу.

8) Обрядъ церковнаго брака, по словамъ историка Сухорукова, происходилъ слѣдующимъ образомъ: когда собирались ѣхать въ церковь, то впереди поѣзда шелъ, а съ хутора могъ и ѣхать, священникъ съ крестомъ въ рукахъ, за нимъ женихъ въ алой

²⁵⁰) Въ 1745 г. 20 сентября на Донъ была прислана царская грамота о воспрещеніи Войску Донскому вѣнчиваться въ духовныя дѣла и касаться чина церковнаго и о недопущеніи жениться отъ живыхъ женъ и четвертыми браками. Акты, собр. А. А. Шишниковъ, т. II, ч. I, № 385. „Историческое свѣдѣніе о Верхне-Куржоярской станицѣ Е. Катальниковъ, изд. 1886 г. Новочеркасскъ.

черкасскѣ, съ высокой шапкою въ рукахъ, рядомъ съ колдуномъ: вокругъ священника и жениха гарцовали, стрѣляли, кричали и пѣли веселыя пѣсни сверстники жениха, отдававшіе ему послѣдній молодецкой долгъ.

9) Послѣ смерти гражданнаго, по словамъ протоіерея Левицкаго, въ XVIII столѣтіи всегда трезвонили, но, вѣдѣствіе частыхъ и опустошительныхъ пожаровъ, бывшихъ въ томъ вѣкѣ въ гор. Черкасскѣ, трезвонить было запрещено указомъ войскового начальства.

10) Въ церквахъ станицъ Усть-Хоперской и Усть-Быстрианской Е. Ознобишиннымъ найдены желѣзныя шейныя цѣпи, на которыя, по словамъ старыхъ гражданъ этихъ станицъ, сажали въ прежнее время уличенныхъ въ прелюбодѣянїи. Желая провѣрить столь интересный археологическій фактъ, Ознобишинъ обратился къ покойному протоіерею Г. А. Левицкому, прося его разъяснить справедливость этого обычая. О. Григорій письмомъ увѣдомилъ его, что обычай сажать на цѣпь былъ очень древень на Дону и что, въ силу этого обычая, Разинъ, послѣ поймки, былъ посаженъ на цѣпь, до сихъ поръ хранящуюся въ Старочеркасскомъ соборѣ; что, кромѣ шейныхъ цѣпей для прелюбодѣевъ, были еще ручныя цѣпи, на которыя сажали воровъ; одну изъ такихъ цѣпей отецъ Григорій видѣлъ въ 1836 году въ ст. Александровской, въ Архангельской церкви, куда она попала изъ прежней деревянной церкви, перенесенной въ эту станицу съ другого мѣста.

11) Вдовы священники на Дону служили съ незапамятныхъ временъ, и на всѣ распросы Ознобишина старцы-казаки разныхъ мѣстностей Дона единогласно отвѣчали, что вдовы священники служили, а монаховъ священниковъ никогда не помнятъ, тогда какъ у днѣпровскихъ казаковъ всегда священники въ сѣчи и ея паланкахъ были изъ монаховъ; и въ Черкасскѣ съ запорожцами были тоже священники-монахи.

12) На Николинъ день освѣщали водку, вмѣсто воды, и разнесли молящимся въ храмѣ.

Подобныхъ церковныхъ обрядовъ и обычаевъ, какъ это всемъ извѣстно, не было на всемъ остальномъ пространствѣ Россіи, а также въ епархіи Судгейско-Азовской, вѣдѣнію которой принадлежали древніе алано-готы, населявшіе Крымъ, казаки азовскіе, чер-

касы Кубани, абхазцы и другіе народы береговъ Азовскаго и Чернаго морей. Крымская или Босфорская епархія съ VI в. была епископией съ кафедрою въ Судгеѣ (въ Крыму). Въ 886 г. императоръ Левъ Философъ далъ епископу судгейскому санъ архіепископа, а въ 1296 г. императоръ Андроникъ пожаловалъ его въ санъ митрополита, каковой санъ продолжалъ сохраняться въ той епархіи, переименованной впоследствіи въ готѳо-кефайскую, до времени присоединенія Крыма къ Россіи, когда готы, къ тому времени уже полугреки и полутатары, съ своимъ митрополитомъ переведены были въ Маріуполь, въ 1771 г. Такова наружная сторона этой церкви: внутренняя же, выражающая связь пасомыхъ съ пастырями, видна изъ фирмана султана Мустафы, даннаго митрополиту Гедеону въ 1759 г. Фирманъ этотъ слѣдующій: „Того ради, сего 1173 года, мѣсяца джемадзіуль акира 19-го дня, оному митрополиту Гедеону сею высочайшею грамотою повелѣваемъ, дабы онъ, митрополитъ, надъ живущими въ Кафѣ, Манкубѣ, Балаклавѣ и Азовѣ христіанами, по прежнимъ примѣрамъ и древнему обыкновению и по ихъ закону, былъ самовластнымъ митрополитомъ“.

Далѣе идутъ параграфы, содержаніе которыхъ можно передать въ слѣдующихъ сокращенныхъ словахъ:

- 1) Духовенство должно безпрекословно подчиняться архіерею.
- 2) Архіерей судить безъ всякой апелляціи и отчета.
- 3) Въ дѣла церкви никто изъ мірянъ вмѣшиваться не имѣетъ права.
- 4) Никакая жалоба отъ клира или прихожанъ на митрополита принимается быть не можетъ.
- 5) Вѣнчать болѣе трехъ разъ воспрещается.
- 6) Разводъ зависитъ отъ архіерея.
- 7) Неисполняющій этихъ правилъ „да лишается христіанскаго погребенія“ и т. д.

Сопоставляя приведенные религиозно-бытовые обычаи церкви новгородско-донской съ церквами азовской и московской, куда греческіе церковные обряды перешли цѣликомъ, каждый можетъ убѣдиться, что были первые насельники по среднему Дону съ половины XVI вѣка, навязавшіе остальнымъ элементамъ казачества свой древній своеобразный взглядъ какъ на религію, такъ и на внутреннее управление общины.

Слѣдовательно, греческій церковный уставъ и греческіе церковные обряды среди казачества въ томъ его составѣ, въ какомъ мы его встрѣчаемъ на Дону въ XVI в., имѣли очень незначительное вліяніе, но зато тамъ стали господствовать, какъ мы видѣли выше, церковно-народные обычаи новгородцевъ, занесенные туда изъ Хлынова и другихъ областей великой новгородской земли, какъ болѣе всего отвѣчающіе народно-вѣщевому правленію.

Черкасы запорожскіе и кіевскіе, казаки бѣлгородскіе и севрюки, а въ особенности казаки старые азовскіе, какъ проводившіе цѣлые вѣка въ битвахъ съ невѣрными, не отличались культурностью и домовитостью, между тѣмъ какъ новгородцы считались, какъ мы увидимъ ниже, лучшими плотниками на всемъ пространствѣ тогдашней Россіи: они-то первые и стали строить укрѣпленные городки на всемъ протяженіи средняго и нижняго Дона—Раздоры верхніе и нижніе, при устьяхъ Маныча и въ другихъ мѣстахъ. Къ нимъ скоро прикошевали другіе казацкія общины съ Днѣпра, верховьевъ С.-Донца, рязанскихъ украинъ, а потомъ казаки азовскіе, самые бѣдные и бездомовные, образовавъ на окраинахъ казачьихъ городковъ приселки—хазовки.²⁵¹⁾

Новгородцы считались и лучшими мастерами при возведеніи церковныхъ деревянныхъ построекъ какъ въ сѣверныхъ областяхъ, такъ и по Дону. Планъ и фасадъ этихъ построекъ былъ свой, особенный, древне-славянскій, ничего общаго съ византійскимъ стилемъ не имѣющій,—это архитектура древне-славянскихъ языческихъ капищъ, близко напоминающая древне-персидскую.

Христіанство въ новгородскихъ областяхъ прививалось очень туго, даже насильственно: свободолюбивая и торгово-промышленная новгородская вольница упорно отстаивала свои древніе языческіе вѣрованія и обычаи не столько изъ невѣжества, сколько изъ нежеланія подчиниться чужеземному вліянію. Принявъ христіанство, они не приняли греческихъ священниковъ, греческій церковно-судный уставъ и византійскую архитектуру церквей, а оставили свои народно-вѣщевые порядки какъ въ общественномъ управленіи, такъ и церковныхъ дѣлахъ, чтобы не зависѣть въ этихъ отношеніяхъ отъ Кіева, а потомъ и отъ Москвы.

²⁵¹⁾ .Азонтъ по-турецки назывался Адакъ, Калакъ, Хазавъ и Хазова". Хазовками на Дону какъ въ старое время, такъ и теперь называются бѣдные окраины казачьихъ станицъ

Е. Ознобичинъ, искрестившій въ теченіе многихъ лѣтъ сѣверныя и восточныя губерніи Россіи, изучая древнія новгородскія поселенія въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. а также древне-русское церковное зодчество, въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, по порученію Императорской Академіи Художествъ, посѣтилъ и Донскую область и въ теченіе 5 лѣтъ собралъ массу рисунковъ съ древнихъ деревянныхъ донскихъ церквей съ планами и фасадами, а также съ рѣзьбы иконостасовъ и наружной обшивки стѣнъ.

Сравнивая эти рисунки съ прежде добытыми имъ въ сѣверныхъ и восточныхъ новгородскихъ областяхъ, онъ пришелъ къ положительному выводу, что строителями этихъ церквей на Дону были новгородцы. Потомъ, изучая Донской край, по порученію директора этнографическаго музея въ Москвѣ В. А. Дашкова, по одобренной послѣднимъ художественно-этнографической программѣ, онъ далъ намъ богатѣйшій матеріалъ по изслѣдованію Дона какъ въ историческо-археологическомъ, такъ и въ этнографическо-бытовомъ и церковно-народномъ отношеніяхъ.

Объ управленіи церковью донской и новгородской, а также ихъ своеобразныхъ обрядахъ мы уже говорили выше; теперь коснемся этнографіи и археологін этихъ областей, а въ особенности ихъ церковнаго зодчества.

Планъ и вообще характеръ построекъ древнихъ деревянныхъ церквей новгородскихъ областей, какъ мы сказали выше, совершенно отличается отъ плана церквей греческихъ, перенесеннаго безъ измѣненій изъ Византіи въ Кіевъ, Москву, Суздаль, Липецкъ, Рязань и Нижній, а также въ Азовъ и во всѣ церкви древней христіанской Абхазіи. Планъ этотъ въ первоначальномъ своемъ видѣ представляетъ простой квадратъ, какъ это видно изъ развалинъ церквей въ Крыму, Абхазіи, Предтеченскаго храма въ Азовѣ и другихъ мѣстахъ.

Въ Кіевѣ самыя древнія церкви, напримѣръ, Преображенія Господня на Берестовѣ, основанная Владиміромъ Святымъ, и деревянная Іоанна Златоуста, неизвѣстно въ какомъ вѣкѣ построенная, но перенесенна на настоящее ея мѣсто лѣтъ 250 тому назадъ, представляютъ фигуру плана неправильнаго четырехсторонника съ срѣзанными углами алтарнаго прйдѣла.

Въ Москвѣ соборъ Спаса на Бору, одновременный основанію этого города, имѣетъ форму, подобную вышеописанной.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ соборъ Архангела Михаила, основанный въ XII вѣкѣ, имѣетъ форму кievскихъ церквей, но только вмѣсто двухъ сръзанныхъ угловъ одну сторону сръзанную въ формѣ трехъ полуovalовъ.

Въ Липецкѣ, въ старомъ упраздненномъ монастырѣ XIII в., планъ церкви представляетъ четырехсторонникъ, имѣющій съ одной стороны полуovalное округленіе.

Въ Козловѣ, Ельцѣ, старой Рязани, Курскѣ, Ростовѣ Ярославскомъ, Галичѣ, Вологдѣ, Ярославлѣ и другихъ древнихъ городахъ планы церквей имѣютъ сходство съ церковью въ Липецкѣ или Нижнемъ-Новгородѣ.

Планъ церкви Іоанна Предтечи въ Азовѣ имѣлъ квадратную форму.

Планы церквей, построенныхъ послѣ церковнаго раскола, имѣютъ форму креста.

Такимъ образомъ планы древнихъ церквей разныхъ мѣстностей Россіи имѣютъ одно общее всѣмъ квадратное основаніе, измѣненное только съ одной стороны.

Не тѣ основныя черты встрѣчаемъ мы въ планахъ древнихъ деревянныхъ церквей Новгорода, представляющихъ всегда форму осьмигранника.

Новгородскій церковный планъ такъ рѣзко отличается отъ греческаго, что стоитъ только разъ взглянуть, чтобы навсегда запомнить тотъ и другой, несмотря на наружныя фасадныя измѣненія. На сколько планъ новгородскихъ церквей отличался отъ греческаго, на столько же и наружный фасадъ былъ различенъ. Греческая церковь въ первоначальномъ ея видѣ представляла совершенный кубъ, съ четырехскатною невысокою крышею, имѣющею въ срединѣ ярусъ круглой формы, оканчивающійся куполомъ въ видѣ луковицы. Главъ на храмѣ могло быть—одна, три, пять и тринадцать. Наружныя стѣны украшались орнаментами, представлявшими соединеніе въ различныхъ изгибахъ линий дугообразныхъ, полуovalныхъ, прямыхъ, винтообразныхъ и круглыхъ.

Наружный же фасадъ новгородскихъ деревянныхъ церквей всегда имѣлъ осьмигранную фигуру въ три, четыре и пять ярусовъ,

тоже осьмигранниковъ, постепенно уменьшающихся къ верху и ограниченныхъ плоскими, шатрообразными крышами: верхняя крыша обыкновенно была нѣсколько выше и имѣла форму шатра съ круглымъ яблокомъ на верху и высокимъ осьмиконечнымъ крестомъ. Наружныя украшенія стѣнъ представляли обшивку изъ узкихъ гладкихъ пластинъ (гонтинь) въ три и четыре ряда, одинъ выше другого. Гонтины эти налагались одна на другую, оставляя рядъ промежутковъ въ видѣ желобковъ; внизу каждая гонтина оканчивалась выемкою круглой или какой другой геометрической формы. Фронтонъ этихъ церквей украшался рѣзбою, состоящею изъ разныхъ выемокъ, расположенныхъ въ прямыхъ и полукруглыхъ линияхъ и угольникахъ—остромъ и тупомъ.

Стѣны подобныхъ церквей окрашивались умброю, а фронтоны и карнизы полукруглыхъ съ выемкою оконъ, бѣлою краскою; издали все зданіе представляло красивый видъ темнокраснаго осьмигранника, переплетеннаго бѣлымъ кружевомъ. Крыши церквей и церковныя главы тоже дѣлались изъ дерева, напиленнаго въ формѣ полукружковъ, наложенныхъ одинъ на другой, и представляли издали видъ рыбьей чешуи.

Новгородскія церкви строились необыкновенно прочно самими же новгородцами, извѣстными за самыхъ искусныхъ плотниковъ: съ древнѣйшихъ временъ слово „плотникъ“ было какъ бы ругательнымъ для новгородцевъ въ устахъ лѣнливыхъ кievлянъ.

„Эй вы, плотники“, кричали кiяне и ихъ союзники, завидя новгородцевъ въ войскахъ Боголюбскаго, осаждавшаго Кіевъ въ 1169 году.

Всѣ иностранцы, посѣщавшіе новгородскую область во время ея самостоятельности, удивлялись необыкновенной прочности деревянныхъ новгородскихъ построекъ и искусству новгородскихъ мастеровъ—плотниковъ и рѣзчиковъ, въ противоположность москвичамъ, постройки которыхъ, по словамъ лѣтописей, скоро разваливались. Надо полагать, что „авось“ да „небось и какъ нибудь“ именно сложились въ московщинѣ, въ виду лѣности и неумѣнья ея природныхъ жителей.

До сихъ поръ можно видѣть при проѣздѣ по Новгородской, Московской и Тульской губерніямъ разницу въ постройкахъ дере-

вень новгородцевъ и москвичей, хотя и живущихъ при однихъ и тѣхъ же экономическихъ условіяхъ.²⁵²⁾

Чтобы объяснить, откуда новгородцы заимствовали планъ своихъ древнихъ церквей и почему они не приняли общаго византійскаго плана, обратимся опять вкратцѣ къ исторіи Новгорода и вообще древняго ильменскаго славянства и къ проявленіямъ его народнаго духа.

Во время призванія варяговъ, т. е. въ IX в. по Р. Х., Старая Русса уже существовала: слѣдовательно, согласно Лаврентьевской лѣтописи Нестора, въ призваніи князей участвовали и Руссы, какъ стоящіе во главѣ народонаселенія Новгородской области.

Переселенцы изъ Старой Руссы, желая приблизиться къ морю, гдѣ въ то время были уже знаменитые торговые города: Винета, Юмна, Аркона, Ретра, Любечки (Любекъ) и другіе, основали въ устьяхъ Нѣмана, на правомъ рукавѣ его — Русѣ, близъ взморья. Новую Руссу. О торговомъ значеніи этого города говорить еще Пиней, участвовавшій въ плаваніи съ греками по Балтійскому морю въ 320 г. до р. Х. Изъ этого слѣдуетъ, что Старая Русса древнѣй Новей.

Часть славянскаго племени Венетовъ, по-Птоlemeю, не поладивъ съ Готами, двинулась въ 216 г. до р. Х съ береговъ Балтійскаго моря на сѣверо-востокъ, на берега о. Ильмена и р. Ловати и основала тамъ г. г. Новгородъ и Псковъ. Старое поселеніе Венетовъ (гдѣ нынѣ Ольденбургъ) долгое время называлось Старгардіей, т. е. старыми городами.²⁵³⁾

Прибалтійскіе славяне въ глубокой древности считались уже цивилизованнымъ народомъ. Тацитъ въ 60 г. по р. Х говоритъ, что германцы не знаютъ еще городовъ, славяне же строятъ прочныя деревянныя дома и укрѣпленные города. Въ славянскихъ земляхъ, говоритъ извѣстный нѣмецкій историкъ Кледенъ, торговля и ремесла процвѣтали до такой степени, что миссіонеры не могли иначе выразить своего удивленія, какъ сравненіемъ Поморья съ обѣтованной землей. У Венетовъ процвѣтало скотоводство и земле-

²⁵²⁾ Юлій III и Юаннъ IV Грозный насильно переселили значительную часть неспокойныхъ новгородцевъ въ московскія области, а на мѣсто нихъ перебрали москвичей. Опытный этнографъ и теперь не затруднится отличать коренныхъ новгородцевъ отъ московскихъ переселенцевъ.

²⁵³⁾ Другая часть прибалтійскихъ Венетовъ, по Страбону, переселилась въ сѣверную Италію, основавъ тамъ г. Венецію и др.

дѣліе, такъ что въ открытыхъ поляхъ находились всякихъ родовъ овощи. Оттуда вывозились соленья и копченья сельди, медь, воскъ, ленъ, полотна, пенька, хмѣль, бревна, доски, смола, поташъ, шерсть, сукна, мѣха, кожи, сало и копченое свиное мясо.

Историкъ XI вѣка Адамъ Бременскій свидѣтельствуетъ, что Руссы-славяне владѣли сѣверными и западными берегами Балтійскаго моря: что въ г. Упсалѣ стоялъ золотой славянскій кумиръ бога Радигаста или Радигости, покровителя торговыхъ людей, т. е. гостей; храмъ этому идолу былъ сдѣланъ, по увѣренію этого историка, изъ золота. Другой храмъ этому богу былъ въ Ретрѣ, на южномъ берегу.

На островѣ Рюгенѣ, населенномъ славянскимъ племенемъ Рановъ, славившихся богатствомъ и торговлей, въ г. Орекондѣ, на полуостровѣ Витовѣ, находился храмъ высокочтимаго славянскимъ міромъ бога Святовита, въ г. Святоградѣ или Свентоградѣ. Храмъ этотъ въ 1168 г. былъ разрушенъ датскимъ королемъ Вальдемаромъ I. Многія драгоценности этого храма и до сихъ поръ находятся въ Копенгагенскомъ музеѣ сѣверныхъ древностей. Развалины кремля Святограда и теперь видны близъ г. Арконы.

На томъ же островѣ, въ г. Стопень-камень (нынѣ Штубенкаммеръ) также было три чтимыхъ храма: Сварогу, Перуну и Волосу. Въ храмѣ Волоса хранилась золотая сошка, упавшая съ неба Микулѣ Селиншновичу. Другая хранилась въ Микуль-борѣ, нынѣшнемъ нѣмецкомъ Мекленбургѣ.

Тацитъ говоритъ о поклоненіи славянъ на о. Рюгенѣ богинѣ земли—Матказемѣ (Гертѣ). Драгоценную статую этой богинѣ съ серпомъ въ правой рукѣ и со снопомъ изъ золотыхъ прутьевъ съ лянтарными колосьями въ лѣвой возили на колесницѣ по селамъ съ весны до Купалы. Остатки этого храма у нѣмцевъ теперь называются Гертабургомъ. (См. стр. 49—52 и 100—103).

Слѣдовательно, прибалтійскіе славяне еще въ глубокой древности считались однимъ изъ цивилизованнѣйшихъ народовъ сѣвера, знавшихъ архитектуру, ваеніе, литье статуй и другія искусства и торговавшихъ по всему балтійскому побережью съ народами запада, а по Волгѣ и другимъ рѣкамъ съ народами востока. Отъ нихъ то новгородцы унаслѣдовали и долгое время удерживали свою архитектуру храмовъ и своеобразное внутреннее ихъ устройство.

Иконостасы новгородскихъ церквей во многомъ отличались отъ

греческихъ, принятыхъ Кіевомъ и Москвой. Последніе были высоки до самаго верха, съ образами въ 4 и 5 ярусовъ, съ рѣзбою глухихъ орнаментовъ, окрашенныхъ въ одинъ золотой цвѣтъ; иконостасы же церквей новгородскихъ были не высоки, въ видѣ нынѣшнихъ католическихъ, съ рѣзбой сквозной и цвѣтной, при сочетаніи любимыхъ новгородцами, цвѣтовъ: *краснаго съ синимъ или зеленаго съ серебряными разводами*. Подобная сквозная рѣзба встрѣчалась еще въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія у дунайскихъ славянъ и въ Угорщинѣ.

Итакъ. храмы, построенные древними новгородцами, можно безошибочно отличить по тремъ признакамъ: плану, фасаду и рѣзбѣ иконостаса.

Подобнаго типа старыя церкви XVI и XVII в. в. изслѣдователемъ древняго зодчества Е. Ознобишинымъ были найдены въ 1865—75 г. г. по пути слѣдованія новгородцевъ: по р. Сухонѣ, въ окрестностяхъ Устюга, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по Волгѣ и Сурѣ, близъ Царицына и Дубовки и въ Донской области въ округахъ: Хоперскомъ, Усть-Медвѣдицкомъ, Первомъ и Второмъ-Донскихъ, въ станицахъ, хуторахъ и селахъ: 1) въ слободѣ Гуляевкѣ, на р. Арчадѣ, перенесенная туда съ р. Иловли въ 1836 г. Планъ этой церкви (въ 1872 г.) осьмигранный, съ зарѣзами на углахъ, чисто новгородскими: наружная обшивка стѣнъ гонтовая; иконостасъ сквозной рѣзбы, окрашенный въ цвѣта красный и синий съ серебряными и золотыми орнаментами самаго перваго новгородскаго рисунка, сходнаго съ персидскимъ. 2) Въ ст. Урюпинской (Вознесенская), перенесенная туда съ р. Кардаила. Планъ ея много измѣненъ пристройми: 3) въ ст. Петровской на Хопрѣ, перенесенная туда, по сказанію старожиловъ, съ другого мѣста, но съ какого, никто достоверно не знаетъ; 4) въ ст. Голубинской, хорошо сохранившаяся, какъ по плану, такъ и рѣзбѣ иконостаса; 5) въ ст. Сиротинской, нѣсколько измѣненная передѣлками; 6) въ ст. Еланской; 7) Усть-Бѣлокалитвенской; 8) въ хут. Ямайскомъ; 9) въ ст. Кѣлтской (Троицкая); 10) Пятизбянской, разобранная, по сказанію старожиловъ, въ 1853 г. атаманомъ Гусевымъ на собственныя надобности; 11) Цымянской, 12) Качалинской, 13) Усть-Хоперской, 14) Перекопской, 15) Раздорской на Дону, 16) Раздорской на Медвѣдцѣ, 17) Правоторовской, 18) Арженовской, 19) Ярыженской, 20) Богоявленской и др.

Окна въ этихъ церквахъ до начала XIX были круглыя и маленкія, такъ что впечатлѣніе внутренности подобнаго храма было мрачно и напоминало скорѣе грознаго языческаго Сваргу прибалтійскихъ славянъ, чѣмъ кроткаго Иусеа.

Во многихъ другихъ церквахъ Дона Е. Ознобишинымъ найдены, обыкновенно въ колокольняхъ, обломки старыхъ, когда-то существовавшихъ иконостасовъ съ чисто новгородскою рѣзбой и окраской.

По поводу приведенныхъ данныхъ относительно новгородской архитектуры донскихъ церквей многіе могутъ возразить, что церкви эти строили не казаки, а случайные подрядчики по своему вкусу и умѣнью. На это мы отвѣтимъ, что въ XVI и XVII в. в. на Дону церкви строились мѣстными мастерами, а не пришлыми: постройка церкви была дѣломъ народнымъ, а не капитала. Лучшими же мастерами-плотниками на пространствѣ всей тогдашней Руси были новгородцы. Царь Иванъ IV въ 1551 г. повелѣлъ новгородскимъ мастерамъ въ Устюгъ срубить деревянную церковь и перевести ее въ только что построенный г. Свіяжскъ. Повелѣніе было исполнено. Церковь эта, чисто новгородскаго стиля, находится въ тамошнемъ женскомъ монастырѣ.

Исторія происхожденія этого храма можетъ служить самымъ лучшимъ доказательствомъ предположенія, что москвичи и рязанцы не были въ то время искусны въ возведеніи большихъ деревянныхъ построекъ, въ виду чего московскій царь, не имѣя въ Свіяжскѣ подъ рукою кирпича, вынужденъ былъ заказать постройку храма въ отдаленномъ Устюгѣ, тогда какъ подъ бокомъ находился Нижній, Муромъ, Владиміръ и Кострома съ самымъ удобнымъ сплавленнымъ путемъ по рѣкамъ Окѣ и Волгѣ. Слѣдовательно, если московскій царь не нашелъ въ своемъ государствѣ искусныхъ плотниковъ и рѣзчиковъ лучше новгородскихъ, то гдѣ бы ихъ могли взять донскіе казаки того времени для постройки своихъ изящныхъ церквей, если бы среди нихъ не было новгородцевъ. Также могутъ возразить, что донскимъ казакамъ, какъ занятымъ постоянно войной, некогда было самимъ заниматься постройкой церквей. Такъ-ли? Въ г. Новомосковскѣ, основанномъ, какъ извѣстно, на мѣстѣ стараго Запорожья, до сихъ поръ сохранилась деревянная церковь, собственноручно построенная однимъ запорожскимъ казакомъ въ XVII в. Ужъ если дикій запорожецъ нашелъ время и сумѣлъ построить церковь, то среди домовитыхъ донскихъ казаковъ всегда

могли найтись люди для добраго дѣла, а вѣдь домовитостью-то на Дону и предпримчивостью отличались только одни новгородцы, т. к. запорожцы и азовскіе казаки составляли въ донскихъ городкахъ лишь приселки — хазовки, т. е. азовки.

Новгородъ раздѣлялся на городскіе концы, имѣвшие каждый своего святого патрона, и на братовщины, праздновавшіе дни своихъ святыхъ великимъ пьянствомъ и бѣснованіемъ. Члены братовщины *никольщичины* были самые буйные, самые свободолюбивые и шумливые вѣчевики и ярые враги боярства. Храмовые престольные праздники этой братчины сопровождался такимъ пьянствомъ и буйствомъ, что отцы новгородской церкви приходили, какъ и московскіе святители, въ ужасъ отъ этихъ *бѣснованій*. Новгородскій консерватизмъ, скорѣе — упрямство и нежеланіе подчиниться чужеземному вліянію, сумѣлъ соединить въ себѣ и новые христіанскіе, и древніе языческіе обряды, смѣшавъ тѣ и другіе въ одну кучу. Считаясь усердными христіанами и строя богатые храмы, они въ то же время, судя по новгородскимъ лѣтописямъ, ни за что не хотѣли слѣдовать требованіямъ церковнаго византійскаго устава, не слушались своего, ими же самими избраннаго на вѣчѣ духовенства, женились по 4, 5 и 6 разъ и также легко разводились на томъ же вѣчѣ: этотъ обычай они занесли и въ Хлыновъ (Вятку), какъ это видно изъ грамоты митрополита Геронтія 1471 г., что „хлыновцы не соблюдаютъ родства, вступаютъ въ кровосмѣшеніе и женятся 4, 5 и 6 разъ“ Новгородское духовенство, не подчиняясь Москвѣ, исполняло это требованіе народа. Бракъ тоже носилъ отпечатокъ язычества: священникъ ѣхалъ верхомъ впереди всѣхъ въ ризѣ и съ крестомъ въ рукахъ; за нимъ ѣхалъ также верхомъ женихъ въ красномъ камзолѣ съ серебряными позументами и высокою съ краснымъ верхомъ шапкѣ, сопровождаемый волхвомъ — колдуномъ, знахаремъ, какъ и унасъ въ старину на Дону; вокругъ священника плясали и бѣсновались свахи, закутанныя въ разныя ткани; за поѣздомъ жениха и невесты ѣхали верхомъ на лошадахъ поѣзжане съ гикомъ, крикомъ, гарцованьемъ, стрѣльбою, пѣснями и музыкой. (Пусть вспомнятъ старожилы, — это было и у насъ на Дону). Подобный новгородскій свадебный обрядъ на Русѣ запрещенъ соборомъ епископовъ 1667 г.

Изъ *никольщичины* выходили, по народнымъ преданіямъ, и тѣ удалые ушкуйники-повольники, которые, недовольные порядками на

родинѣ. основывали по сѣверу, востоку и юго-востоку нынѣшней Россіи новыя колоніи и наводили страхъ не только на сосѣдніе народы. но даже и на московскія окраины. Николай *угодникъ* былъ любимымъ святымъ этихъ удалыхъ добрыхъ-молодцевъ и во всѣхъ путяхъ жизни былъ могучимъ ихъ патрономъ и покровителемъ. Самое имя Николай считалось у братчины въ Новгородѣ и Псковѣ, какъ у Гетовъ-Руссовъ богъ Марсъ, признакомъ смѣлости, безстрашія и безнаказанности. Юродивый Николай Качановъ всенародно порицалъ новгородскую разладицу, тогда какъ другіе безнаказанно этого сдѣлать не могли. Въ Псковѣ юродивый Салоса, прикрывшись именемъ Николая, совалъ неистовавшему тамъ Грозному царю кусокъ кроваваго мяса, смѣло называя его убійцей и кровопійцей, и остался безнаказаннымъ, т. к. магическое имя Николай ограждало его отъ всякихъ бѣдъ. Ушкуйники изъ братовщины никольщины популярностъ имени этого святого перенесли и на Донъ и первыя свои часовни и церкви посвящали ему.

Старая церковь (XVI в.) Пятизбѣнской станицы, гдѣ по преданію крестился Степанъ Разинъ, была во имя св. Николая.

Церковь въ ст. Еланской до 1828 г. была во имя св. Николая.

Церковь ст. Голубинской. (1735 г.), Сиротинской (1740 г.), Верхне-Чирской (1700 г.), Цымлянкой (1715 г.), Кременской (1744 г.), Усть-Медвѣдицкой (съ 1595), Глазуновской (до 1759 г.), Арчадинской, Усть-Хоперской (1724 г.), Мигулинской, Мелеховской, Кочетовской (1720 г.), Усть-Быстрянской, Усть-Вѣлокалитвенской, Луганской (1732 г.), Верхне-Михалевской (нынѣ Николаевской), Быстрянской (нынѣ Маріинской) — часовня (1735 г.), Нижне-Каргальской (1672 г.) — часовня, Скородумовской (въ г. Черкасскѣ,) Арженевской, Правоторовской, Ярыженской, Етеревской, Петровской, Урюшинской — всё были во имя св. Николая. ²⁵⁴⁾

Кромѣ всего сказаннаго, изслѣдователь древняго церковнаго зодчества на Дону и въ новгородскихъ областяхъ Е. Ознобишинъ видѣлъ въ 1872 г. въ церкви ст. Раздорской на Дону ветхую

²⁵⁴⁾ Истор. описаніе станицъ в. Дон. П. М. Сулина, Новочерк. Въ Саратовской консисторіи, по уѣзренію академика Е. Ознобишина и описанію Леопольдова, 80 лѣтъ зашпамавагося этнографическими изслѣдованіями Саратовской губ., хранятся ветхія антикисы изъ древнихъ церковей поселеній по р. р. Хопру и Медвѣдицѣ. Антикисы эти, освященные еще епископами Сарсскими и Подонскими въ XIII, XIV и XV в. в. (см. стр. 195), состоятъ изъ небольшихъ кусковъ самаго грубаго посковнаго холста. Слѣдственно, и въ татарскій періодъ по названіямъ р. р. жили христіане, изъ которыхъ въ концѣ XV в. приковывали и обновили разоренную такъ татарами доживитие новгородцы.

обшивку священническихъ облаченій по бархату золотомъ съ надписью славянскими буквами: „Въ память болгарина князя Георгія (слово утрачено) Сицкаго (утрачено) въ Раздорскую церковь на Дону отъ княгини“... Дагдѣ все истлѣло и высыпалось. Объ этой обшивкѣ пишущій эти строки самъ слышалъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія отъ покойнаго протоіерея ст. Раздорской Бондаревского.

Невольно является вопросъ: какое отношеніе имѣли князья Сицкіе къ казакамъ ст. Раздорской? Георгій Сицкій былъ сынъ князя и большого воеводы Василя Сицкаго, убитаго при Иванѣ Грозномъ въ войнѣ съ Стефаномъ Баторіемъ. Еще при жизни отца Георгій Сицкій возбудилъ споръ о старшинствѣ вмѣстѣ съ Борисомъ Годуновымъ и споръ былъ рѣшенъ не въ его пользу. Вскорѣ Георгій умеръ насильственной смертію. Съ нимъ прекратился прямой родъ Сицкихъ.

Князья Сицкіе были выходцы изъ Литовской Руси, и дѣдъ князя Георгія былъ вмѣстѣ съ Шуйскимъ кормленнымъ княземъ новгородскимъ. т. е. жившимъ на жалованьѣ (кормленіи) Великаго Новгорода за обязанность, въ случаѣ вѣшней войны, предводительствовать новгородскими дружинами; въ мирное же время князья эти никакой роли не играли и не имѣли права вмѣшиваться во внутреннее управленіе края, такъ какъ это право исключительно принадлежало вѣчу. Кормленныхъ князей въ Новгородѣ было много и всѣ они съ паденіемъ вѣчеваго правленія перешли на службу въ Москву. Для насъ важенъ не вопросъ о мѣстничествѣ Сицкаго съ Годуновымъ, а то, что внука кормленнаго князя новгородскаго, помня старую хлѣбъ соль, трудится надъ вышиваніемъ золотомъ священнической ризы и посылаетъ ее въ Раздорскую на Дону казакскую церковь съ просьбой помолиться о душѣ замученнаго Грознымъ царемъ ея мужа.

Изъ кого же состояла Раздорская на Дону казачья община, если не изъ домовитыхъ и высоконравственныхъ новгородцевъ. Только они то, независимые отъ Москвы и знавшіе князей Сицкихъ, могли, по убѣжденію княгини, помянуть ея мужа и помолиться за упокой его души. Вѣдь къ бѣглымъ преступникамъ, какими представляютъ казаковъ нѣкоторые наивные историки, религіозная московская аристократка не обратилась бы, такъ и къ

подобный элемент плохой молельщикъ за души князей-аристократовъ.

Бутковъ въ своихъ матеріалахъ для новой исторіи Кавказа (т. I) говоритъ, что въ Астрахани въ 1591 г. былъ воеводоу князь Сицкій. Имени этого воеводы Бутковъ не называетъ. Въ какомъ родствѣ этотъ послѣдній состоялъ съ Георгіемъ Сицкимъ, неизвѣстно. Для насъ важно только то, что князья Сицкіе выходцы изъ Новгорода и что одна изъ княгинь этого рода считала Раздорскую донскую казачью общину за людей благонадежныхъ и религіозныхъ, родственныхъ ей по духу и убѣжденіямъ, и послала этой общинѣ свой драгоценный даръ.

Выше было сказано, что планъ новгородскихъ церквей и орнамента иконостасовъ сходны съ древне персидскими; это многих удивить. Вопросъ же рѣшается очень легко. Цивилизація въ Персію или Иранъ занесена изъ древней Аріаны.

Эта же цивилизація другой вѣтвью арійцевъ, послѣ катастрофы въ Аріанѣ, занесена на Волгу и въ Приазовье, а оттуда распространилась по воднымъ путямъ на берега Балтійскаго моря и особенно удержалась тамъ, гдѣ славянскія племена не поддались чуждому вліянію, какъ на примѣръ, въ Новгородѣ и его областяхъ.²⁵⁾

Представленные на археологическій съѣздъ въ Кіевѣ 1874 г. г. Стасовымъ, Сологубомъ, Волковымъ и др., собранные ими въ большомъ количествѣ, народные рисунки-узоры, вышивки въ цвѣтахъ, народная орнамента до XVII в. губерній Кіевской, Черниговской, Волынской, Смоленской и Полтавской, а также найденные г. Ивановскимъ въ новгородскихъ могилахъ XI и XII в. в. разнаго рода предметы, относящіеся къ украшеніямъ и вооруженію (см. стр. 94), ясно показали, что наши предки многое заимствовали (цвѣта, узоры и орнаменты) съ востока, вѣрнѣе—сохранили въ первобытной формѣ культъ своей древней родины—Аріаны и соединяго съ ней—Ирана. Извѣстно, что востокъ особенно любилъ

²⁵⁾ См. стр. 157—162 и примоску 130. Въ догадкѣ и изслѣдованіи г. г. Павлова, Корсикова, Сингерова, Бульдина, Бестужева-Рюмина и археолога гр. Уварова и др. о когда то существовавшей на Волгѣ арской племенн объясняется очень просто: часть арійцевъ изъ Аріаны по восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря перешла на Волгу и привнесла свою цивилизацію моряско-черемисскимъ племенамъ, оставивъ изъ въ наследство или богами *азарь* или *азарь* и названна Арское поле (близь Казани), Ардатовъ, Арзамасъ, кон-азъ - вѣдь, каковымъ племенъ получавали правители мордвы, и др., а также наименованіе р. Волги—Ра, Рака и Аракъ, означая вода или болото *арсы*, древнерусскаго города Рязань, отъ жидкокалтыковъ Азіацы — *расово*.

цвѣта красный, синій, зеленый, черный и желтый и всецѣло передать эти цвѣта въ наслѣдіе славянамъ.

Новгородцы всегда любили сочетаніе цвѣтовъ красного съ синимъ въ одеждѣ, съ дополненіемъ черного, и зеленого съ серебряными разводами въ орнаментациі построекъ своихъ капищъ, а потомъ и церковей и эту любовь къ цвѣтамъ цѣлкомъ перенесли на Донъ вмѣстѣ съ упорствомъ въ сохраненіи своихъ старыхъ прадѣдовскихъ обычаевъ, вѣчевымъ правленіемъ, съ своеобразнымъ отношеніемъ къ церкви и проч.

Помимо всего изложеннаго, связь новгородскихъ областей съ Дономъ сказывается еще, кромѣ народнаго говора, о чемъ мы уже говорили, въ памятникахъ народнаго эпоса и оставшейся письменности. ²⁵⁶). Извѣстно, что всѣ былины о князѣ Владимірѣ и древне-русскихъ богатыряхъ его эпохи, какъ-то: Ильѣ Муромцѣ—матеромъ казакѣ, Добрынѣ Никитичѣ, Алешѣ Поповичѣ и боѣ его со змѣемъ Горыничемъ, Дюкѣ Степановичѣ и др. найдены въ новгородскихъ областяхъ и Западной Сибири, куда новгородская колонизація проникла рано, какъ и казацкая въ XVI в. ²⁵⁷).

Эти же былины, хотя и не въ цѣлости, а нѣкоторыя съ другими вариантами, но тождественныя по языку и способу выраженной мысли и чувства, а также и стихосложенію, найдены и на Дону въ станицахъ Клѣтской (Ильѣ Муромцѣ), Усть-Быстринской (Бой Алеши Поповича со змѣемъ, Дончакѣ—Добрыня Никитичъ, споръ сокола съ конемъ, споръ Ивана Гардиновича съ княземъ Владиміромъ), Богаевской (Дюкѣ Степановичѣ), Пятизбѣянской (про Кузюшку), Нижнекурморской (про Александра Македонскаго и дочь кн. Владиміра, молодого наѣздника и Аннушку, дочь княжескую),

²⁵⁶) Говоръ казаковъ обивовыхъ станицъ, такъ называемый *черкасскій*, отличающійся сосюкашеемъ и сѣднваніемъ шипящихъ звуковъ съ свистящими есть собственно говоръ казаковъ *азовскихъ*, сложившійся въ теченіе вѣковъ подъ вліяніемъ эллинизма. Говоръ этотъ казаки перенесли на Терекъ, въ старія гребенскія станицы, и въ назвѣе Урага. Образцы этого говора: *Миса*—Миша, *Саса*—Сама, *Маса*—Мама, *Дуса*—Душа (Авдотья), *Боцика*—Божечка, *игруцика*—игрушечка, *вещь*—вещь, *ми* поставили *угодницку* *свѣцичку*, невозможно жить (жить), шорокъ—сарокъ, шкажу—скажу, патицца—патицца, крыша—крыса, отчего можно услышать такую фразу: у насъ ночь *крисай* *крѣпши* завелась.

²⁵⁷) Сборникъ Кириши Данилова, составленный въ началѣ XVIII в. для Дежидова со словъ сибирскихъ людей*.

Арженовской (Индѣй землю и Индикъ-звѣря). Усть-Бѣлокалитвенской (Индрикъ-звѣря). Маріинской (споръ сокола съ конемъ—другой вариантъ) и въ др. ²⁵⁸).

Въ сборникахъ донскихъ пѣсень С. Робуша, Сальникова, А. Савельева, А. Н. Пивоварова и др. также имѣются древнія казачьи былинные пѣсни, записанныя со словъ старожиловъ. По идеѣ, способу изложенія и по выраженію чувства и мысли эти былины-пѣсни поразительно схожи съ древними былинами, найденными въ новгородскихъ областяхъ, т. е. въ губ. Новгородской, Олонецкой, Архангельской и др., даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тождественны.

Днѣпровская Русь (малороссійская) и московская (владимиросуздалская) былины этихъ не знаетъ, первая потому, что съ уходомъ, послѣ Владиміра и удѣльныхъ князей, новгородско-варажскихъ дружинъ на сѣверъ, иначе сказать—съ отдѣленіемъ Новгорода отъ Кіева и Владиміра въ прежнюю, самостоятельную жизнь, на Днѣпрѣ сталъ преобладать элементъ мѣстный. Червоноднѣпровской Руси во главѣ съ черкасско-запорожскимъ казачествомъ, съ его вѣковой борьбой съ татарами и турками, а потомъ съ Польшей, съ другими интересами и идеями, съ другими героями и новыми героическими пѣснями. Старыхъ эпическихъ богатырей забыли, т. к. на смѣну имъ явились новые. Московская же Русь древнихъ богатырей совсѣмъ не знала. Одинъ Новгородъ помнилъ о нихъ, такъ какъ они стояли ближе къ нему по духу и вышли большею частью изъ среды его дружинъ. Пѣсни о нихъ они перенесли и на Донъ. Кромѣ того, какъ говоръ новгородскихъ областей, такъ и языкъ новгородскихъ лѣтописей и былинь отличаются замѣчательной чистотой и легкостью, которая приближаютъ его къ современному литературно-народному. Владиміро-суздальская Русь, а потомъ московская этимъ языкомъ не говорили, по крайней мѣрѣ, письменныхъ памятниковъ о томъ по себѣ не оставили, а то, что имѣется подъ руками (болѣе 100 томовъ дипломатической переписки Москвы съ сосѣдями) представляетъ какую-то неудачную смѣсь древне-славянскаго языка съ мѣстнымъ московско-суздаль-

²⁵⁸) Пѣсни донскихъ казаковъ, собранныя А. М. Листопадовымъ и С. Я. Арфининымъ въ 1902—3 г. г., выпускъ I, изд. в. Дон., 1911 г. Былины эти съ разными вариантами пѣлись и теперь еще повсюду стариками по всему Дону, хотя многія изъ нихъ до сего времени еще не записаны.

Былина про Кузюку—вариантъ былины объ Илѣ Муромцѣ.

скимъ говоромъ.²⁵⁹) Такъ называемый современный московскій говоръ, чистый и легкій, есть уже работа позднѣйшихъ вѣковъ, сложившійся, какъ въ столицѣ, изъ лучшихъ русскихъ элементовъ подъ влияніемъ новгородскихъ областей, какъ болѣе культурныхъ, и Литовской Руси, разившейся раньше Москвы. При этомъ надо имѣть въ виду, что этотъ говоръ распространенъ только въ окрестностяхъ Москвы, по радіусу не болѣе 100 верстъ. Сосѣднія губерніи имѣютъ каждая свой особенный говоръ.

Старые донскіе письменные памятники, помимо пѣсенъ и былинь, отличаются, какъ и новгородскіе, такой же чистотой и легкостью. Лѣтописныя сказанія объ Ермакѣ и его подвигахъ, писанныя его сподвижниками-новгородцами, среди которыхъ грамотность была развита, имѣютъ тѣже достоинства.

Отписки казаковъ Москвѣ XVI и XVII в. в. по поводу случившихся на Дону событій отличаются замѣчательной чистотой языка. Кто же писалъ эти документы, если не новгородцы? Вѣдь нельзя же допустить, что отписки эти составляли неоднократно переселявшіеся на Донъ партіями запорожцы, которые, въ силу историческихъ судебъ, сталкиваясь и пополняясь малороссами, говорили языкомъ галицко-днѣпровской Руси; и не казаки азовскіе, какъ оторванные многіе вѣка отъ Россіи подъ влияніемъ грековъ имѣли совсѣмъ особенный говоръ, приведенный нами въ выноскѣ 256; также не казаки рязанскіе, сѣверскіе и бѣлгородскіе, имѣвшіе свой говоръ. Эти документы писали новгородцы, поселившіеся на Дону. Приведемъ образцы этихъ отписокъ.

Въ 1630 г. по поводу казни боярина Карамышева въ Черкасскѣ, казаки писали царю: „Мы, Государь, неотступники, неизмѣнники и нелакомцы: служимъ тебѣ, Государю, вѣрно... Государь! если мы тебѣ и всей землѣ русской ненадобны,—не воспротивимся: Донъ рѣку отъ низу и до верху и рѣки запоянная, отъ самыхъ украинныхъ городковъ, крымцями и ногайцами осквернѣла и съ Дону, если укажешь, сойдемъ.“²⁶⁰)

²⁵⁹) Сбор. Изв. Рос. Ист. О-ва, т. 1—124. „Донскіе дѣла“ стр. 1 в II. Аистъ Г. М. Лавина, I—III в др.

²⁶⁰) Въ 1630 г. Михаилъ Феодоровичъ за разореніе казаками турецкихъ владѣній прислалъ на Донъ 28 августа оцальную грамоту и вѣстку нацѣларамъ объ отлученіи ихъ отъ царскаго двора, требовавъ отъ нихъ помириться съ султаномъ, соединиться съ турками и татарами и идти вѣдѣть съ ними воевать земан польскаго короля. Грамоту эту при-

Въ 1632 г. по поводу требованія принести присягу Москвѣ на вѣрность службы казаки шесали: „Крестнаго цѣлованія на Дону, какъ и зачалъ Донъ казачьи годовами, не повелось; при бывшихъ государяхъ старые казаки имъ, государимъ, неизменно служивали не за крестнымъ цѣлованіемъ; въ котороз время царь Иванъ стоялъ подь Казанью и по его государеву указу атаманы-казаки выходили съ Дону и съ Волги и съ Инка и съ Терека и атаманъ Сусаръ Федоровъ и многіе атаманы — казаки ему, государю, подь Казанью служили — не за крестнымъ цѣлованіемъ“.

Отписка казаковъ 1637 г. по поводу взятія Азова, полная чувства искренности и поэтическихъ красотъ:

„Пошли мы подь градъ Азовъ съ великія скорби, помня свое крещеніе и свитыя Божія церкви и свою истинную крестьянскую (христіанскую) вѣру... и пошли, государь, мы подь тотъ градъ Азовъ, всѣ утвердилися сердцами своими единомышленно и поболѣвъ душами своими о нашей крестьянской вѣрѣ, и его осадили, апрѣль въ 21 день... и тотъ градъ мы взяли іюня въ 18 день и тѣхъ бусурмановъ, азовскихъ людей, подь мечъ подклонили и всѣхъ за ихъ неистовство побили... И Божію, государь, милостию и Пречистыя Богородицы помощію и святого славнаго пророка и предтечи крестителя Господня Іоанна умоленіемъ посольскихъ людей на колодахъ пронесло мимо града на низъ въ наши таборы съ ихъ измѣнничьи грамоты и мы, государь, не утерѣвъ сію измѣну и за то волшебство ихъ, что стоя подь Азовомъ тернимъ голодь великой и всякія нужныя скорби, того турецкаго посла Оому Кантакузиня со всѣми его людьми побили до смерти“... 261).

везъ на донъ Иванъ Каравышевъ. Казаки окончательно воспротивились переходу повелѣнію, говоря, что они никогда не служили съ врагами христіанства за одно. За гордое обращеніе и угрозы казаки убили Каравышева и бросили въ Донъ, а царю послали отписку, приведенную выше.

261) Въ то время, какъ казаки готовились ко взятію Азова, на Дону по пути въ Москву прибавъ турецкій посольскъ грекъ Оума Кантакузинъ. Казаки задержали его и продолжали свое дѣло. Скоро они узнали, что посольскъ тайно слесится съ крымцами и зювцами, предупреждая ихъ о скорой истребѣ Азова. Посланый въ Азовъ Кантакузинъ былъ пойманъ казаками и во время сна убитъ. Кантакузинъ былъ казненъ Варшавъ чрезъ подвѣсъ чашъ стѣны, казани въ 4 часа утра 18 іюня 1637 г., очитываясь передъ стѣною постомъ и молитвою и исповѣдавшись, пошелъ на приставъ, говоря со слезами дружъ другу, поддѣржамъ, брати, несть намъно армянъ, состоимъ за правъ-славную вѣру и за святой храмъ; удержъ, если такъ суждено, не не пострамидъ себя“.

Пѣсня, сложенная по преданію, самимъ Степаномъ Разиннымъ
въ 1671 году.

Схороните меня, братцы,
Между трехъ дорогъ.
Межь Московской, Астраханской,
Славной Кіевской;
Въ головахъ моихъ поставьте
Животворный крестъ,
А въ ногахъ моихъ положьте
Саблю вострую.
Кто пройдетъ или проѣдетъ—
Остановится,
Животворному кресту онъ
Тутъ помолится,
Моей сабли, моей вострой
Испугается:
Что лежитъ, молъ, воръ удамый,
Добрый молодець,
Стенька Разинъ, Тимофеевичъ
По прозванію. 262).

Возваніе атамана Кондратія Булавина къ казакамъ въ 1707 г.: „Всѣмъ старшинамъ и казакамъ за домъ Пресвѣтыя Богородицы, за истинную христіанскую вѣру и за все великое войско Донское, также сыну за отца, брату за брата и другу за друга стать и умереть за одно! Зло на насъ умыслиють, жгутъ и казнятъ напрасно, вводятъ въ эллинскую вѣру и отъ истинной отвращають. А вы вѣдаете, какъ наши дѣды и отцы на всемъ Полѣ жили и какъ оное тогда крѣпко держалось; нынѣ же наши супостаты старое наше Поле все перевели и нивочто вѣѣрили и такъ, чтобы намъ его вовсе не потерять, должно защищать единодушно и въ томъ бы всѣ мнѣ дали твердое слово и клятву“. 263).

²⁶²⁾ Слово воръ въ то время, т. е. въ XVI и XVII в. в. означало *ослушникъ*, бунтовщикъ, не признававшій ничьей власти.

²⁶³⁾ Тайные проповѣдники старообрядчества впервые появились на Дону въ 1676 г., когда казаки случайно узнали, что поселившіеся на Крымской сторонѣ черныи не молятъ Бога за царя и патріарха. Одинъ изъ этихъ старцевъ былъ схваченъ и сожженъ въ Черкасскѣ. Но скоро старые донскіе политиканы, недовольные московскими порядками, Самойла Лаврентьевъ, Павелъ Чекуновъ, Кирилъ Чурносовъ и др., поняли, что покровительствуя расколу, они легко могутъ избавиться отъ вліянія Москвы, а потому, не входя въ детали религіознаго ученія старообрядчества, всячески старались залучить

Такихъ образцовъ письменности въ матеріалахъ для исторіи Дона очень много. Языкъ этихъ документовъ, какъ сами могутъ убѣдиться читатели, съ письменными памятниками Москвы XVI и XVII в. в. имѣеть мало общаго. Это языкъ древнихъ новгородцевъ.

Въ верховыхъ станицахъ преобладаетъ говоръ на *я* и на *ша*: чаво, яво, ишшо и ишто, штобы, няльзи, табя, сабя, мяня, бра тишша, дружишша, переходящій ниже, во 2-й и 1-й Донскіе округа, въ болѣе смягченный: чиво, иво, тибѣ, сибѣ, минѣ, онѣ говоря, пиша, читая (читаетъ), ходя, ѣдя, бѣгить и др. Далѣе, въ низовьяхъ Дона и по Донцу въ говоръ казаковъ начинаютъ уже примѣшиваться слова малороссійскія, занесенныя туда запорожцами и малороссійскими черкасами, часто съ мягкимъ выговоромъ на *ми* и *ви* (мы и вы). Также появляются и малороссійскія фамиліи казаковъ, съ позднѣйшимъ прибавленіемъ окончанія на *овъ*, а также на *ій* и *ичъ*: Трофименковъ, Абраменковъ, Филенковъ, Ханжонковъ, Сидоренковъ, Гайдамаченковъ, Тимощенковъ, Савченковъ, Панченковъ, Лехницікій, Крупницікій, Луковскій, Вансецікій, Вѣнцовичъ, Балашевичъ, Облакевичъ и др.

Вообще на Дону чуть ли не въ каждой станицѣ или въ каждомъ районѣ въ простанародѣ имѣется свой особенный говоръ, отличный отъ великороссійскаго. Но не смотря на все это, по всему Дону, отъ верху и до низу, красной нитью проходитъ по станицамъ и хуторамъ говоръ новгородскій, чистый и звучный, какъ и бросающійся въ глаза самый типъ этого элемента казачества, его домовитость и закоренѣлый консерватизмъ, удерживающій съ поразительной стойкостью древніе обряды и обычаи, а также и религіозныя міровоззрѣнія въ видѣ старообрядчества и разнаго рода сектанства.

къ себѣ побольше приверженцевъ и съ ихъ помощью отстоять старія казачьи права, наполнившу уже огнище Москвою, въ особенности послѣ подавленія бунта Степана Разина. Хотя войсковой *Кругъ*, во главѣ съ атаманомъ Фроломъ Минаевымъ, вѣрными приверженцемъ Москвы, и выдалъ главарей раскола (въ Москвѣ они были казнены), но скоро многіе дальновидные донскіе дѣятели увидѣли, что они, выдавъ своихъ согражданъ, сдѣлали большую ошибку. Отлич настроеніемъ воспользовался атаманъ Ковдратій Булавинъ, поднявъ Донъ противъ самовласти Петра Великаго и его вельможъ. Приверженцы Булавина среди простыхъ казаковъ проповѣдывали, что „Римъ, поляки и Кіевъ съ товарищи, и Греки, и Москва отвали отъ истинной вѣры и исповѣдываютъ латинскую и новозавѣдную“. Вотъ почему въ письмѣ Булавина, приведенномъ выше, и употреблено выраженіе: „вводитъ въ аллинскую вѣру, а отъ истинной отмарачивать“. Расколъ на Дону“. В. П. Дружининъ. С.-Пет. 1889 г.

Общій выводъ.

Народы древней Аріаны, жившіе по Семирѣчью въ средней Азій (ст. 157—162) и извѣстные въ наукѣ подъ общимъ названіемъ *арійцевъ*, за нѣсколько тысячелѣтій до нашей эры стояли уже на высокой степени развитія; объ этомъ свидѣлствуютъ оставленные ими письменные памятники, собранные въ двухъ книгахъ Авесты и Ригъ-Веды.

Въ гимнахъ Ригъ-Веды очень часто встрѣчается терминъ „Асуръ“ и „Асуры“. связываемый всегда съ орошеніемъ страны, отъ чего собственно и была богата Аріана. Этимъ именемъ называли какихъ-то полубоговъ, то благодѣтельныхъ, которымъ поклонялись, то вредоносныхъ, которыхъ страшились, то какихъ-то титановъ, съ которыми нѣрѣдко боролось высшее божество. Ни одинъ изъ комментаторовъ арійскихъ книгъ не опредѣлилъ ясно, какую собственно роль играли Асуры въ Аріанѣ; мы же, прослѣдивъ внимательно гимны Ригъ-Веды, въ которыхъ говорится объ Асурахъ, скажемъ положительно, въ чемъ читатели убѣдятся ниже, что этимъ именемъ арійцы называли свое военное сословіе и своихъ національныхъ героевъ, охранителей очень сложныхъ и цѣнныхъ оросительныхъ сооружений. Въ мирное время они ими тяготились, а въ военное, при столкновеніи съ окружающими ихъ полудикими народами, восхваляли и превозносили до небесъ. Мы такъ судимъ объ этомъ не по міровоззрѣніямъ массы, которая намъ неизвѣстна, а лишь по поэтическимъ произведеніямъ отдѣльныхъ пѣвцовъ, оставившихъ намъ свои гимны.

Послѣ геологической катастрофы, постигшей Аріану болѣе чѣмъ за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. (стр. 160), арійцы стали искать новыхъ мѣстъ для поселенія (см. выноску 139).

Часть изъ нихъ, болѣе культурная, судя по сохранившимся письменнымъ памятникамъ, переселилась на югъ въ Пенджабъ, въ Пятирѣчье, и далѣе въ Индію, подъ именемъ Индовъ (Порѣчанъ) и Саковъ или Сакіевъ (стр. 59 и 60); другая осталась въ сосѣдней Бактріанѣ подъ этимъ послѣднимъ названіемъ, т. е. Саковъ, и Гетовъ или Массагетовъ; третья проникла на Иранъ подъ именемъ Ировъ или Аровъ (арійцевъ) и далѣе въ Месопотамію, положивъ основаніе халдейской и ассирійской цивилизации. Главное божество Ассиріи, вѣрнѣе—первые обоготворенные завоеватели,—наз. Асуръ, Ассуръ или Ашуръ.²⁶⁾ Четвертая подъ именемъ Гетовъ (Хетовъ) образовала сильную монархію по восточнымъ угламъ Киликійскихъ воротъ, долины Евфрата и Сиріи, распространившуюся потомъ отъ береговъ Чернаго моря до Средиземнаго и Палестины (стр. 106—112), потомъ, спустя нѣсколько вѣковъ, распавшуюся. О столкновеніяхъ Гетовъ во главѣ

²⁶⁾ Древняя исторія народовъ востока. Мазеpero. М. 1903 г. Гл. IV—Халдеи, стр. 150—152; гл. VII, стр. 280—283.

других народовъ съ фараономъ Рамзесомъ II мы уже говорили въ VI главѣ, стр. 106—107.

Авраамъ по переселеніи изъ Халдеи въ землю Ханаанскую, около 2000 года до р. Х., засталъ тамъ Гетовъ или Хетовъ, жившихъ осядло въ благоустроенныхъ городахъ и отнесшихся къ нему съ покровительствомъ, какъ сильный народъ къ слабому и мирному пастуху. ²⁶⁵⁾

Этимъ и объясняется, почему въ языкахъ персидскомъ (манифестъ Дарія Гистаспа—стр. 61), халдейскомъ, ассирійскомъ, финикійскомъ и въ особенности еврейскомъ много словъ съ русско-славянскими корнями, занесенными туда при переселеніи арійцами, какъ народомъ болѣе культурнымъ, чѣмъ туземныя племена. (стр. 111).

Переселеніе арійцевъ изъ древней ихъ прародины Аріаны вызвано, какъ сказано выше, геологической катастрофой. Переселеніе это шло иногда мирнымъ путемъ, а больше завоевательнымъ. Впередѣ шли Асуры, т. е. военное сословіе, или Геты (отъ геть—идти впередъ, стр. 70 и 71), за ними уже мирные жители.

Вся Малая Азія, вплоть до Мраморнаго моря и Архипелага, усыяна памятниками древнихъ Гетовъ, въ видѣ выбитыхъ на скалахъ надписей, барельефовъ съ двуглавыми орлами, статуй, развалинъ храмовъ и др. (стр. 108). ²⁶⁶⁾

Культура древней Трои и недавно открытая археологомъ М. Эвансомъ доисторическая цивилизація на о. Критѣ (стр. 84—88), а также Этрусскіе памятники въ Италіи говорятъ намъ о великомъ народѣ Гетахъ-Руссахъ, стоявшихъ за 20 вѣковъ до нашей эры на высочайшей степени развитія, имѣвшихъ свою письменность и пользовавшихся ею въ повседневной жизни (стр. 77—84).

Вмѣстѣ съ именемъ Гетовъ тѣсно связано имя росъ, росъ, расы, рса, рша, расены, рсены, занесенное изъ древней Аріаны (стр. 44 и 161—162), а также терминъ „Ась“, означавшій первоначально народныхъ героев, потомъ боговъ. (Стр. 62 и 63).

Книга Бытіе говоритъ (гл. 10, ст. 10 и 11), что Ассуръ вышелъ изъ земли Сеннааръ и построилъ Ниневію. Послѣ этого Ассуръ сталъ богомъ и покровителемъ Ассиріи. Имена большей части первыхъ царей этой монархіи начинались со слога „Ась“ ²⁶⁷⁾.

О. Кипръ былъ извѣстенъ египтянамъ подъ именемъ Аси. ²⁶⁸⁾

Царь Гетовъ-Руссовъ Эней, умирая въ чужой странѣ, взывалъ къ древнему арійскому богу Асмену. (Надгробная плита Энея—стр. 76—78). Въ Индіи, Персіи, Халдеѣ и въ государствахъ Малой Азіи слово

²⁶⁵⁾ Книга Бытіе, гл. 23, ст. 3—17.

²⁶⁶⁾ Масперо, Древняя ист. народовъ востока, Гл. VII, стр. 247. Геты Малой Азіи жили на полонѣ Трой. (Сидней, XI, 519—521).

²⁶⁷⁾ Масперо, Гл. VII, стр. 240 и 241.

²⁶⁸⁾ Тачъ же, Гл. VII, стр. 237.

Масперо—накѣстный археологъ, востоковѣдъ и египтологъ; въ 80-хъ г. г. проинспекціонировалъ въ 1880 г. въ Бурдѣ, подъ Капрасъ.

„азъ“ означало бога или господина, а также война. Сарбазъ—солдаты пѣхотинецъ въ Персіи—царскій азъ, воинъ.

Азы—боги древнихъ скандиновъ, переселившіеся туда съ юга, изъ страны Свитодь—свѣта (стр. 54); Перкунъ-азъ—главное божество у литовцевъ. то же, что у славянъ Перунъ, а у индусовъ Парана, богъ грома и молніи, отъ глагола бить, переть, попирать. Азаръ (Азаръ) или Язаръ—языческой богъ у мордвы. Витязъ (вит-азъ), князь (кон-азъ), сербско-черногорское „князь“, литовское „кунигасъ“, т. е. конный азъ, означало владыку или господина (стр. 63). Это господство военного сословія надъ туземными жителями занесено изъ Аріаны при перенесеніи арійцевъ-расовъ въ восточную Европу, на Волгу, Донъ, Кубань, Днѣпръ и берега Балтійскаго моря въ тотъ же періодъ времени, т. е. послѣ катастрофы въ Аріанѣ (стр. 160—162).

Геты-Азы или Геты-Расы, т. е. Руссы, оставили намъ и древнее названіе рѣкъ „дань“, по греческому выговору „тань“, по осетинскому и русскому „донъ“. (Названія рѣкъ „данами“ перечислены на стр. 19—20).

Иліада говоритъ (XX, 215 и слѣд.), что Дарданось (даръ дана) подъ покровительствомъ Юпитера Идейскаго (горы Иды близъ Трои) основалъ городъ Дарданію и сдѣлался родоначальникомъ дардановъ т. е. троянцевъ.

Такимъ образомъ арійцы подъ именемъ Саковъ, Гетовъ-Руссовъ Азовъ и Индовъ (по греческимъ историкамъ—Скифовъ) прошли всю западную и южную Азію, до Египта, и вторглись въ восточную и южную Европу подъ тѣми же названіями. Страбонъ (1 в.) записалъ древнія азіатскія преданія, утверждающія, что одинъ скиѣскій царь (вѣрнѣе—нѣсколько царей и не въ одинъ вѣкъ), именуемый Индогирсесомъ (Инд-ти-рса—росъ), побѣдоносно прошелъ всю Азію и проникъ даже въ Египетъ (стр. 106—111). ²⁶⁹⁾

О переселеніи Тирсеновъ и Сардановъ изъ Малой Азіи въ Италію острова Средиземнаго моря, Африку и другія страны говоритъ и Геродотъ, въ кн. I, гл. XCIV. ²⁷⁰⁾

Саки или Скиѣы (часть изъ нихъ называлась Сколоты—стр. 41—43) изъ Азіи переселились въ восточную Европу и заняли почти всю нынѣшнюю Европейскую Россію въ XV в. до р. X. ²⁷¹⁾ Переселеніе это шло не сразу, а въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ Скиѣы вытѣснили изъ названныхъ мѣстъ тамошнихъ туземныхъ жителей Киммерійцевъ, ушедшихъ въ Азію чрезъ Кавказъ и Фракію, и заняли рѣки: Волгу, Днѣпръ, Днѣстръ, Донъ и Кубань, а потомъ и Дунай. ²⁷²⁾

²⁶⁹⁾ Страбонъ, кн. XV, гл. I, 5—6.

²⁷⁰⁾ Древняя ист. народовъ востока. Масперо. Гл. VI, стр. 253—254.

²⁷¹⁾ Геродотъ. I, 5—7. Сколоты—питоносцы, являвшіе на питавъ орла, сими царской власти,—сокола, отчего эта птица и получила свое названіе: сколотъ—лотъ, соколъ.

²⁷²⁾ Тамъ же, IV, 11. 12 и 13.

Скифы вынесли из Арианы культ поклонения водѣ, росѣ, отчего они стали именоваться расами, россами, ресами, рсою и т. д. (стр. 160—162).

Для насъ теперь является весьма важнымъ вопросъ о происхожденіи народовъ, населявшихъ берега Азовскаго и Чернаго морей отъ устьевъ Днѣпра до Кавказа. Геродотъ говоритъ, что въ его время (V в. до Р. X.) на Таманскомъ полуостровѣ жили Синды или Инды.²⁷³⁾ О Синдахъ, жившихъ въ томъ же мѣстѣ, упоминаетъ и Страбонъ, а также о ихъ сосѣдяхъ Аспургахъ, Чигагъ и Керкетахъ (Чер-Гетахъ).²⁷⁴⁾ Инды имѣли много городовъ и высокую культуру. Гавань ихъ на Таманскомъ полуостровѣ славилась торговлей. Инды были рыболовы и земледѣльцы. Николай Дамасскій (въ V в. по р. X) говоритъ, что Инды клали въ могилы умершихъ столько штукъ рыбы, сколько они убили враговъ (фрагм. 121). Подобные обряды погребенія встрѣчаются при раскопкахъ могилъ въ южно-русскихъ степяхъ и по берегамъ Аму-Дарьи (стр. 65—66).

Синды или Инды—Порѣчане, пришедшіе изъ страны Семи Индовъ или Семирѣчья, съ подножій Индукуша или Индукоха (кохающаго инды—рѣки) (см. выноски 139). Главное божество арийцевъ, по Ригъ-Ведѣ, завѣдывавшее царствомъ облаковъ и орошеніемъ, было Индра (Инд-ра), которому посвящены многіе гимны (Ригъ-Веда, ч. 8, гл. 5, гимнъ X, § 8 и 9).

Аспурги—Асы и пургосъ—башня по гречески, т. е. Асы, живущіе въ укрѣпленныхъ городахъ съ башнями; такъ называли ихъ греки.

Въ первыхъ годахъ нашей эры Аспурги овладѣли всѣмъ Босфорскимъ царствомъ, т. е. всѣмъ побережьемъ Азовскаго моря, основали тамъ свою сарматскую династію царей, владычествовавшую до 337 г., до образованія Гуннской монархіи (стр. 66).

Въ тѣхъ же мѣстахъ, т. е. по берегамъ Азовскаго моря и далѣе на западъ въ первыхъ вѣкахъ нашей эры жили Роксоланы или Рос-Аланы (Страбонъ), Аланы, народъ благороднаго происхожденія, называвшій себя на своемъ языкѣ—Ась, Черкасы или Серъ-Асы, Джигеты (Чиги-Геты) и просто Геты, наводившіе страхъ на грековъ и римлянъ своими морскими набѣгами (стр. 65—68, 70—71, 92—112 и 131).

Народы Приазовья исповѣдывали христіанскую вѣру съ первыхъ вѣковъ нашей эры, имѣли своихъ епископовъ и архіепископовъ, свою русскую письменность и храмы (стр. 130—141).

Объ Аланыхъ, Чигахъ, Казакахъ, Ясахъ или Асахъ, Касогахъ и Касагахъ, Хазерахъ или Казахахъ (Ась-арахъ, т. е. арийцахъ) При-

²⁷³⁾ Геродотъ, IV, 28.

²⁷⁴⁾ Страбонъ, XI, 2 1.

зовья говорить и Констант. Багрянород. (стр. 64) и наши летописи X и XI в. в. (стр. 141—153).²⁷⁵

Хазары, переселившиеся съ Дона на Днѣпръ въ X—XII и XIV вв. называли себя Ясами или Ясами, Казахами или Казаками, т. е. Ясами-Саками, и Черкасами (стр. 141—157 и 189—190). Оставшіеся на Дону и Кубани Асы или Казаки-Черкасы, съ появленіемъ татаръ, отличавшихся въ первое время большой вѣротерпимостью, вошли въ составъ Золотой Орды подъ именемъ Чиговъ, Гетовъ и Россовъ; о чемъ свидѣлствуютъ современники татарскаго владычества, греческіе историки Никифоръ Григора и Георгій Пахимерь (стр. 174), а также посланники къ Батью—французскаго короля Людовика Святого Рубрукъ и палы—Плано Карпини, называя этотъ народъ славянами, аланами—ясами и „народомъ особеннымъ“. Русскія летописи ихъ называютъ „бродниками“, т. е. свободными, также „черными клобуками“ и Черкасами (стр. 174—177). Бродники ходили на службу къ русскимъ великимъ и удѣльнымъ князьямъ, въ Ордѣ же пользовались разными льготами, составляя въ ханскихъ полчищахъ передовую конницу. Для нихъ въ 1261 г. была учреждена особая епархія, именованная Сарской и Подонской (стр. 175—195).

Съ принятіемъ татарами въ половинѣ XIV в. магометанства, казачеству Золотой Орды пришлось терпѣть разныя притѣсненія и униженія, въ виду чего большая часть изъ нихъ стала усиленно переселяться на Днѣпръ и въ русскіе украинные городки и даже въ новгородскія области (стр. 190—197 и 263).

Донское „Поле“ къ концу XIV в. опустѣло (стр. 198). Лишь Черкасы низовьевъ Кубани и предгорій Кавказа геройски отстаивали свою вѣру и независимость, но и они послѣ вѣковой борьбы частью погибли, а частью ушли на Днѣпръ (стр. 26—29; немногіе изъ нихъ остались на мѣстѣ, смѣшались съ нѣкоторыми татарскими племенами, приняли магометанство и стали извѣстны у южныхъ народовъ, персовъ и турокъ, за ихъ дерзкую храбрость и отвагу, подъ кличкой „черкесовъ“, т. е. головорѣзовъ, по созвучію и осмысленію прежняго ихъ имени „черкасовъ“ (стр. 207—209).²⁷⁶⁾

Часть казаконъ осталась и въ Азовѣ, въ своей древней столицѣ.

²⁷⁵⁾ Мнѣніе нѣкоторыхъ историковъ о тюркскомъ или еврейскомъ происхожденіи хазаръ не имѣетъ поды своей научной почвы и опровергается данными, приведенными въ X т., стр. 141—159, и именемъ хазарскаго царя Исидора министру испанскаго вельфа около 890 г., опубликованнаго (стр. 146) проф. Гаркави на Ученъскомъ историческомъ съѣздѣ въ г. Тифлиси въ 1879 г. Проф. Гаркави имѣлъ обширныя и первостепенныя арабскія знанія.

²⁷⁶⁾ Изъ извѣстныхъ проф. М. В. Васильева, предположилъ существованіе и переносъ средней Азии, тогда имѣлъ возможность познакомиться Россію, надо принимать во вниманіе какой широты обиталъ народъ, а именно въ восточной Азии, соединялись въ составъ народы Чингис-Хана. Это тѣ народы, которыхъ описалъ еще въ X в. древній географъ Абу-Давудъ, а именно, хорезмъ, талаты, паллы, ба, раузы, тибетцы, кичаи, таласуан, хиролан, херухи, — т. е. турканы, булгары и др. всего болѣе 24 народы. Съ нимъ-то соединились остатки черкасовъ, образовавъ разноплеменный и разноязычный народъ черкесовъ.

подпавъ въ 1471 г. подъ власть турокъ. Но и оттуда они скоро были изгнаны на Днѣпръ, а потомъ переселились подъ Путивль (стр. 202—205).

Оставшіеся въ Золотой Ордѣ казаки, принявшіе магометанство и смѣшавшіеся съ татарами, стали извѣстны съ 1500 г. подъ именемъ казаковъ „ордынскихъ“, наводившихъ въ XVI в. страхъ на купеческіе и посольскіе караваны на Волгѣ и у Переволоки. Потомки этихъ казаковъ теперь извѣстны подъ именемъ Киргизъ—Кайсаковъ, вѣрнѣе, какъ сами они произносятся—кхасаковъ, т. е. киргизскихъ казаковъ (стр. 5 и выноски 4 и 173).

Объ обратномъ движеніи казачества на Донъ съ Днѣпра и разныхъ украинскихъ городковъ Русскаго государства, а также и новгородскихъ областей подробно изложено на стр. 211—216, 217—237 и 263—291.

Итакъ, арійцы, выселившіеся изъ Аріаны, распространились по всей западной и южной Азии, восточной и южной, а потомъ и остальной части Европы.

Военное сословіе у нихъ называлось „Ась“, Ассиры или Ассуры. (Ас—сирь, сарь, царь—господинъ, никому неподвластный).

Передовые отряды Асовъ носили название Геты, Хеты, Четы, Гайдамаки и т. п., отъ геть—идти впередъ, въ походъ (стр. 70 и послѣд.).

По первобытному религіозному культу древней Аріаны назывались: расами, рашанами, ресами, рсою, ршою, росью, россами и руссами, т. е. поклонниками воды, росы.

По вооруженію—Саками, отъ сакъ, сѣкъ, сѣчь, сѣчники, т. е. главное и самое страшное ихъ сружіе, помимо копья, а потомъ меча, было сагаръ или сакаръ—сѣкира.²⁷⁷⁾ Асы—скотоводы назывались аланами.

Предводители отрядовъ Гетовъ именовались *гетманами*, отъ древняго *man*, мидійскаго *mat*, индусскаго *ману*, персидскаго *мань*—начальникъ, глава, отецъ (батько) Гетовъ.

Гербъ начальниковъ Гетовъ былъ двуглавый орелъ.²⁷⁸⁾

На всемъ указанномъ пространствѣ въ теченіе многихъ вѣковъ звучала рѣчь Азовъ—Гетовъ, близкая къ говору древне-русскому, оставивъ въ языкахъ туземныхъ народовъ множество славяно-русскихъ корней, названій городковъ, мѣстностей, рѣкъ и др. (Стр. 19—20, 44, 60—61, 76—83, 109 и 111).

²⁷⁷⁾ Страбонъ. XI, 8, 4.

²⁷⁸⁾ Малинъ Реваль. Древняя Исторія, т. II, Фавина, Имя Хетовъ.

Куда проникли Азы-Геты или Ась-Саки, мирнымъ ли путемъ или съ мечомъ въ рукахъ, отъ Индіи до Италиі и Испаниі и отъ дельты Нила до Скандинавіи, тамъ они, какъ носители древней арійской цивилизаціи, становились во главѣ правленія, составляя изъ себя высшее благородное сословіе—„конныхъ азавъ“ или князей и „Азовъ-Саковъ“ или *Кизаковъ*.²⁷⁹⁾

Изъ этого сословія арійцевъ вышли богоподобные герои великіе проповѣдники истины, пророки, законодатели и мудрецы, какъ то: Ману и Сакія Муни (сакскій мудрецъ)—въ Индіи, Асуръ. Нинъ. Семирамида, Гамураби (великій законодатель) и др. въ Ассиріи и Вавилонѣ. троянскіе герои и наши былинныя богатыри.

Всюду Азы—Саки несли свои культурныя взгляды на свободу личности, развивали торговлю и промышленность и основывали новыя казачьи общины во главѣ съ своими князьями—„конными азами“ (стр. 63). Вездѣ господствовалъ ихъ гето-русскій языкъ. Это военное сословіе гордо именovalo себя Ас-саками или *казаками*. Съ этимъ именемъ всегда связывалось понятіе свободный, никому неподвластный, собственникъ.

Ас-саки въ древности владѣли всей западной Азіей, представляя въ существовавшихъ тамъ государствахъ высшее военное сословіе. Въ виду чего въ древне-еврейскомъ, халдейскомъ и арабскомъ языкахъ сохранился терминъ „*хазакка*“, право на владѣніе собственностью. *Хазакка*—это юридическій правовой институтъ, право собственности на основаніи давностнаго владѣнія. Хазакки—владѣльцы этого права, собственники, никому необязанные, никому неподвластные. Отъ этого еврейское хазакинъ или хозакинъ—собственникъ, наше—хозяинъ. Наши евреи читаютъ это слово *хозакъ*, караимы, халдеи, арабы и всѣ азіатскіе и африканскіе евреи—хазакъ²⁸⁰⁾. Въ русскихъ лѣтописяхъ, донскихъ и запорожскихъ древнихъ актахъ также писали то козакъ, то казакъ.

Азовское море, а иногда и Каспійское, у арабскихъ историковъ называлось Хазак-денгис—Казачье море. У этихъ же историковъ и географовъ, а также и у турокъ гор. Азовъ именовался Хазакъ, Азакъ. Адзакъ, Хазава и Хазова, т. е. Казачьимъ городомъ.

²⁷⁹⁾ Азы или, по греческому выговору, Асурги, а по сѣвернымъ готскимъ преданіямъ—Asgard, страна городовъ Азовъ въ Приазовьѣ. Изъ этой страны около I—II в. нашей эры перешелъ на сѣверъ, на берега Балтійскаго моря, въ Приморскую Русь съчастіемъ Готтовъ или Геттовъ—Асовъ Оденъ или Воданъ. Эти Азы сѣшались съ туземными народами, и языкъ ихъ сталъ общимъ въ прибалтійскихъ странахъ. Födda Island, сар. Ш. Hervarar Saga, сар. I Пет. Швец. Далнина.

²⁸⁰⁾ Письменное сообщеніе ученаго еврея Литмана Општейна 1916 г. февраль. Ростовъ-Донъ. Авт.

Константинъ Багр. одну часть жителей Приазовья называетъ Казахами, а русскія лѣтописи Касогами и Касагами или просто Асами и Ясами.

У армянскихъ историковъ Казары и Касоги назывались Кушанкъ или Кушаки. ²³¹⁾

Всѣ эти названія, разбросанныя на пространствѣ многихъ вѣковъ, одного и того же народа, вѣрнѣе—сословія. военной касты славянъ-руссовъ, на разныхъ языкахъ означаютъ одно и то же собственное имя, какимъ и до сего времени это военное сословіе съ гордостью себя называетъ—Ас-Саки, Кас-Саки, т. е. Казаки.

²³¹⁾ Георгій Монахъ. Исторія, часть I. Во время похода Атиаллы на западъ на Гунно-ионархю напали персы. Это случилось въ то время, когда Касоги или Казаки изовья ходили по просьбѣ воеводы Варгана на помощь Арменіи. (смотр. стр. 129)

Альтернативный взгляд советского историка

Труды донского историка Е.П.Савельева были изданы еще до Великого Октября. К настоящему времени они стали библиографической редкостью. Само имя Е.П.Савельева мало известно советскому читателю. В наши дни, когда возрастает интерес обществу к прошлому, в т.ч. к отечественной историографии, издание произведений этого историка представляется весьма актуальным. Оно позволит познакомить всех тех, кто интересуется ранней историей Дона, с нелегкими проблемами, возникающими при ее изучении, с различными подходами к их решению, имевшими место в прошлом, с приемами и методами исследования источников, используемыми Е.П.Савельевым, и с его выводами.

В центре внимания Е.П.Савельева — начальные этапы исторического прошлого донского казачества. В этом отношении работы его не являются оригинальными. Яркая, героическая история донского казачества находилась в центре внимания многих российских историков, в т.ч. историков-донцов. Живой интерес к своему прошлому, к деяниям предков проявлялся и среди широких слоев населения Донской земли. Об этом свидетельствуют песни, предания, легенды, бытовавшие и отчасти до сих пор не забытые в станицах и на хуторах, словом, весь богатый донской казачий фольклор. Тем не менее, несмотря на обилие и разнообразие литературы, несмотря на весь интерес к прошлому донских казаков, о нем было, как справедливо отмечал Е.П.Савельев, известно на Дону "очень немного".

Во всей массе малоизученных проблем далекого прошлого донского казачества Е.П.Савельев особое внимание уделил проблеме его происхождения. В этом отношении он был совершенно прав. Не только к моменту выхода в свет его трудов, но и до сих пор здесь особенно много "белых пятен". Исследователей поражает внезапность выхода донских казаков примерно во второй трети XVII в. на историческую арену, и то обстоятельство, что письменные источники, ничего не говорившие о наличии на Дону казаков или какого-либо связанного с Московской Русью населения, вдруг запестрели сведениями о казачестве, о его боевых делах юд Азовом и на Волге, у Перекала и по всей акватории Азовского моря. Поражает до сих пор, как немногочисленные сообщества заселивших Дон и связанных с Россией людей сразу же приобрели такой значительный вес на международной арене, и даже сам султан Сулейман Великолепный искал

в 1551 г. союзников для борьбы с ними...

И в самом деле, перед исследователем истории Дона XVI, да и отчасти - XVII в. сразу встает целый ряд вопросов, без ответа на которые невозможно представить себе возникновение казачества. Первый среди них - вопрос о времени. Действительно, появились ли казаки на Дону только в XVI в., когда о них уже имелись многочисленные сведения в письменных источниках, или же предки их проживали в крае и в более раннее время? С этим вопросом тесно связан и другой - об этносе, к которому принадлежало раннее казачество. Можно ли утверждать, что донские казаки - какой-то особый народ? Или же это в своей основной массе - русские люди, принимавшие в свою среду татар, ногаев, турок и выходцев из других окрестных народностей? Имелась ли, наконец, прямая связь между донскими казаками XVI в. и населявшими край ранее народностями древности и средневековья? Необходимо также решение вопросов о численности казачьего населения и ее изменениях, о расселении казаков по Дону и его притокам, о расположении поселений - "городков" и о передвижениях казаков по территории Дона и за ее пределами.

Ответить на все эти вопросы крайне затруднительно. Причиной, как верно отметил Е.П.Савельев, является состояние источников. И в самом деле, источниковая база подобного исследования: весьма скудна. В русских летописях, подчеркивал Е.П.Савельев, с донских казаках говорится мало и отрывочно, а других письменных памятников немного и разбросаны они по разным архивам и библиотекам.

Не удивительно, что среди исследователей вплоть до настоящего времени нет единого воззрения на происхождение донского казачества. Впрочем, в XVI-XVII вв., когда сословие донских казаков находилось еще в стадии формирования, и на Дону, и в центре страны смотрели на донцов, как на русских в своей основной массе людей. Сами казаки связывали свое происхождение с протестом против холопства и крепостничества. "Отбегаям мы ис того государства Московскаго из работы вечныя, ис холопства невольнаго, от бояр и от дворян государевых"¹, - писал в 1641 г. донской есаул Федор Порошин в повести об Азовском осадном сидении. Казаки не давали прямого ответа на вопрос о времени своего появления на Дону. Однако в фольклорной традиции они связывали это с "казанской службой" Ивану Грозному, за которую царь будто бы пожаловал донцам "слав-

¹ Воинские повести Древней Руси. М.-Л., 1949. С. 68.

ный тихий Дон с потоками и с белой Маньчью"¹. Следовательно, как полагали сами казаки, предки их жили на Дону не ранее середины XV в., со времен Ивана IV.

Что касается правительства, церковных и светских феодалов, то и они связывали появление донского казачества с бегством угнетенного населения из Руси. С середины XV в. русские дипломаты утверждали, что донские казаки - "наши холопы, в нашей земле многое лихо учинили", а затем - "убежали на Поле"². На русское происхождение большинства донских казаков указывал беглый подъячий Посольского приказа Г.Котошихин. Донские казаки - "породою москвичи и иных городов и новокрещенные татарова и запорожские казаки, и поляки, и ляхи, и многие из них московских бояр и торговые люди и крестьяне, которые приговорены были к казни в разбойных и татьных и иных делах, и, покрадчи и пограбя бояр своих, уходят на Дон"³.

Таким образом, в XV-XVI вв. ни в России, ни на Дону не возникало сомнения в том, что корни донского казачества - на Руси, что появление казаков на Дону связано было с бегством от гнета и произвола, и что время возникновения донского казачества - XV в. Едва ли случайно и то обстоятельство, что в донском фольклоре нет сюжетов более ранних, чем война Ивана Грозного с Казанью.

Новый взгляд на происхождение донского казачества распространился в XVIII в. В это время донские казаки уже превращались в полупривилегированное сословие Российской империи, и, в известной степени, в орудие царской политики. Поэтому уже в петровское время стало высказываться более лояльное отношение к казачеству. По словам Г.З.Байера, казаки "почитались всеми за храбрый и сильный народ". Естественно, что такой "народ" не мог происходить от "воров" и "разбойников", о которых говорилось в документах XV-XVI вв. В этой связи Г.З.Байер заявил о существовании казаков еще в X в. Со ссылкой на Константина Багрянородного он указывал, что казаки "... в 948 году... жили в нынешней Кабарде... где они от великого князя Мстислава... в Российское подданство приведены были". Прием ими в дальнейшем беглых "россиян, поляков и других... не пре-

¹ Исторические песни XIII-XV ввек. М.-Л., 1960. С. 505.

² См. напр.: Центральный Государственный архив древних актов (ШГАДА). Ф. 127. (Ногайские дела). № 3. Л. 171.

³ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 135.

пятствует, чтоб казаков можно было почитать за древний... народ¹. Так впервые в российской историографии была высказана идея древнего, причем не русского происхождения донского казачества.

В дальнейшем она стала пользоваться широким распространением и получила развитие у В.Н.Татищева. Он считал, что часть донских казаков произошла от запорожцев, пришедших с князем М.Вишневецким для борьбы с наступавшими на Астрахань турками. Они обосновались на Дону, где "построили город Черкасской". Сами же запорожцы - потомки "черкес от Бештау", поселившихся в 1282 г. под Курском, а затем пришедших на Днепр и построивших город Черкасы. Сходство названий Черкасск, Черкасы (город), черкасы (запорожцы-украинцы) и черкесы дали основание В.Н.Татищеву связать происхождение части донских казаков с черкасами и с Кавказом. Другая часть донских казаков, согласно В.Н.Татищеву, произошла от мешерских казаков, переведенных на Дон при Иване 1У².

Независимо от российских историков о кавказском происхождении донского казачества стали заявлять в ХУШ в., по сообщению А.И.Ригельмана, многие казаки. Они "считают себя природою не от московских людей", а "только обрусевшими", и заявляют: "я не москаль, но руской, и по закону, и по вере православною, а не по природе"³. Таким образом, за 100 с лишним лет, прошедших со времени создания азовских повестей, во взглядах самого казачества на историю своего происхождения произошли большие изменения. Если Ф.Порошин с гордостью говорил, что "вольное казачество великое Донское Войско" - "Московская область"⁴, то правнуки защитников Азова пытались отмежеваться от родства с Москвой. Полупривилегированное сословие донских казаков, а тем более ставшие чиновниками-дворянами старшины не желали иметь ничего общего с угнетенным на-

1 Байер Г.З. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. СПб., 1872. С. 79.

2 Татищев В.Н. Лексикон Российской исторический, географический и политический. - Избранные произведения. Л. 1979. С. 267, 284.

3 Ригельман А.И. История или повествование о донских казаках. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М. 1846. № 3, С. 3.

4 Воинские повести Древней Руси. С. 48.

родом России и Украины. Таким образом, сама идея нерусского и более древнего, чем в XVI в., появления донского казачества — весьма позднего происхождения. Возникла она не ранее XVIII в., когда положение на Дону по сравнению с XVI—XVII вв. существенно изменилось, а ранняя история стала обрастать легендами.

С начала XIX в., после того, как Н.М.Карамзин заявил о казаках: "Происхождение их не весьма благородно", вопрос о происхождении донского казачества стал предметом острейшей полемики между российскими и донскими историками. Согласно Н.М.Карамзину, предками донцов были азовские казаки, "которые в XV в. ужасали всех путешественников в окрестностях Дона", и российские беглецы, которые "искали дикой вольности и добычи в опустевших улусах Орды Батыевой"¹.

Столь значительное изменение в отношении к казачеству, заметное по высказыванию Н.М.Карамзина, вызывалось общим усилением охранительных тенденций в официальной идеологии в связи с углублением кризиса крепостного строя. В этих условиях еще более возросла непримиримость дворянских историков к народным движениям прошлого и к таким их активным участникам, как донские казаки.

Отрицательное отношение к казачеству дворянских историков перешло в российскую буржуазную историографию. Крупнейший ее представитель С.М.Соловьев видел в казаках силу, враждебную государству и "земскому человеку, занятому мирным промыслом"². Возникновение казачества на Дону было связано, согласно С.М.Соловьеву, с выделением из русского общества "толпы людей, искавших приволья в степи"³, бродяг и разбойников. Аналогичной гочки зрения придерживался Н.М.Костомаров, по мнению которого донское казачество "тогда возникало, когда удельная стихия пала под торжеством самодержавия; оно было противодействием старого новому"⁴ и играло, следовательно, негативную роль.

¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. 2. Т. 8. М., 1989. С. 86—87.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 7. М., 1962. С. 140

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 3. М., 1960. С. 694.

⁴ Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина. — Костомаров Ч.И. Исторические монографии и исследования. Кн. 1. СПб., 1903. С. 409.

Высказывания российских историков серьезно задевали донцов, а особенно — новоявленное донское дворянство, стремившееся как можно теснее слиться с дворянством российским. Поэтому в зарождавшейся донской историографии XIX в. все попытки хоть чем-то "принизить" казачество получали отпор. В трудах историков-донцов казаки стали представляться в виде когорты героев, имевших самое древнее и высокое происхождение. Так, автор первой истории войска Донского А. Попов заявил о происхождении казаков от амазонок¹. По мнению В. М. Пудавова, донские казаки — потомки древних славян, несших сторожевую службу у хазар еще в VIII-X вв., а затем сохранявших в течение 600 лет свою веру, народность и боевой строй².

С конца XIX в. споры вокруг вопроса о происхождении донского казачества потеряли прежнюю политическую заостренность. Характерной чертой работ по этой теме стало углубленное изучение источников, стремление к раскрытию связей между формированием донского казачества и протекавшими в средневековой России процессами, ее международным положением. Появился ряд серьезных работ, свободных как от третирования донских казаков в качестве разбойников, так и от попыток представить их потомками древнего "благородного" народа. В трудах П. А. Соколовского и П. П. Сахарова подчеркивалась связь между появлением на Дону первых казачьих отрядов, выходявших из Рязанско-Мещерской и Северской земель и промысловой деятельностью проживавшего в тех землях русского и нерусского населения. Подчеркивались социальные мотивы ухода из Руси на Дон, как выражение протеста против крепостничества. По мнению этих историков, в этнически пестрой казачьей среде преобладали русские. Говоря о времени возникновения казачества, они подчеркивали, что это — "явление не из старых", не более раннего времени, чем XVII в.

¹ Попов А. История о Донском Войске. Кн. 1. Харьков. 1814. С. 1-2, 12-14.

² Пудавов В. М. История войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск. 1890. С. 61-78.

³ Соколовский П. А. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом. СПб. 1878; Сахаров П. П. К вопросу о происхождении донского казачества и о первых подвигах донцов за защиту родины и веры на службе у первого русского царя Ивана Васильевича Грозного. — Донские областные ведомости. 1910. №№ 164, 167, 170, 173, 174, 177, 179, 181, 183, 186, 192, 195, 200, 202, 204, 208, 214, 217, 223, 225; 1911. №№ 6, 8, 134,

137,142,150,156,162,164,184,192,198; 1912. №№ 59,62, 66; его же. Происхождение донского казачества. - Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы. Т.2. Ростов-на-Дону. 1914; его же. Происхождение донского казачества и первые службы донцов России. - Сб.Обл.войска Донского статистического к-та. Вып. 12. Новочеркасск. 1914.

Труды Е.П.Савельева вышли в свет в начале XX в. Однако по своей направленности они были гораздо ближе не к своему времени, а к более раннему периоду, по крайней мере до последней четверти XIX в., когда вопрос о происхождении донского казачества был предметом острейшей борьбы между российскими и местными историками. С работами донских историков того времени исследования Е.П.Савельева сходны наличием полемической заостренности, стремлением без достаточных на то оснований отнести возникновение казачества к глубокой древности, к временам этрусков и даже крито-микенской культуры и войн греков с Троей, а также представить донских казаков как особый народ.

В числе предков казачества Е.П.Савельев называл такие известные в древности и в раннем средневековье народы, как скифы, сарматы, геты, массагеты, варяги, касоги-черкесы, ясы, аланы-роксоланы, гуны и хазары. Все эти народы очень сильно разделялись друг от друга во времени и пространстве, принадлежали к самым различным языковым семьям и группам и не имели антропологического сходства, что, однако, не помешало Е.П.Савельеву говорить о них как о славянах.

Выступая в начале XX в. с идеями, имевшими хождение в литературе ХУШ - 1 половине XIX вв., Е.П.Савельев должен был для их доказательства пользоваться теми же методами, которые использовали его предшественники. Конечно, в духе своего времени он признавал необходимым применять данные различных вспомогательных исторических дисциплин, но не делал этого. Говорить о славянстве тех или иных народов он считал возможным на основании лишь того, что наименования их якобы были производны от славянских слов, например, сарматы - сыромятники, сколоты - сколачивать, сколотин (хлопотун, купец-шибай), варяги - от русских слов, связанных с торговлей и охраной, геты - от геть (двигаться вперед), гетьман (предводитель гетов), гайдук и гайдамак. Подобный метод опирался на распространенную еще в ХУШ в. символическую этимологию, придававшую решающее значение схожести звучания географических и этнографических наименований¹ и допускавшую грубые натяжки.

¹ Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен по ХУШ век. Л. 1982. С. 144.

Подробно рассматривал Е.П.Савельев положение на Дону со времен Хазарского каганата и Киевской Руси вплоть до XV в., когда казачество утвердилось в крае. Воззрения на донских казаков как на прямых потомков русского населения, явившегося на Дон после разгрома Хазарии в 965 г., а также на бродников XP-XIV вв. и на червленоярцев XIV в. как на предшественников и даже предков донского казачества распространены в советской литературе¹. В этом отношении труд Е.П.Савельева близок к современной проблематике. Вместе с тем близость выводов Е.П.Савельева к выводам отдельных советских историков вполне уживается с различием в методологии исследования. Ни тщательного изучения хозяйственного быта населения степи, ни поисков новых источников — ничего из всего того, что имеется в трудах советских историков, не встретишь у Е.П.Савельева. Взамен — опять же, как и в главах, посвященных древности, широкое использование символической этимологии, наивные попытки отыскать русские корни явно нерусских слов. Именно в таком духе дается объяснение происхождению титула хазарского властелина — к а г а н, производимого автором от слова "коханый" — любимый, излюбленный батька-гетман, избранный народом правитель-военачальник.

Затронут Е.П.Савельевым сложный вопрос о происхождении слова "казак". В соответствии со своей концепцией существования казачества еще в древности, он связывал это слово с известными этническими наименованиями древности и средневековья. Е.П.Савельев отрицал тюркское происхождение этого слова. В настоящее время, однако, по поводу происхождения этого слова существуют разные точки зрения², большинство исследователей считают его тюркским. Решение этого вопроса Е.П.Савельев справедливо связывал с выяснением его значения и указал на одно из возможных его значений: казак — воин. Несомненно, смысловое значение слова богаче. Судя по русским ис-

¹ Мавродин В.В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в 10-15 вв. — Уч.записки ЛГПИ им.А.И.Герцена. 1938. № 11; Волькин Н.М. Предшественники казачества — бродники. — Вестник ЛГУ. 1949. № 8; Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М. 1966. С. 177-178; Шенников А.А. Червленый Яр. Л. 1987. С. 4; Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М. 1989. С. 500.

² Обзор ин-см. Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XV — начало XX в.). Историко-этнографические очерки. М. 1974. С. 21-24.

точникам, казак - прежде всего свободный человек, бродяга, изгой. Но по экономическим причинам казаки вынуждены были вступить в отношения с обществом, поступая или в работу к частному лицу, или на военную службу. Из документов XVI в. известно, что на севере России казаками назывались обедневшие крестьяне, нанимавшиеся к зажиточным односельчанам¹. Еще чаще звали казаками воинов и гонцов, посылавшихся с грамотами из Москвы к ногаям или в Крым. Часто в русских источниках упоминались враждебные азовские казаки, ходившие на Русь за полоном. Среди азовских казаков преобладали татары, но были и русские. Казаками стали называть в XVI в. и выходившие из Руси на Дон и на другие реки стряды, состоявшие из русских, татар и мордвы и нападавшие на ногаев, азовцев, крымцев, а нередко - на царские и купеческие суда на Волге. В середине 2 пол. XVI в. в России уже знали вольных волжских, донских, яицких и терских (гребенских) казаков.

Таким образом, слово "казак" носил официальный оттенок, наиболее ярко выраженный в тюркских языках - вольный, свободный человек. Е.П.Савельев не выделял этого смысла, что существенно мешало понять ему происхождение слова.

Более серьезного внимания заслуживает написанная Е.П.Савельевым история казачества XVI в. Конечно, невозможно согласиться с автором, что в тот век происходило возвращение казаков, якобы рассеянных в XIV в., на свою прародину. Но то, как Е.П.Савельев, используя разные источники, и прежде всего материалы дипломатических сношений России с ногаями, Крымом и Турцией, показал процесс складывания и укрепления казачества на Дону, представляет интерес. Справедливо указывал Е.П.Савельев на боевую активность донских казаков во 2 пол. XVI в., на их большую роль в борьбе с Азовом, Астраханью, Казанью, Крымом.

Не удалась Е.П.Савельеву попытка обобщить сведения о заселении Дона в XVI в. и назвать первые казачьи городки. Назвал он гораздо меньше поселений, чем было их в конце XVI в., поскольку проигнорировал хорошо известный в его время список донских городков, составленный в 1594 г.²

¹ Судебники XV-XVI веков. М. 1959. С. 460-461, 511.

² Государственный Исторический музей. Отдел рукописей. Синодальное собрание. № 766. Л. 148-149; об этом списке см.: Мининков Н.А., Рябов С.И. О заселении Донской земли в XVI-XVII веках. - Известия Сев.-Кавк. науч.центра высшей школы. Серия общ. наук. 1984. № 3. С. 25.

Главную свою идею — существования казачества в глубокой древности, задолго до нашей эры — Е.П.Савельев доказать не сумел. Его труды отличались отсталой для начала XX в. методологией и содержали немало неточностей и прямых натяжек. И все-таки знание их дает современному читателю определенную пользу. Они свидетельствуют о сложности разрешения вопроса о происхождении донского казачества и о возможности плодотворного его исследования лишь на базе достоверного фактического материала и всестороннего изучения обстановки на всем Юго-Востоке Европы в позднее средневековье, которая способствовала появлению и утверждению казаков на Дону.

Н.А.МИНИНКОВ

Средняя история казачества.

Розысканіе о началѣ русскаго казачества.

Часть II-я.

I. Казаки запорожскіе, стѣверскіе, рязанскіе и др.	. 185—216
II. Движеніе казачества на Донъ 217—237
III. Казаки терскіе и гребенскіе. Атаманъ Ермакъ 238—262
IV. Новгородскіе повольники на Дону 263—291
V. Общій выводъ 292—299